

Ольга Коренева

Долгое завтра,
потерянное вчера

Экстремальный роман

18+

Ольга Александровна Коренева
Долгое завтра,
потерянное вчера

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65668014
SelfPub; 2021*

Аннотация

Невероятный, ошеломляющий роман, полный неожиданных поворотов и непростых ситуаций. Как говорится – будь осторожен в свои желаниях, они могут исполняться. И тогда – может случиться всякое. Вот такое всякое, экстремальное, и случилось с Катей, она попала в самый эпицентр детективных событий!

Содержание

Глава первая. Катя	5
Глава вторая. Сашка	56
Глава третья. Криминал	83
Глава четвертая. Чулачакви	139
Глава пятая. Вадим	179
Об авторе	206
Контакты	210

Ольга Коренева
Долгое завтра,
потерянное вчера

*И бегу, обгоняя страх,
И в слезах, на бегу, молюсь,
О тебе напишу в снегах
Я молитву мою, о Русь...*

Глава первая. Катя

Метель мела и мела, словно хотела замести весь мир. Снег колот щеки и подбородок, ветер пытался содрать кожу с лица. Хотелось поскорее переместиться в тепло, домой. Дорога была так отполирована снегоуборочной машиной, что почти превратилась в каток. Приходилось идти по краю, где бугрился снег.

Обледеневшие ветки деревьев сказочно сверкали в свете фонарей. «Будто в стране Снежной Королевы», – подумалось ей. – «Еще одна зима, на этот раз морозная. Потом будет снова весна, затем – лето... И так далее. Все идет по накатанной, как эта дорога, все то же самое... Считается, что мы сами творим свою жизнь, с Божьей помощью. Но на самом деле, чувствую, кто-то строит ее за нас. Кто-то всемогущий и незримый. Может, какие-нибудь там высшие мистические силы. Вот есть понятие кармы. Христианство это отвергает. Но как тогда объяснить то, что происходит со мной, то, что я не могу вырваться из этого «заколдованного» круга. Один такой круг, в конце-концов, заканчивается, и тут же начинается другой, причем опять надолго. Одно сменяется другим, и вот кручусь, кручусь, а поделывать ничего не могу, словно программа какая-то срабатывает. Молись – не молись, не поможет. Считается, что счастье надо искать в вере, часто ходить в храм, получать радость от молитв, от испове-

ди и причастия, от православных праздников, повышать духовность... И будешь бесконечно счастлив. Но я не чувствую приливов радости от церковных служб и праздников. После всего этого у меня ощущение, словно я просто выполнила какое-то дело. Каждый день что-то приходится делать, и это надоедает. Может, нужна любовь? А если ее нет? Ну, конечно же, надо просто влюбиться. И тогда мир засверкает всеми своими красками. Но как, где? Где искать тебя, любовь?..»

Как-то она поделилась всем этим с соседкой. Та ответила, что просто бесы ее водят, и надо преодолеть себя и воцерковиться. «Кто редко ходит в храм, не исповедуется и не причащается, тот невоцерковленный», – сказала она, – «и того мучает лукавый».

Странно. Да нет, чепуха какая-то.

Казалось, метель заметает душу. Холодно внутри...

Каждый раз, проходя очередной «круг» бытия, ей думалось, что это скоро кончится, и дальше будет нечто необыкновенно счастливое, искрящееся, сбудутся мечты. И сбывались. Частично. Но тут же начинался следующий круг, и все становилось однообразно и уныло. Получалось, что раньше-то ей было лучше... Закрадывалась мысль, будто она – в каком-то потустороннем мире отбывает наказание за грехи, которых уже не помнит. Словно все это однообразие и внутренний холод – изоощренная кара.

«Кара, карма... Бред. Измышления досужего ума», – тут же успокаивала она себя. – «Просто так бывает. Это пройдет.

Все переменится».

И она мысленно начинала умолять Бога помочь ей, послать что-нибудь очень хорошее, прекрасное, необыкновенное, сделать так, чтобы жизнь внезапно стала другой... Насыщенной. Интересной. Яркой. Навсегда.

Но вдруг приходила другая мысль – что она вечно мучается, и это может из-за имени. Екатерина. Ее святая покровительница – мученица Екатерина. Мученица.

Тоже чушь. Мало ли на свете успешных и счастливых Екатериин? Да не стоит на этом циклиться, и все.

Дома, приняв ванну и напившись крепкого земляничного чая в прикуску с бананом, она, как всегда, засела за компьютер и привычно нырнула в Интернет. В ее почте торчало несколько писем. Прочитала, ответила. С одним инет-приятелем завязался философский диалог. Да, что-то он раздухарился сегодня. Перешли общаться в Mail-Ru агент. Она понимала, что это все трэш, пустая болтовня, но иначе она не могла. Приятель с ником Волк вещал:

– Вот ты говоришь. А знаешь, на самом деле, «Форбс» подсчитал, в каких городах мира водится больше всего миллиардеров. Москва заняла первое место.

– Ну, да, – ответила она. – Я что-то слышала об этом.

– Вообще-то Россия также занимает первое место в мире по количеству миллиардеров, преследуемых правоохранными органами. Потому что правоохранные органы тоже хотят стать миллиардерами.

– Да, верно, – поддакнула она, и заглянула в блог Волка.
Студент МАТИ, 22 года.

– Чаще всего наши миллиардеры – это просто разбогатевшая урла. Делиться с нами они не хотят и не будут...

– А с какой стати им с нами делиться? Каждый сам за себя. Хотя в развитых странах существует благотворительность. И богатые с удовольствием помогают неимущим, – сказала Катя.

– А у нас, когда устраивают благотворительные акции, просто «отмывают» деньги, – посетовал Волк. – И вообще... Что я хотел сказать? Сбился с мысли. А, вспомнил. В России отсутствует общественный договор. Да и самой России тоже не существует, это только вывеска. Под нею скрывается Орда.

– А слово «орда» в переводе означает закон, порядок. Вот в чем парадокс-то, – ввернула Катя.

– Это с какого же языка перевод? – подколот Волк

– А тебе не все равно? – поддела его Катя.

Он проигнорировал ее ответ, и продолжал:

– Только у нас Орда извращенная. Порядка нет. Одно лишь общее. Страной правит хан. Все построено на феодальных отношениях, все бизнес-сообщество. Реальным сектором рулят реальные пацаны. А вот Конституция – она нереальная, она написана для лохов на Западе. Чтобы видели, что у нас тоже гражданское общество, демократия и сплошная благодать.

– Вот отчего мне так хреново, такая муть в душе, – написала она. – Ну что ж...

И, подумав, добавила:

– А если понимать под Россией не государство, а народ и территорию, то она была, есть и будет.

Потом добавила еще:

– Что ж, надо звать «на царство» варягов. Я за Ангелу Меркель.

Волк ответил:

– А Меркель может восприниматься только высокоразвитой нацией немцев. У нас она бы запила с тоски и в конце застрелилась бы от нашего бардака, вседозволенности, хамства, коррупции и беззакония. Наш народ понимает только силу и порядок, установленный сталинскими методами.

– Насчёт Меркель ты не прав. Она у нас уважаемая личность, у неё рейтинг в России будет выше, чем у нынешних правителей. А если есть поддержка населения, то будет и борьба с коррупцией, бюрократией и т.д. Причём настоящая борьба, а не показуха, как при нашем тандеме. У нас не борется никто, потому что нет уважения к власти, и нет надежды, что всё будет на деле, а не на словах.

"У нас она бы запила с тоски и в конце застрелилась от нашего бардака" – гы-гы)) Да, немцам свойственно пьянство)) они и без России пьют)) Но Ангела... она какая-то другая. Она харизматичная. За ней в России население точно "пойдёт" хоть куда. Кстати, у нас есть опыт правления немков в

истории. Екатерина Вторая была немкой! И какая была великая Россия при ней! Я думаю, и Ангела наведёт порядок...

– Ну что ты в ней нашла, в Ангеле этой? Старая и страшная евротетка. Нет, лучше Обаму. Вон он как своих олигархов в чувство приводит. Бонусы отдают. Половину состояний жертвуют.

Так прообщалась она допоздна. Был уже третий час ночи. Спать не хотелось. Закончив диалог, она принялась шарить по инету и выискивать интересные статьи и видео. Все как обычно. В этом была ее жизнь.

Наконец, она оторвалась от монитора, откинулась на спинку компьютерного кресла, прокатилась на нем по заезженному паркету, и глянула в окно. Огромная, словно распертая изнутри, яркая луна заглядывала в комнату. «Полнолуние», вяло подумала Катя.

Казалось, луна споткнулась о крышу дома, и застопорилась на уровне последнего, 17 этажа, на котором находилась Катина нора, убежище, пещера. Катя задумчиво уставилась на луну: что-то в ней не так, странная она, или показалось? Стало как-то не по себе. Она задернула шторы.

Потянулась. Поднялась, и побрела на кухню. Надо бы перекусить. Кухонная законность желто лучилась – казалось, что луна медленно втекает внутрь.

Катя зажгла свет, задернула занавеску, и распахнула дверцу холодильника. Вытащила кусок колбасы, куснула, включила чайник и телик. Стало уютнее на душе.

Снилось, что плывет она по лунной воде, вспученной неистовым желтым сиянием, которое выгибается и выкидывает ее в небо, и она летит в нереально ярком пространстве, а рядом с ней парит мужчина, но разглядеть его она никак не может – просто широкоплечая мужская фигура и вытянутые вперед мускулистые руки с большими ладонями. Она оглянулась, напряженно всматриваясь в его лицо, но увидела лишь бледный лоск на скулах и прозрачно розовые уши.

Проснулась в полдень. Долго нежилась под одеялом на новом красном постельном белье, отчего было тепло, уютно и празднично. Потом выползла из постели и направилась в ванную.

Полежала в ванне с персиковой пеной, растерлась махровым полотенцем, долго пила крепкий земляничный чай и вспоминала странный сон. Как уютно было во сне! И необычно! Она допила чай, закусила бананом, и тут холодная и тусклая действительность снова начала заползать в душу.

В сущности, кто она такая? Сорокапятилетняя безработная. Переводчица. Переводила контракты. Фирма упразднилась, новую работу Катя найти не смогла, не очень хотела, и уже даже не ищет – захватила неспешная праздность, да и интерес пропал: покойная бабушка оставила квартиру, которую Катя сдает, и неплохо получает – квартира большая, в «сталинке». А вот ее приятель и сосед Сашка подрабатывает где попало, то охранником, то подсобным рабочим, но

временами уходит в запой и вылетает с работы. Иногда Катя просит его что-нибудь починить, повесить новую люстру, или просто так зовет поболтать да посмотреть телик, когда общение с подружками наскучит и хочется чего-нибудь мужского. Сашка пытается ухаживать, но она превращает это в шутку. Как мужчина он ее не привлекает, хотя вовсе и не урод. Ведь она уважает только успешных мэнов. Естественно, успешный – значит умный, деловой, именно таким мужик и должен быть, а все остальные – просто недоумки. В этом она твердо убеждена.

Перед мысленным взглядом всплыл Сашка: высокий, длиннорукий и длинноногий, с круглым лицом и широким носом, вот он приглаживает свои короткие русые волосы, шея у него длинная и мощная, но плечи уже покатые, он смущенно сутулится, топчется в прихожей... Да ну его, неинтересно.

Она полила кактусы. Подошла к трюмо и принялась расчесывать свои густые светло-каштановые кудри. Как всегда, отметила про себя, что выглядит значительно моложе своих лет. Это ей всегда льстило. Действительно, ей никто больше тридцатника не давал.

Жить бы ей да радоваться, ходить на дискотеки, в театры и кино, играть в боулинг, отвечать на заигрывание парней. Но ничего этого не хотелось.

«Нет, так нельзя. Надо встряхнуться», – решила она. И вспомнила последнюю телепередачу. – «Шопинготерапия –

это вещь. Нужен шопинг. Хотя, у меня всего полно, ну да ладно, прикуплю еще что-нибудь»...

Воздух приятно охлаждал лицо, веяло невероятной свежестью. Можно ничего и не покупать, а просто погулять по Мегацентру и попить кофе с пирожными. А впрочем, все равно ничего кроме джинсов не носится, они ведь такие удобные.

Эскалатор медленно тащил ее вверх.

И откуда она взялась, вот эта юбка?! Может быть, атмосфера в магазине такая? Но Катя, забыв обо всем на свете, попёрла прямиком в примерочную. Разумеется, вместе с юбкой. Не юбка, а просто бомба! Только к ней срочно понадобилась блузка, и что-то на каблуке, и правильные колготки, и ещё там чего-то. Да, и сумочка тоже! В общем, в комплекте с юбкой она притащила домой ещё целый ворох всякой одежды. Тут ей позвонил Сашка, видимо скучно ему было, и есть хотел. У Кати всегда полный холодильник. Она, конечно, пригласила, и не преминула похвастаться покупками. Он с тоской смотрел на гору всяких разноцветных тряпочек. А она кайфовала, и представляла себе, как пойдет с подружками в бар, как будет играть в бильярд, красиво изгибаясь, и юбка эта тугая подчеркнет ее бедра и откроет ноги в колготках цвета кипрского загара. Но не сразу, не сразу это будет. Надо растянуть предвкушение удовольствия.

На следующий день, в воскресенье, она пригласила Сашку на выгул своей новой юбки. Юбка узкая до безобразия. В отличие от джинсов, в ней через лужи не попрыгаешь. Так

что шла она степенно, «юбочной» походкой. Голова гордо поднята, типа, горизонтом интересуюсь, чтобы никто не заметил, как необыкновенно приятно ей в новой юбке. Перед большими лужами растерянно останавливалась, беспомощно на Сашку оглядывалась, веди мол, а то я сама даже и не знаю, куда шаг сделать...

Возле ее подъезда Сашка «завис» и принялся рассуждать:

– Да-а, мы, поколение сорокалетних, скоро исчезнем. А у меня перед глазами стоит то время... – Он слегка дотронулся до ее ладони. – То время... Студенческий летний лагерь в горах, песни под гитару до утра, быстрая прозрачная горная речка с ледяной водой, чистенький песок, огромные валуны на берегу. – Он заморгал и вздохнул. – Строили запруды из камней, загорали до черноты. А киношка? Какие тогда были хорошие, добрые фильмы. На стене столовой растягивали экран, а киномеханик, он же водитель и электрик в одном лице, врубал кинопроектор, который периодически заедал и рвал пленку. Если попадался в фильме особо эротический момент, типа обнаженной груди или слишком длинного и откровенного поцелуя (очень редко), он закрывал рукой объектив. Конечно, все возмущенно свистели и гремели стульями, которые для просмотра киношки выносились из столовой. А над головой бездонное черное небо и Млечный путь, дорожка в другие миры. Дискотека! Вернее, как тогда говорили, танцы. Забетонированная площадка, которую поливали водой из шланга перед началом. Отплясывали так,

что пыль столбом! Тогда только вошел в моду брейк. Исполняли "нижний брейк" на столешнице, снятой с теннисного стола. И все это удовольствие обходилось в девять советских рублей за двенадцать дней. Правда, кормили наскоро, макароны, перловка, компот... Но нам тогда и не надо было никаких разносолов. Громадная алюминиевая миска с салатом из юсуповских помидоров с луком, горячая лепешка. А если ночью захотелось лопать – сгущенка и вьетнамская консервированная ветчина спасали от голодной смерти. Впереди была целая жизнь...

Он замолчал, ожидая приглашения после такой лирической тирады.

– Ну и что? – спросила она.

Он потоптался на месте, и вдруг продекламировал с трагическими нотками в голосе:

– Меня там нет давно, я выпал в этот мир.

– А я никуда не выпадала, – отозвалась она. – Бай, мальчик.

И, качнув бедрами, скрылась за дверью. Кодовый замок крякнул перед носом растерявшегося мужчины.

Вечером, случайно отключив на телевизионном пульте звук, она долго не могла понять, в чём дело. Разобралась лишь через час, скачав из инета инструкцию и прочитав, наконец, пункт об устранении неполадок. Посмеялась над собственной тупостью, и позвонила Сашке, повеселить. Тот выслушал эпопею с пультом, и как-то печально произнес:

– Не надевай ты больше эту юбку. Ты в ней становишься блондинкой.

– Ну, подумаешь, лоханулось! – ответила она. – Зато юбка такая классная! И я в ней просто супер! А то в последнее время из джинсов не вылезала, надоело.

Всю ночь во сне она примеряла юбку с разными кофточками, и была, почему-то, яркой блондинкой.

Проснулась в полдень, и опять долго лежала в постели, размышляя. А ведь неспроста все это, – подумала она. – Может, это подсказка Вселенной? Может, надо покраситься в блондинку, и тогда в моей жизни что-то переменится?

* * *

Из парикмахерской она вышла блондинкой. Белая кипень светлых кудрей, словно морская пена, обрамляла розовое, сразу ставшее каким-то кукольным, личико с мелкими чертами, с аккуратным носиком, пухлыми губками, и сияющими серыми глазами. Ее лицо словно проявилось, стало ярким, броским. Она вдруг показалась себе богиней, ну прямо Афродитой, с точеной фигуркой, обтянутой стильной юбкой и перламутрово-голубой кофточкой. Афродита на каблучках. Да, она себе очень понравилась...

Ноги сами завернули в Мегацентр, просто ей не терпелось полюбоваться собой новой в больших зеркалах. И она любовалась. Потом долго рылась в сумочке, достала, наконец, мобильник, и позвонила Насте.

Настя отозвалась не сразу. Они дружили давно, но как-

то вяло. Иногда играли в бильярд, в боулинг, порой подруга заскакивала в гости, и они вместе шли в комиссионку возле Катиного дома – им нравился отдел с безделушками, который они называли музеем. Там они, бывало, покупали себе фарфоровых или бронзовых зверюшек. Настя, коренастая брюнетка с черными бровями, выщипанными полукругом, и короткой стрижкой, занималась дизайном. Заказов было не то, чтобы много, так, периодически, но зато с каждого клиента она имела неплохие доходы. У нее была подержанная «тойота королла» серебристого цвета, на которой она лихо бороздила просторы родной Москвы.

Наконец, подруга взяла трубку.

– Привет, Настёнок, – чирикнула Катя. – Как дела? Что? Я не дома. В Меге. А ты? Знаешь, у меня для тебя сюрприз. Угадай, не угадаешь ни за что! Ты что сейчас делаешь? Ничего? Так давай сходим куда-нибудь...

Встретились на парковке на полпути между Катей и Настей. Конечно, подруга ее не узнала сначала. Сидела в машине и напряженно всматривалась, скользя взглядом мимо Кати. Пришлось девушке (сорокапятилетней девушке, ха-ха, ну что ж поделаешь, сейчас так называется молодняк, который еще и в сорок пять молодняк, еще порой не замужем, без детей, и весьма даже юного вида. Конечно же, давно не девственница, но все же девушка, хе-хе. И подружка под стать, хотя у той был скоропалительный брак, закончившийся разводом, обычная история) подойти и постучать в окошко. На-

стя возмутилась, потом узнала, опустила стекло, ошарашено вытаращилась.

– Кити, это ты? Вот это да-а! Вот сюрприз так сюрприз-изик! Это что же с тобой случилось, с чего бы такая метаморфоза? Любовь?

– Если бы, – усмехнулась Катя. – Любовь нам только снится, таким гордым и самодостаточным. Но все еще впереди! У меня такое предчувствие... А еще-е, такой сон был...

Она порхнула вокруг капота, открыла дверцу «тойоты» и радостно плюхнулась в кресло рядом с подругой.

– Ну, сгоняем куда-нибудь, встряхнемся, и «обмоем» мой новый имидж.

Настя вела машину и смешливо рассказывала:

– Прикинь, Кать, сижу, жду, пока машинку переобуют. Подъезжает к шиномонтажу «инфинити», из него выходит вся из

себя гламурная такая киса. Ее спрашивают: «Что надо, колеса перекинуть?» Она – «А-а? Колесо починить». Парни, как положено, снимают колесо, ремонтируют, и по ходу дела один спрашивает: «Чем колеса накачать?» Киса: «А что есть?» Парень решил приколоться, и говорит: «Ну, воздух с разной мелодией, есть с Пугачевой, есть с Киркоровым. Вот когда шину в очередной раз проколете, то у вас в салоне зазвучит песня, можно сделать стерео, а можно – quadro».

Весь шиномонтаж начинает хихикать, каждый занимается своим делом, но уши уже обращены к девахе.

Киса: «А Баскова можно?»

Парень: «Можно и Баскова, вам quadro сделать? Или стерео?»

«Да, пожалуйста, Баскова quadro».

Все присутствующие уже еле сдерживаются, чтобы не зажать в голос.

Колеса накачены «Басковым». Киса уезжает. Всех буквально выворачивает от хохота, аж слезы текут. Народ прямо плачет! И надо было же так попасть, что через пару дней я опять на том же монтаже. Ну, рядом с моим домом, знаешь. Подъезжает этот же «инфинити», из него выходит солидный мужик, и спрашивает: «Два дня назад вы колесо делали на этой машине?»

Пацаны вжались в щели.

«Кто колесо делал на этой машине два дня назад?»

Ну, всё, сейчас накажут, но сознаваться надо. Выходит хозяин и скромненько так, виновато: «Ну... да... мои ребята делали»...

Мужик: «Так это вы моей жене колеса Басковым накачали?»

Хозяин: «Ну... это... м-м-м»...

Мужик: «Держи тысячу рублей!»

Хозяин: «А...»

Мужик: «Три дня не сплю – ржу, всем пацанам рассказал, все просто валяются».

Шиномонтаж опять в слезах.

Девушки расхохотались.

– Как она вообще с таким умом замуж за богатого мужика вышла? – удивилась Катя.

– А что тут странного, богатые дурочек любят, дуры не опасны. А умные бабы – стервы, и бизнес отнимут, и мужа подставят. Известное дело!

Катя задумалась. Обо всем. И об этой нелепой ситуации с окраской волос. Зачем, в сущности, она это сделала? И о дурацком рассказе подруги, совершенно нереальном, хотя и смешном. И она смеялась. За компанию, что ли? Скорее всего, этот случай Настя просто выдумала. Что-то вроде охотничьих рассказов. Есть, оказывается, еще и автомобилистские рассказы. Байки автолюбителей. Вот точное слово. И вообще, она давно заметила, что, встречаясь с подругой, она инстинктивно подстраивается под нее, становится такой же. Прямо ее копией. Внутренне, конечно. Тут у Кати возникло какое-то ноющее тревожное чувство, будто что-то произойдет, какая-то ужасная неприятность. Захотелось выскочить из машины и вернуться домой, в свою милую квартирку с кактусами на подоконнике, к своему компьютеру, к Интернету, нырнуть в свой привычный виртуальный мир. Но она резко подавила это чувство.

На светофоре Настя достала сигарету, щелкнула зажигалкой, затянулась. Катя глянула в окно. Бескрайняя грязно-серая лента шоссе, и серые бетонные высотки, и холодный, сы-

рой какой-то, снег, зато в салоне авто тепло и уютно. А от грудного голоса подружки как-то особенно комфортно. Настя докурила сигарету как раз, когда светофор блеснул зеленью, сунула бычок в пепельницу, и снова взялась за руль. Авто медленно взяло с места и двинулось в общем потоке машин. Катя подумала о своей блондинистости. И о сырой и теплой зиме, которая вдруг оглушила таким морозом, что деревья покрылись льдом и приняли неестественные позы, некоторые попадали, а у иных ветки закрутились штопором.

Скачки мыслей прервала подруга. Она сказала:

– Мне снился сон, что Россию, наконец, обнесли железным забором, на котором реальные пацаны тут же написали с внешней стороны: «убей себя ап стену».

– Ха-ха-ха! – А мне снилось что-то лунное, и летающий мужик. И сама я летела.

– Хи-хи, сон неудовлетворенной бабы. Друг тебе нужен, вот что!

«Тойота» свернула в переулок. Пошла линия газонов с редкими деревьями, ветки которых топорщились и выгибались, скованные льдом.

– Я тут недавно так ржала, телик смотрела, обхохоталась прямо! – заговорила Катя. – Нет, правда, умора!

– А что там было? – поинтересовалась подруга.

– Прикинь, студия, там сидят известная телеведущая и знаменитая разведчица. Ну, ты понимаешь.

– Не доперла, о ком речь.

– Кто из нас блондинка? Ксения и Анна. Теперь понятно? Вот примерный диалог, точно не помню, но что-то в этом духе:

«Расскажите, Анна, о вашем знаменитом подвиге, за который вас так горячо благодарил президент». -

«Вы знаете, Ксения, я разведчица, и не обо всем можно говорить. Скажу лишь, что задание, которое я получила, было очень сложным. Надо было войти в тесный контакт с депутатом ихней Госдумы. А чтобы приблизиться к телу депутата, мне пришлось войти в телес... то есть, в тесный контакт с двумя дюжинами второстепенных людей. Конюх, шофер, садовник, повар, швейцар. Остальных я не имею права раскрывать. Хотя не могу не упомянуть чернокожего почтальона. Это было О-о-о! Именно на нём меня поймала полиция нравов и выслала из Штатов за массовое соращение добропорядочных американцев. Хотя подробности не могу, это секретно». -

«Ой, как романтично! Как бы я хотела бы получить такое же задание. Скажите Анна, откуда у вас такая красивая кличка «путанна» с двумя нэ? Откуда такая красота в вашей подпольной кличке?» -

«Это сокращение от фамилии моего любимого разведчика и моего имени». -

«Ах, как интересно. А у меня тоже была бы кличка?» -

«Не сразу. Сначала к тебе, Ксения, обращались бы просто, по-дружески: эй ты, как там тебя, иди сюда».

– Ха-ха-ха-ха-ха... – засмеялась Настя. – Ты меня прикалываешь!

– Хи-хи-хи... – подхватила Катя.

Машина повернула налево, и остановилась возле бетонно-стеклянной высотки.

– Ну, приехали, – сказала подруга. – Сейчас, где тут парковка-то, не помню...

Они припарковались и вышли. В подвале дома был бар с боулингом и бильярдом.

Девушки заглянули во все залы, и для начала решили перекусить. Расположились за столиком у окна. Не успели еще рассмотреть меню, как подскочила официантка:

– Что заказывать будете?

– Да мы не решили еще, – отозвалась Настя.

– Я вам советую коктейль «Манхеттен», – бойко произнесла официантка.

– Ну, раз советуете, так давайте. Один «Манхеттен», и один безалкогольный – я за рулем. И вот это еще...

– Клубнику со сливками, – подсказала Катя.

– Да-да, и мне тоже, – присоединилась подруга. Она сидела напротив Кати и шурила свои миндалевидные карие глаза, выпуская из уголка рта тоненькую сизую струйку сигаретного дыма.

Официантка исчезла минут на сорок. Кате стало как-то неуютно и неинтересно. «Что я здесь делаю?» – сверлила

МЫСЛЬ.

Коктейль показался довольно крепким, но очень приятным. Заказала еще. И ощутила беззаботную веселость. Это ей понравилось. И она подозвала официантку и попросила снова повторить. Крупная клубника под толстым слоем сливок выглядела весьма соблазнительно, но оказалась безвкусной, холодной, и какой-то тошнотворно жирной. Или это сливки были слишком жирные.... Катя хмелела, коктейль превращался в озеро... Это озеро... оно впустило в себя ее без единого всплеска и закрылось снова, вспыхнув на прощание золотыми искрами, словно тысячей рыбьих глаз.

Катя на миг потерялась, но потом нашла себя на боулинге. Она кидала шары по очереди с кем-то, а это оказались почему-то ее подруга и незнакомый мужчина. А может, они уже успели познакомиться, она не помнила.

– Я бы хотела стать пеплом, но не пылью, – произнесла она, почему-то и сама удивилась сказанному.

Она погрузила пальцы в отверстия шара, подняла его, размахнулась, и яростно швырнула вперед. Шар бешено промчался по дорожке и вылетел за бортик.

Потом она снова потерялась, но через минуту нашлась – только уже в другом месте и в другом времени. Она лежала одетая, в сапожках и шубке. Она была в постели. А рядом с ней храпел незнакомый мужчина. Кажется, она его где-то уже видела. Интерьер комнаты был странный, непривычный какой-то. Да это же не ее квартира! На полу валялась ее су-

мочка, и в ней надрывался мобильник.

– Алло?

– Ты где?! – взорвался встревоженный голос подруги. – Звоню-звоню по домашнему, не отвечаешь. С тобой все в порядке?

– Порядок. А что было, ничего не помню.

– Мы играли в боулинг...

– Это я помню.

– Познакомились с Вадиком. Ты накачалась. Такая пьяная была, жуть! Потом вы с Вадиком исчезли. Он тоже был хорош, тоже в зюю. Я тебя вызванивала-вызванивала, да что толку-то, как сквозь землю... Где ты хоть?

– Сама не пойму. Валяюсь в шубе где-то на постели, рядом мужик в куртке и ботинках... А когда мы в боулинг играли?

– Вчера вечером.

– Ничего себе!!! А сколько сейчас времени?

– Полдень уже, полдень!

– Погоди, не поняла, откуда взялся этот Вадик?

– Ну, ты что, совсем ничего не помнишь? Мы сидели в баре, потом ты пошла в туалет и исчезла. Я стала тебя искать, и нашла на боулинге, ты играла с мужиком, я спросила, кто он, сказал – Владик. Стали играть втроем. Но ты была такая пьяная, жуть! Я попыталась тебя увести, но ты вырывалась, да еще мужик вступился. Потом ты захотела пить, я пошла за водой в бар, взяла бутылку минералки, вернулась – ни тебя, ни мужика. Сгинули оба. Я звоню, звоню, без толку.

– Ничего не помню, хоть убей, – простонала Катя.

Голова кружилась, в горле пересохло. Она сползла с постели и пошла искать кухню. Все время попадала куда-то не туда, в квартире оказалось целых пять комнат. Наконец, набрела на кухню огромного размера. Налила воду из-под крана, жадно выпила стакан. Нашла бутылку с недопитым «Каберне», сделала несколько глотков. И быстро ретировалась.

На улице поймала такси. Домой, скорее домой!

Возле двери уронила ключ, подняла – упала сумочка. Не сразу попала ключом в скважину, руки тряслись.

В прихожей быстро скинула одежду, и помчалась в ванную. Долго лежала в горячей воде, «отмокала».

Ну и похождение. Первый день новоявленной блондинки. Никогда она раньше так не напивалась, просто умопомрачение какое-то. Что ж это такое? Почему? Она всегда признавала только шампанское. Бокал. Сразу как-то радостно становилось. Все остальное игнорировала.

Вечером с наслаждением пила терпкий чай, и жевала банан. Потом валялась в постели и болтала по телефону с Настей. Та развлекала ее рассказами о своем коте Батоне. Излюбленная ее тема.

– И знаешь, Кать, – вещала подруга, – Батоша, вообще, необычный кот. Не верь тем, кто говорит, что животные не понимают слов, все они отлично секут, ну я ж тебе говорила. Я ж рассказывала тебе, что мой малыш провел свои отроческие годы вместе с собаками, и повадки приобрел собачьи,

этакий «пёсокот» стал. Во-первых, после того как поест, он «зарывает» свою миску под ковер, видимо переживает, что у него все съем.. Во-вторых, когда он слышит кошачьи завывания на улице, начинает подпевать, но несколько необычно, он говорит «мав» или «маву-в».

– А «гав» не говорит? – хихикнула Катя. Ей уже порядком поднадоела эта вечная «кошачья» тема. Настя была просто помешана на своем коте.

– Ну, это же почти «гав». Нет, ты слушай. В-третьих, на команду «Батон, фас» он кидается к своей любимой игрушке – многострадальной плюшевой коровке, душит ее, а потом приносит мне и, гордо подняв хвост, удаляется. В-четвертых, он очень любит драться с соседской собакой – таксой по кличке «Бакс». Вот именно этого храброго «друга человеческого» кот мой запугал до такой степени, что бедный Бакс, как только видит Батона, забивается в угол и начинает скулить, а хозяин прибегает ко мне и просит: «Заберите своего котика, он нашу собачку бьёт». А ещё этот ласковый и нежный зверь, когда оскорблён моим невниманием или что-то приходится его кошачьей душе не по нраву, он ложится у входной двери, кладёт свою голову на вытянутые передние лапы и замирает. Позавчера я жарила рыбу, на которую этот кот реагирует, как остальные кошатины на валерьянку. В общем, в процессе готовки котяра умудрился стырить большой кусок камбалы и, подтащив ее к своей миске, довольно быстро съел. Сделав своё чёрное дело, кот сел на стул напротив

меня и стал преданно следить своими голодными глазками за тем, как я поглощаю жареную рыбу.

«Уйди, троглодит, ты и так скоро лопнешь», – говорю ко-ту.

«Мав»... – тихо промолвил он.

«Я сказала – нет. И точка!» – не дрогнувшим голосом по-вторяю я.

«Мав?» – еще тише просит котик.

«Нет».

Эти голодные глаза, казалось, просверлили меня на-сквозь. Кусок в горло не лез, я хлопнула ладошкой по столу и встала. Минут пять кот сидел на стуле и продолжал буравить меня взглядом. Потом решительно слез, подошел к своему домику, вцепился в него зубами и потащил. Потом взял в зу-бы свою любимую плюшевую коровку и тоже куда-то понес. Затем начал волочить по полу свою миску с едой. Я в недо-умении продолжала смотреть. Затем он залез на окошко и в лучших традициях «Простоквашино» – «Не правильно ты, дядя Федор, бутерброд ешь», – посмотрел сначала в окошко, затем на меня, следом на холодильник, вздохнул (тяжело и протяжно) и направился в коридор. Я поспешила за ним, и узрела такую картину – все «пожитки» Батона стояли у вход-ной двери, а он сам пытался лапой открыть «путь к свободе».

– Да, оригинально, – сказала Катя.

Она решила отплатить подруге за надоедливую болтовню про кота. Интересно, поймет ли Настька прикол?

– Я тебе тоже сейчас забавную историю расскажу, реально, в «Новостях» передавали, – сказала она. – НАСА разработало пушку, которую заряжали тушками куриц и палили по ветровым стёклам самолётов – на предмет проверки их прочности при столкновении с птицами на взлёте и посадке. Заряд рассчитывали так, чтобы скорость курицы соответствовала скорости самолёта при взлёте и посадке. Об испытаниях узнали англичане и попросили эту пушку на время – проверить свой скоростной поезд. Пушка была выслана. На испытаниях при первом же выстреле курица разбила особо прочное ветровое стекло скоростного экспресса, пробила приборную доску, сшибла кресло машиниста и влипла в заднюю стенку кабины. Англичане послали отчёт об испытаниях вместе с химическим составом стекла и конструкцией окна в НАСА с просьбой дать объяснения и рекомендации. Ответ от НАСА состоял всего из одной строчки: "Разморозьте курицу".

– Ну, тупы-ы-е, – серьезно сказала Настя.

Катя не удержалась и съязвила. При этом голос ее стал нарочито строгим:

– «И помни, лейтенант милиции Золушка, ровно в полночь ты превратишься в лейтенанта полиции». – «А голова?» – «Тут я, увы, бессильна, голова так и останется тыквой!»

Подруга не приняла это на свой счет, и хихикнула.

Так проболтали они часа два. Пожелали друг дружке спо-

койной ночи, и разъединились. Катя положила трубку, и переместилась за компьютер. Но тут снова затрезвонил телефон.

– Алло?

– Алло, – раздался незнакомый мужской голос. – Как, Катенок, головка не бо-бо? Что же ты сбежала?

– Я? Сбежала? А... Это Вадим? – догадалась она.

– Совершенно верно, киска.

Бархатные нотки в голосе, игривый тон, все это не понравилось ей, бросила трубку. Откуда у него ее телефон? Кажется, сама дала, спьяну. Да, точно, теперь припомнила. Но самого Вадима вспомнить она, как ни силилась, так и не смогла. Как он выглядит? Ну да ладно, ну его.

Она разъединилась, и снова погрузилась в Интернет.

Опять телефон. Взяла трубку. Голос Вадима был на сей раз мурлычистый и шелковистый.

Она положила трубку, и нырнула на сайт «Ответы». Ей нравилось смотреть, какие вопросы задают блогеры, и как на них отвечают другие. Ответы бывали очень остроумными, а вопросы иногда просто смешными. У некоторых блогеров встречались весьма забавные ники: Леди Привереды, Злая Тетка, Гад-ЗИЛа, Твоя Будущая Теща, и т.д.

Она зашла на сайт, и принялась просматривать записи. Вопрос задавала Брюнетка: «Подскажите, пожалуйста, адрес, где колеса иномарок накачивают Басковым? Моей подруге накачали, но она адрес забыла».

Отвечал Маленький Огурчик: «Вы блондинка?»

Брюнетка: «Нет, брюнетка. Почему все об этом спрашивают?»

Маленький Огурчик: «А я думал, блондинка».

Брюнетка: «У меня же ник: Брюнетка».

Катя внутренне рассмеялась. Но лицо у нее было печальное.

«Погуляв» по Интернету, она переместилась на кухню, пить чай и смотреть «зомбо-ящик», как называла телевизор соседка Лиза, тридцатилетняя девица, работающая в церковной лавке. Но мысли всё куда-то уплывали. Рассеянно поглядывая то на экран, то в окно, за которым растеклась тьма, сквозь которую высвечивались окна противоположного дома, она вяло жевала банан. Сначала мысли метнулись к этой жуткой истории, которая с ней приключилась вчера, но тут же перескочили на хрусткий снежок под ногами во дворе, на забавные обледенелые деревья, потом на Сашку (небось, тоже тупо уставился в «ящик», и пьет пиво), на соседку Лизу. Эта Лиза каждый раз при встрече рассказывает о каких-то необыкновенных церковных службах, о паломнических поездках, о раках с мощами. Говорит так, будто всем это интересно, увлеченная особа, да. Она верит во все, что написано в Библии, и даже в конец света, ну прямо как дитя, – думалось Кате, – инфантильность какая-то. Но, вообще-то, с ней приятно общаться, от нее такой внутренней теплотой веет, словно она переполнена какой-то особой субстанцией

доброты и чистоты. Странно. Но приятно. Только вот о храмах и иконах слушать Кате не очень интересно. А вообще, все они, друзья-знакомые, занятно контрастируют. Настя – с квадратными плечами, с крупными чертами лица, с черными бровями подковкой, приземистая и большеногая. Лиза – невысокая, зеленоглазая, с пухлыми губками, улыбчивая, всегда в длинной юбке. Сашка – высокий, с крупным носом и головой как репа. Если бы они были фарфоровыми фигурками, как в той комиссионке, куда они с Настей порой заходили, получилась бы преинтереснейшая коллекция.

Катя вернулась в комнату, и принялась разглядывать статуэтки в серванте. Были среди них и с синей печатью «ЛФЗ» – у коллекционеров они особенно ценились, так как появились на свет в середине двадцатого века, в самые «застойные» советские времена, когда еще были качественные и очень хорошие товары. Фарфор с красной печатью «ЛФЗ» возник позже, но тоже достаточно давно, у Кати были и такие фигурки. Не говоря уже о современных.

Спать она легла далеко за полночь.

Проснулась, как обычно, днем. Лежа в постели болтала по телефону с Настей ни о чем. Долго завтракала под аккомпанемент «зомби-ящика». Потом накинула короткую шубку с капюшоном, и отправилась в магазин. По пути встретила Лизу.

– Привет, соседка.

– Спаси Господи, – ответила девушка.

Тут Катя решила подколоть ее каверзным вопросом:

– Вот скажи, Лиз, что-то я не пойму. Получается, как мне кажется, что-то странное. Вот Христос взял на себя все грехи людей, и, значит, он стал грешником вместо тех, кто грешил, так, что ли?

– Да что ты такое говоришь?! – опешила Лиза.

– Ну, так он же взял на себя грехи человечества, так сказано в Писании. Вот как я понимаю – Господь перенес наши грехи на Иисуса, он обошелся с ним, как с грешником, позволив ему умереть за грехи всех людей. С Иисусом обошлись так, будто это он был виноват во всех совершенных грехах тех, кто когда-либо уверует.

Лиза даже приостановилась, ошарашенная такими словами.

– Христос принял на себя грехи людей, чтобы спасти их, – сказала она. – Но при этом он остался Богом. Он искупил грехи человечества ценой мучительной смерти на кресте.

– Так Богом, или Сыном Божьим? – не унималась Катя.

– Сын Божий, Богочеловек, Бог, так его именуют, это все одно, – сказала Лиза.

– А я так понимаю, – продолжала Катя, – что грехи – это ошибки и уроки людей, которые должны сами люди понимать и исправлять. Какой дурак придумал, что учитель за учеников их уроки (грехи) будет выполнять?

– Ну что ты такое говоришь? – опять ахнула Лиза. – Иисус Христос больше чем учитель, и поэтому он не только "ис-

правляет" грехи кающегося грешника, но и помогает избавиться от этих грехов силой прощения и любви. Надо просто стараться жить по Его заповедям.

– Ну, понятное дело, как же, – ответила Катя, и завернула в магазин.

И подумала: «Жить по заповедям? Как же! История человечества показала! Никто, абсолютно никто не сумел жить по Его заповедям. Потому что Его заповеди противоречат человеческой сущности. Любая религия, это же политика кнута и пряника! Это – метод, применяемый в человеческом обществе задолго до Иисуса. Ну, вот, хотя бы, заповедь «Ни убий». Всегда были, есть и будут войны, какое же тут «ни убий»? Или смертная казнь – она же почти во всем мире есть, у нас лишь, по дурусти, отменили, и население стало резко сокращаться – убийцы безбоязненно орудуют.

– Ты все равно ничего не поймешь, – сказала Лиза. – Надо не философствовать, а просто верить, всем сердцем, душой. Душа мудрее разума. Разум человеческий несовершенен.

А может, и можно соблюдать эти самые заповеди, – подумала Катя, – ведь есть же святые, были же, хотя и они считали себя грешниками»...

Она купила пакет сока «Мультифрукт», который очень любила, килограмм мандаринов, упаковку конфет, и направилась к выходу. Возле магазина топтался очень грустный Сашка. Недокуренная сигарета дымилась, зажата между его пожелтевших сбоку пальцев.

– Ты что тут делаешь? – спросила Катя.

– Курю, – печально ответил он, взглянул на нее и отвел быстро глаза. – У меня мама умерла. Вчера похоронил.

– Ну, ей теперь хорошо, она на небесах. Не грусти. Мои родители умерли шестнадцать лет назад. Иногда снятся мне, такие умиротворенные, довольные, я за них свечи ставлю и записочки на помин подаю в Родительские Субботы, знаешь же такие церковные дни?

Она вспомнила то время. У мамы случился инсульт, а папа умер через неделю от инфаркта. Смерть их была быстрая, без мучений. Катя не испытала какого-то особенного потрясения, или приступа горя. Нет. Им было уже за пятьдесят. Просто, вот были они, и вот – не стало. Родня помогла с похоронами, с поминками. На поминках было сказано много замечательных слов об этих тихих, незаметных людях, учителях, – мама преподавала английский язык, папа – немецкий. Они были настолько заняты своей работой и друг другом, что на Катю их уже не хватало, и ее воспитанием занималась, в основном, бабушка. Вот бабушкину смерть Катю переживала очень остро, но не долго – это как пожар: все вспыхнуло, но быстро прогорело. Бабушка умерла, когда Кате было шестнадцать. Хотя, не так уж равнодушны были к ней родители, но услужливая память выдавала Кате то, что ей хотелось – пожалеть себя, такую несчастную и брошенную сиротинушку. А вообще, она не любила ворошить прошлое. Все что было, быльем поросло – эта присказка была

ее девизом.

Она ободряюще похлопала Сашку по плечу, он благодарно улыбнулся. В этот момент рядом с ней затормозила иномарка, темно-синий «Бентли». Дверца машины распахнулась, оттуда легко выскочил невысокий мужчина спортивного вида, загорелый, ухоженный, густые каштановые волосы завязаны на затылке в хвост. Куртка нараспах, запах дорогой туалетной воды. На вид ему можно было дать от сорока до пятидесяти. Он смотрел на Катю с ласковой и чуть покровительственной улыбкой, и ей показалось, что он ее знает. А она ну вот никак вспомнить его не могла.

– Привет, киса, – сказал он бархатистым голосом, который она уже где-то слышала.

– А вы, собственно, кто? – спросила она.

– Забыла уже, с кем ночь провела? – игриво ответил он. – Вадик я, Вадик.

– А как ты меня нашел? – Катя в полном изумлении расширила глаза.

– По мобильнику, дорогуша, элементарно. Я же знаю твой номер, так что определить твое местонахождение не составило труда, у меня мобильник с навигатором. Есть такая программа. А ты не знала?

– Кто ж этого не знает, – парировала Катя. – А вот я эту программу не признаю. Потому что так не честно.

В общем, мужик ей понравился. Хоть и не высокий, но очень даже ничего, обаяния бездна, весь из себя, сразу видно

– бизнесмен. И чего она так яростно отмахивалась от этого Вадика?

Сашка с досадой швырнул на землю окурок, и ревниво глянул на соперника, засунув ладони, резко сжавшиеся в кулаки, глубоко в карманы.

– А это кто? – Вадик кивнул на Сашку.

– Да это мой сосед, хороший парень, – бросила Катя. – Знаешь, я не могу понять, с чего это ты, после ничего не значащего, пьяного знакомства, начал вдруг наводить мосты? Да еще так настойчиво.

Вадим широко улыбнулся, и сказал:

– Люблю умных женщин. Мысли у тебя нестандартные.

– Да, меня постоянно преследуют умные мысли, но я быстрее... – съязвила Катя, повернулась, и пошла домой.

«А в чем нестандартность моих мыслей?» – подумала она. – «По-моему, они абсолютно естественны в данном случае. Или он привык, что девушки сразу бросаются ему на шею? Но тут он сильно промахнулся. Нет, со мной у него так не выйдет!»

Вадим сел в машину и медленно поехал за ней. Катя подошла к подъезду, сняла с плеча большую кожаную сумку, и стала искать ключ, который оказался завален покупками. Вадим успел выйти из машины, и преградил ей путь.

– Ну, ты и кактус, – сказал он с усмешкой.

– Кактус – это обиженный огурец, – парировала Катя. – Скоро им будешь ты.

Она достала, наконец, ключ, и открыла подъезд. Вадим проскользнул следом.

– Так приглашаешь в гости? – спросил он.

– С чего ты взял? – огрызнулась Катя.

Чем больше ей нравился этот мужчина, тем яростнее она отталкивала всякую мысль о нем.

Она не стала дожидаться лифта, а помчалась вверх по лестнице. Сердце бешено колотилось, щеки пылали, она летела вверх, не чуя ног. Она ощущала себя птицей. Она спасалась от нахлынувших чувств, оглушивших ее.

На третьем этаже она остановилась. Как раз только что подъехал лифт, двери кабинки распахнулись, и вышла соседка с тарелкой в руках – видимо, шла в гости и несла что-то, Катя не разглядела. Она вскочила в лифт и быстро нажала кнопку своего семнадцатого этажа. Кабинка взмыла вверх.

Вадим и не думал ее преследовать, лишь хохотнул и вышел из подъезда. Сегодня он ощутил себя охотником, в нем проснулся азарт. До сих пор девушки давались ему легко. Слишком легко. Их было много.

«Да, приключеньице», – подумал он. – «Эта деваха та еще штучка».

Вадим не был заиклен на своем бизнесе, и его иногда брала досада, что дело поглощает почти все его время. Но он давал себе разрядку на несколько дней, и тогда куролесил всласть. Его любимой забавой была «охота» на хорошеньких женщин. И он всегда возвращался с «трофеем». Но на сей

раз случился облом, и это его здорово раззадорило. «Дичь» улепетнула.

Сегодня ее не увлек ни Интернет, ни телевизор, ни книга. Остаток дня прошел комом. Она думала. О себе. О нем. И снова о себе. Впервые за много лет она погрузилась в воспоминания. Обо всем. Обо всей своей жизни. В памяти всплыла юность, родители, первая любовь. На этот раз память не хитрила в угоду ей, а выдавала все честно, как компьютер.

Вот ей девятнадцать. На дворе восемьдесят пятый год. Они пьют чай, и повернуться им некуда, и все равно хорошо. Здесь, на балконе, даже чайнику нет места – везде в ящиках, горшках, банках, коробках – цвет, цветы, цветы... От политической земли пахнет уверенным летом... А это – она и он... В лодке, плывут они по самому краю дома. А снизу, и сверху, и сбоку с ними вместе плывут соседи, развернув свои знамена на бельевых веревках. Этажом ниже – Настя. Она тогда еще жила под ними. Это уже потом, спустя годы, она переместилась в другой район. И Катя кричит ей, перегнувшись через перила:

– Иди к нам! У нас пироги!

Настя приходит, они теснятся как могут, и сидят уже втроем, а Настина пустая лодка плывет вниз одна. И Настя сверху начинает ее рассматривать, как будто никогда прежде не видела, и каждую вещь на ней она узнает и называет. Не стоит верить, когда она говорит, что у нее дома дела и ей пора уходить – просто ее поразила пустота оставленного места...

Но вот равновесие восстановлено, и Настя радостно кричит что-то из своей лодки, ветер лохматит ее короткие черные волосы, полукруги бровей взлетают вверх, карие глаза блестя.

Ночью был салют. Бум! – раздавалось за окном. – Бум-бум-бум! Стены мигали разноцветными бликами, по полу бежали тени. Гулкие проемы окон вдруг всплескивали переливчато, сыпя яркими брызгами, и снова замирали. Это огромные праздничные люстры падали с неба на город. Город не отзывался, было тихо, только иногда взлаивала собака, или какой-нибудь потревоженный жилец открывал окно и, ежась, оглядывал горизонт. Многоэтажный город казался черной ямой, и люстры гасли, не долетая до него.

В комнате от постоянного бумканья рождались маленькие звуки: стукались висюльки люстры, попугаи скреблись в затененной клетке, и тихо звенели чашки на столе. Одна чашка была с отбитой ручкой. Ее разбили как-то случайно. Были гости, и было уже довольно поздно. Все устали и хотели спать...

– Мам, это не моя чашка.

– Да, Кать, я помню, твоя с отбитой ручкой.

Чашку, хоть и битую, не забыли, не загнали в угол шкафа к другой покалеченной посуде, которую выбросить жаль, а заклеить – плохая примета. Из нее пьют, ее моют. Это подарок Катиного жениха.

– Это мамин жених, – говорит Катя.

Мама больше всех радуется его приходу, цветам и подаркам. Она узнает его по телефону и говорит с ним высоким счастливым голосом о Прибалтике.

Однажды мама с папой ездили в Литву. Это было давно. В то время у них ничего еще не было, кроме большого чемодана, с которым отец приехал в Москву. Отложенные на пальто деньги таяли, как кусок льда в холодной воде – медленно, но верно.

Когда по телевизору показывают Прибалтику, на пожарный крик Кати сбегается вся семья. Отец тычет пальцем в экран и кричит так, будто в комнате глухие:

– Это здесь, здесь, помнишь, за углом!

Мать, подперев правый бок и покачиваясь, после передачи уходит на кухню – мечтать. Она создана для той жизни. Как в Литве...

Вся квартира заполнена открытками, сувенирами, от которых чуть исходит золотистый дух...

Катиного жениха зовут Женя. Он любит битую чашку не потому, что это его подарок. Он берет ее в одну руку, другой обнимает Катю за плечи, и всегда говорит одно и то же:

– Помнишь, Катенок, когда я тебя поцеловал, этот растяпа Сашка уронил чашку и облился. Все бросились его вытирать, и никто не заметил, как мы поцеловались еще раз.

Катя очнулась от воспоминаний, и стала думать о Жене. В девяностые он, как и многие другие, удрал в Штаты, позднее обосновался на Кипре. Она потеряла его из виду, потом

случайно нашла через Интернет. Началась вялая переписка. Все то ушло, тот восторг, когда она влюбилась в него, и он ответил взаимностью. Это был взрыв чувств, но потом все медленно сошло на нет, осталась лишь дружба. Как это было:

Начало мая, а жара, как в самый разгар лета.

Женя говорит о своей новой картине:

– Она сюррАя, – говорит он. – «Мой дым, но не мой дом», так я ее назвал. Завтра пойдем смотреть.

– Куда?

– В мастерскую, конечно.

Катя молчит.

Женя пристально смотрит на нее. Умные печальные глаза у Жени, как у старого сеттера, хотя он старше Кати всего на пару лет.

– А я тебе стихи написал. Новые. Слушай:

Вспоминаю голодный лес.

Он имел человеческий вес.

Ты как лес была голодна,

Когда оставалась одна.

А сегодня в голодном лесу

Я тебя на руках несу.

Как дырявые рукава,

Мои руки не греет трава...

– Хорошие стихи, – говорит Катя. – Красиво читаешь.

Не читает, а будто поет, напевает грустным, глубоким, как со дна озера, баритоном... Его голос убаюкивает ее, смысл

стихов растекается мыльной пеной, сквозь которую проступают деревья с корявыми лапами, по лесу несет ее Женя на руках, а белое платье невесты мыльной пеной сползает с Кати и капает на траву...

Ночь разлилась рекой, затопила город. Дома – водяные растения. Изредка поплаватками замаячат кое-где на балконах ночные курильщики, бессонные старики... За окнами, внутри, в черноте квартир, тихими снежными хлопьями оседают на постели сны. Подводный снегопад. Он неравномерен. Кому-то досталось сразу три сна, а кому-то не одного. Вот и Катю сны продинамили. Она снова и снова вспоминает... Люди... Транспорт... Человеческие потоки бурлят, волнами перехлестывают движение друг друга... И она – часть этой стихии... Она вбегает в метро, выходит из него, лезет в автобус, перебегает улицу, сворачивает за угол... А двор похож на детский рисунок: неровная зелень закапана желтыми кляксами. Это одуванчики на траве сквозь пелену ее слез, когда она узнала... Поняла, что лучшая подруга, Настя, увела ее жениха.

... Свадьба Евгения и Анастасии была пышной. Это был скоропостижный брак. Расписалась, съехались, и разбежались. Через три года. Потом Женя жил в своей мастерской. А затем иммигрировал. На Западе он стал модным художником. Кате он написал несколько дежурных писем, и она ответила ему тем же. Смертельная обида заморозила ее душу. Все один к одному, в течение нескольких лет, подряд –

потеря жениха и подруги, через два года смерть родителей, через четыре года смерть бабушки, потом потеря работы... Она зарылась в Интернет, как страус головой в песок... Подруга первая пошла на примирение. Да и какой смысл вспоминать дела давно минувших лет? Так что отношения восстановились. Хотя подруга была уже не та, ну и Катя тоже изменилась. И отношения у них были скорее приятельскими, дружбой это никак не назовешь. Болтовня подруги иногда просто бесила Катю, но она сдерживалась. Ведь их связывало так много: юность, детство, куличики в песочнице, «Первый звонок» – «Последний звонок» – выпускной бал... и Женя. И еще, давно возникшая привычка общаться.

Хотя у Кати были и другие, дежурные, подружки, так, чтобы время иногда провести.

Жизнь – хороший учитель, и Катя твердо уяснила себе – нельзя знакомить подруг со своими друзьями. Никогда!

Она свернулась калачиком в мягком бархате ночи, а наутро ее разбудил настойчивый звонок в дверь.

На пороге стоял посыльный с преогромнейшим букетом цветов. Необычайно большие оранжевые розы с бордовыми каемочками по краям лепестков теснились в подарочной упаковке и отчаянно благоухали. Из самого сердца букета нагло выглядывала записка: «Это тебе, Ёжик». Внизу приписан номер мобильного. Катя, совершенно обалдевшая, не знала, что и делать. Принять такой дорогой букет было совестно. Ведь это означало бы, что она согласна на все его

ухаживания, и что она не против вступить с ним в какие-то отношения. В тайне от себя, она даже хотела этого. Но вот так сразу? Ни за что.

Посыльный, молодой парень, нетерпеливо переминался.

«Но ведь если я не возьму цветы, Вадим их просто выбросит. Они пропадут, жалко. Такая красота погибнет!»

И Катя растерянно расписалась в квитанции.

Закрыв дверь за посыльным, она принялась подрезать корешки цветов – ножки их были длинные, толстые, все в шипах, и она несколько раз укололась. «Отомстил Ёжику», – усмехнулась она.

Ровно сто один цветок – подсчитала она. – Почти как в песне про миллион алых роз...

Ваз не хватило, хорошо хоть, что сохранились трехлитровые банки из-под консервированных помидоров. Розы заполнили все свободные места в обеих комнатах и на кухне. «Прямо цветочный магазин, а запах-то – обалдеть!!!» – ахала она.

Набрала его номер, чтоб поблагодарить, но абонент был недоступен. И решила не звонить вообще. «Пусть сам, первый. Почему я-то? Подумаешь, подарил цветы, это еще не повод».

«...Повод, еще какой повод...» – подсказывало сердце. Вадим ей нравился все больше. Но она боялась дать волю своим чувствам. Ведь такое уже было, и она сильно обожглась. Нет, с Женей – это только репетиция, любовь ее тогда

была незрелая, поспешная, и постепенно перешла в дружбу, а потом друга и вовсе увели. А настоящее, сильное чувство у нее возникло позже, когда после института, поработав по распределению учительницей, она вдруг устроилась в фирму – вот повезло-то, и зарплата там приличная, и работа не пыльная! Директором фирмы был молодой и весьма энергичный мужчина – стремительная походка, зачесанные назад темные волосы, зеленые с прищуром глаза. Валентин. Он как-то сразу покори́л Катю, ее сердце ёкнуло, сорвалось и ухнуло в пропасть. Все случилось на корпоративной вечеринке под Новый Год: желтые и красные воздушные шарики образовывали цифру 1996, все блестело и кружилось, шампанское, коньяк, ликеры, ах как она танцевала, и вот он пригласил ее! Ах, как она теряла голову... Как он ее целовал – но это уже потом, потом, и было счастье, и всё у них было!!! Фирма просуществовала шесть лет, и самоликвидировалась. Валентин «отмыл» деньги и уехал в Канаду. На прощанье подарил Кате духи «Нина Ричи». Сказал, что скоро вернется, и у них будет ослепительная свадьба. Он блефовал.

С тех пор Катя стала осторожной. Еще одного удара она не вынесет. И она изо всех сил защищалась. Но мысли то и дело возвращались к Вадиму. «Да, я ёжик, а еще, я – роза с шипами, такая вот большая оранжевая роза. И не надо ко мне приставать», – так она ему ответит, пусть только попытается он...

Но ей хотелось этого. «Нет-нет, ни за что, нет!!!», – твер-

дила она себе, – «ну его, вообще!» Но она думала о нем.

В этот день она была просто переполнена радостью и какой-то необычайной легкостью. Она буквально парила по квартире, пританцовывала, мурлыкала песенку про миллион-миллион-миллион алых роз. Она накинула мягкий оранжевый халатик, наложила на лицо бананово-яичную маску, через двадцать минут смыла, и долго разглядывала в зеркало свою сияющую кожу.

Зазвонил телефон. У Кати учащенно забилося сердце. Сняла трубку – но это был Сашка. Он, как всегда, длинно и путано спрашивался на чай. Говорил, что хочет рассказать необычайно интересную историю, и так далее. И она его пригласила.

И вот он пришел, тщательно выбритый, в наглаженной рубашке и постиранных джинсах. От него пахло свежестью. Но под глазами темнели мешки, и вид был очень уж несчастный. Ах да, траур же, мама... – вспомнила Катя. Ей стало его жалко.

Он вплыл в этот упругий розовый дух ее квартиры, и все понял. Не задал ни единого вопроса. Молча вымыл руки, прошел на кухню. Сегодня Катя достала праздничный чайный сервиз «Тет-а-тет», который ей подарил еще Валентин. В вазе лежали миндальные пирожные – она их обожала. В плетеной бамбуковой тарелке – мандарины. А посреди стола торжествовала большая аляповатая бабушкина ваза с огромными оранжевыми розами. Букеты пространно рас-

положились и на подоконнике, и на разделочном столике, и везде-везде-везде! Загадочное цветочное царство, и в нем властвовала она сама – королева! Расслабленная и блаженная улыбка озаряла ее лицо. Она налила чай ему и себе, села, взяла пирожное, и сказала:

– Ну, что ты такое уж особенное хочешь мне рассказать?

Сашка прихлебнул горячий чай, и промолчал. Потом спросил:

– Он был у тебя? Столько цветов приволок.

– Это принес посыльный, – ответила Катя. – Ну, я слушаю тебя, что за история, интересно же!

Сашка упорно молчал. Катя подняла брови. И тогда он заговорил:

– Ну, значит, такая штука. Очень все непросто. Летом, когда нет работы, я езжу в Астрахань к другу Славке. Ну, ты знаешь. У них останавливаюсь. Жена у него, Анька, хорошая такая, простые они люди. Анька в магазине работает, а Славка – в пароходстве. Он так, употреблял понемногу, но вдруг сильно запил, и ничего не помогало. Работу потерял. Несколько лет пил беспробудно, Анька билась-билась, мучилась, кодировала его несколько раз, но он потом снова – в жуткий запой, аж до белой горячки. Ну, она уговорила его пойти креститься, вместе они крещение и приняли. Опять не помогло. Она каким-то святым молилась, к иконе знаменитой ходила, «Неупиваемая чаша» называется. Но, в конце-концов, он сам завязал. Восстановился на работе, дорос

до капитана...

Сашка замолчал, и залпом выпил подостывший уже чай. Катя налила ему еще.

– Ну, так вот, – продолжал он. – Кто-то стал ему опять вредить. Тот, который подставил его в прошлый раз, из-за чего он и запил-то тогда.

Сашка потянулся за мандарином.

– И вот тем летом я приезжаю, – Сашка колупнул мандарин, – а Славка как в воду опущенный ходит. Что такое, спрашиваю. А оказывается, его поставили капитаном на корабль «Аметист», а этот корабль вдруг ушел без него. С прежним капитаном, видимо. Пошел он разбираться к руководству, но без толку. Говорят – недоразумение вышло. А ведь Анька-то за него молилась, чтобы все хорошо было. Но не помогли высшие силы. Ну, вот, ловим мы с со Славкой рыбку, отдыхаем. Он грустит. А что ему остается, только ждать. А парохода нет и нет, все в порту волнуются. Пропал пароход бесследно, как в воду канул, может, затонул где. Следов не нашли. Все сроки вышли. Исчез «Аметист».

– Кстати, аметист, в переводе с древнегреческого означает «неопьяняющий», – объяснила, как сумела, Катя. – Вот стал твой Славка трезвенником, и высшие силы спасли его. Кстати, аметист еще окрестили вдовьем камнем, но это уже другая история, – добавила она.

– И я так думаю, – сказал Сашка. – Уже девять месяцев прошло, а пароход так и не объявился.

– За девять месяцев родить можно, – усмехнулась Катя.

– Надо было корабль по-другому назвать, скажем, Александрит.

– Александрит, между прочим, в советские времена тоже вдовьем камнем называли, – парировала Катя.

Она поняла, что сосед просто так приплел эту историю, чтобы была причина для визита. Да он же ей говорил еще это в прошлом году, осенью, кажется, только не так подробно.

Сашка никак не уходил, теперь он вдарился в рассуждение о правительственных делах:

– Перевод времени, переименование милиции, проект Сколково, наш президент просто балдеет от фразы «Я решил»... ДИМАкрат!

Кате, в конце концов, это наскучило, и она вежливо поставила его.

Весь день она надеялась, что Вадим позвонит. Он же знает номера ее мобильного и домашнего... Но телефоны молчали. И когда вдруг заголосил мобильник, она мигом схватила трубку. Но это оказалась Настя.

– Привет, подруга! – как всегда, Настин голос взвился до небес. – Ну, рассказывай, что там у тебя?

– А почему ты думаешь, что у меня там что-то? – отозвалась Катя, и тут же подробно выложила ей всю историю с Вадимом и розами.

– Да ты что-о-о?! – заорала в трубку изумленная Настя. – Я к тебе сейчас примчусь, с шампанским и пирожными, и ты

мне еще раз все расскажешь, но поподробнее, пожалуйста, и цветочками поделись, тебе ж не жалко для подруги? Если он тебя пригласит куда-то, ну, да наверняка, пригласит, поедем вместе. Тебе просто необходима моральная поддержка, к тому же, я прослежу, чтобы ты не напилась, как в тот раз!

– Если б я не напилась, не было бы Вадима, – отреагировала Катя. – В трезвом виде я бы его сразу же отшила.

– Ну, а я бы познакомилась, – вздохнула подруга.

«Только он бы с тобой знакомиться не стал», – подумала Катя. – «Ты не в его вкусе. Он любит эффектных блондинок». И она представила себе, как Настя на боулинге, наверняка уж, ходила вокруг него кругами и строила глазки.

Подруга примчалась через полчаса. «Небось, гнала всю дорогу», – усмехнулась Катя, доставая хрустальные бордовые бокалы на тонких ножках. Стол украсили бутылка дорогого шампанского и эклеры.

Настя открыла шампанское, пена взметнулась вверх, зашептала в бокалах, подруги звонко чокнулись и выпили за все хорошее, что было, есть, и будет в их жизни. Катя взяла пирожное, и принялась смаковать. Она нарочно тянула с разговором о Вадиме, ей хотелось помучить подругу. Та нетерпеливо восклицала:

– Ну, говори уже, не томи, ну, Кать!

– Да ведь я уже все рассказала.

– Ну, давай, поподробнее. Как он подкатил, какая у него машина? Неужели «Бентли»? Это же дорогущая тачка!.. И

что, говоришь, он тебе не позвонил даже? А ты ему не стала дозваниваться? Ну, не ответил, может, у него совещание и он телефон отключил, ты бы хоть за цветы поблагодарила, из вежливости, хотя бы. Дай мне его номер, я сама позвоню.

– Я его стерла из мобильного, – соврала Катя.

– Ну, ты и лохушка! – поразилась Настя. – Да, ты на это способна. Хоть бы о подруге подумала. Такими мужиками не бросаются.

– Знаешь, Насть, с меня довольно мужиков, – отрезала Катя. – Больше не хочу, хватит мне проблем.

– Ну, если он позвонит, не стирай его номер, а сразу перекинь мне, ладушки? – не отставала подруга. – Ну, не вредничай, Кать, он же тебе не нужен, тебя же не зацепило, а мне он, ой, как понравился, с первого взгляда! В момент! Только я была уверена, что это он по пьяни тебя увел. Я думала, он сразу, еще там, на такси тебя домой отправил.

Настя взъерошила свои короткие черные волосы и выпятила нижнюю губу. Ее брови-подковки сдвинулись к переносице.

«Во, как она загорелась», – мысленно ахнула Катя, – «ничего себе!»

Она боялась, что Вадим вот сейчас позвонит, и Настька узнает его номер. Как бы выпроводить подругу?

А та, как назло, не спешила уходить.

Вадим не позвонил ни в тот день, ни на следующий. Она послала ему несколько sms, поблагодарила за цветы, похва-

лила за галантность, спросила, как дела. Он не ответил. Через неделю посыльный принес ей потрясающую коробку шоколадных конфет с вишневым ликером.

Катя прижалась к коробке губами, и ощутила еле уловимый запах туалетной воды Вадима. «Показалось»? – подумала она, и бережно понесла конфеты на кухню. Она не стала сразу открывать, а просто любовалась. И где-то в самой глубине ее души рождалась особенная, искрящаяся и брызжущая, словно бенгальский огонь, радость.

Розы по-прежнему ее радовали, хотя их стало меньше – половину уволокла Настя, и они у нее вскоре завяли. А Катины еще стояли, хотя слегка поникли и перестали благоухать. Она за ними тщательно ухаживала, на ночь укладывала спать в ванну с холодной водой, два раза в день подрезала корешки, добавляла в воду сахарный песок и аспирин. Всю проявившуюся вдруг нежность к Вадиму Катя переносила на цветы, и они, казалось, благодарили ее.

Вадим был для нее загадкой. Слал подарки, но не звонил. К конфетам даже не приложил записки. Занят? Деловой? Или ведет свою игру? Зачем?

На следующий день она летала по магазинам и выбирала платье.

Через две недели он позвонил. Сказал:

– Привет, Кактусёныш. Как ты, какие планы? Никаких? Тогда приглашаю тебя в дельфинарий, подъеду через час, спускайся и жди у подъезда.

Ух, как забилося ее сердце, даже в висках застучало. Она бросилась к зеркалу наводить марафет. Натянула новое платье – стрейч, золотистое, нацепила цепочку, браслет. Помудрила над прической. В общем, выглядеть стала, как с обложки журнала, так ей, по крайней мере, казалось. А мысли вращались вокруг Вадима: «Вот оригинально-то, ну дает! Приглашают обычно либо в ресторан, либо в театр, или в музей. А вот чтобы в дельфинарий – никогда. И как ему это в голову пришло? До чего же он интересный!!!»

Когда она вышла, его темно-синий «Бентли» уже стоял возле подъезда, дверца распахнута, Вадим прохаживался рядом. Увидев ее, замер, на лице отразилось восхищение. Она на миг остановилась на крыльце, лучезарно улыбаясь, и медленно спустилась по ступенькам.

Катя удобно откинулась на сиденье. Вадим обошел машину и сел за руль.

– Знаешь, – сказал он, когда «Бентли» выехал со двора и свернул на дорогу, – у меня в позапрошлом году погибли жена и сын. Автокатастрофа. Хотя этого не должно было случиться – она прекрасно водила. Сама была за рулем.

– Кошмар! – ужаснулась Катя.

Он замолчал, прикуривая. Катя принялась рассматривать машины, застывшие на светофоре.

– Со мной тоже вечно что-то случается, – призналась она. – Вот сколько я себя помню, без конца что-нибудь происходит. В детстве я так хотела стать солдатом, что одна-

жды, когда мы с папой были на рыбалке, я надела себе на голову металлическое ведерко, и для верности закрепила под подбородком ручкой. Ну, типа, я такой вот солдат в красивой новой каске. Правда, я ничего не видела, кроме своих сандалий, но я все равно была страшно довольна своей выдумкой. И металлически-гулко спросила у папы, закидывающего донки, возьмут ли меня теперь в армию. Папа сперва молчал, а потом сказал очень плохое слово, означающее, что рыбалке пришел конец, и стал стаскивать с меня ведро. Тогда-то я и испытала на себе все тяготы военной жизни: ведро то жутко врезалось ручкой мне в подбородок, когда папа тянул его вверх, то натягивалось на голову и сжимало мой глупую детскую головку при попытках освободиться. Папа грозился отрезать мне голову. «Потому что все равно с такими дурными мозгами, – ругался папа, стараясь разделить нас с ведром, – тебе нормальной жизни не будет». Мою голову, папину рыбалку и Советскую армию спас проезжающий мимо автомобиль. В багажнике у шофера нашлись пассатижи.

Папа ловко разогнул ими крепление ведерной ручки и освободил меня. А потом долго хохотал.

– Да, нескучным ты была ребенком, – смеясь, ответил Вадим.

Глава вторая. Сашка

Сашка не мог вырвать из души эту боль, это потрясение. Он так и жил с этим, хотя минуло уже много лет, но годы текли, словно вода из сломанного крана. А картинки все прокручивались, как в слайд-шоу, снова и снова, и спасала лишь водка... Но только на время...

Он влюбился в Катю еще в школе, разом, безоглядно, словно его оглушили. Просто увидел на перемене эту девочку, она была в седьмом, он – в девятом. После уроков шел за ней, она – в куче подружек, болтала и хихикала. Оказалось, что живет она в его доме. И как он не замечал ее раньше? Может, потому, что мелкая была, ведь он старше на целых два года!

Любил издали, но все же ему удалось внедриться в число ее постоянных приятелей. Помогал ей готовиться к выпускным. Катя с ним не церемонилась. Общались по-соседски. Он, Настька, еще две-три подружки – их число варьировалось.

Когда вернулся из армии, у нее уже был жених. Сообщила об этом Настька, и у него с грохотом обрушилось сердце. Но надежда тлела. И он не позволил себе отчаяться. Ведь он же мужик, десантник! В армии был одним из лучших! Она должна это почувствовать, понять, оценить! Запомнился тот вечер, Восьмое Марта, кажется, праздничный стол, Катина

мама разрезает торт, и тот поцелуй – у него аж душа перевернулась, уронил чашку и облился горячим чаем. Все бросились его вытирать... А Настя шепнула ему, что Катя выходит замуж. Он сам хотел сделать ей предложение, но не знал, как. Пригласить в ресторан и положить кольцо в бокал с шампанским, как в кино? А вдруг она поднимет его на смех? И пока раздумывал, опоздал.

Вот тогда он впервые напился. А потом опрометью женился на первой встречной. Ей оказалась Лана. Ну, и нахлебался он с ней! Вскоре родилась Леночка. Ланка ему спуску не давала. Держала в ежовых рукавицах. А потом она его предала. Это было уже в 2001-ом. Развелась через суд. Потом, в очередной раз, обманула его, и отчалила с Леночкой в Америку. Потом написала ему, что прекрасно устроилась, вышла замуж. Сообщила, что мужа она еще раньше нашла, до развода еще, через брачное агентство. Это был второй удар ниже пояса. К Ланке он уже успел прикипеть, и очень любил дочку. Леночка писала ему все реже, ее захватила новая, заграничная жизнь. Потом письма прекратились. На его звонки они отвечали односложно, кратко, а переписку он не вел – от обиды, разочарования, внутренней боли.

Ланка, почему она с ним так, за что? Она ведь так много о себе ему рассказывала, просто выговаривалась, выплескивала все, накопившееся за жизнь, и он многое о ней знал. И прощал.

Но его любовь к Кате была совсем другая, надрывная, кол-

кая, как шип в сердце.

Катин жених оказался блефом. Но Сашка уже был несвободен.

И сейчас, чтобы не думать о Кате и ее очередном дружке, он стал вспоминать свою жизнь с Ланой...

Как же она однажды обидела его ни за что, Ланка. А ведь он все для нее делал. От злости ее глаза сузились и потемнели, лицо покрылось багровыми пятнами.

– Гад, подлец! – выкрикивала она, голос срывался, и слова раскатывались мелкими горошинками кашля.

– Да ты что, успокойся, шальная! – растерянно увещевал он жену.

Ему неловко было перед приятелем, которого он пригласил, поздноватое, правда, к себе домой, обидно за такой ураган ненависти, обрушившийся на него, в общем-то, незаслуженно.

Правда, в последние годы Ланка нередко накатывала на него, и он уже устал от скандалов, которые она учиняла ему по всяким пустяковым поводам. Ну, да, он выпивал, порой слишком, и что?

Да, было. Но сейчас, после примирения, после подарков ей и Леночке, после всего...

Тут он рассвирепел.

– Ну, ты, потише! С-стерва!

Не помня себя, он ударил ее наотмашь по лицу.

Лана опрокинулась на обеденный стол, посуда со звоном

посыпалась на пол.

В спальне заплакала Леночка.

Приятель схватил его за руки, Саша вырывался, его волокли к двери.

Опомнился он только на улице.

Сашка не был сильно пьян, а сейчас и тот хмель вылетел, который остался от водки, когда обмывали «халтуру». Для нее же, стервы, старался! За что она с ним так, за что... Ради нее он после работы пошел приспособливать стеллажи, будь они неладны, в квартире какого-то работника издательства. Вот это квартирка так квартирка! Игрушка! И чего там только нет! Ковры, вазы индийские, а книг-то, книг! Хозяин поблагодарил и рассчитался.

Мутило от сегодняшнего дня.

– Все, пришли, – объявил приятель и распахнул дверь своего подъезда. – Заходи, Сашок. Да не мучайся ты, чего уж, бабы, они все такие. Сейчас выпьем по рюмашке коньячку, у меня армянский...

Так они просидели до утра.

* * *

Лана тоже не спала, плакала и металась от злости и бессилия. Утром, быстро подкрасившись, помчалась на работу.

На этот раз дежурство было спокойное. Лана сидела, подперев ладонью щеку, смотрела на провисающую сбоку казенную штору на большом окне... Разве так вешают? Она вспомнила, как выбирала шторы для дома, как радостно

украшала ими квартиру. Слезла со стремянки за крючками, и ахнула: в комнате ни одного стула! Где они?.. А вон в уголочке все шесть тонконогих стульев, сваленные на бок, громоздятся горкой, сверху наброшено одеяло. Все это увенчивает большой чайник. Возле этого сооружения важно прохаживается Леночка.

– Что за беспорядок!

Пирамида с грохотом развалилась. Леночка обиделась и отчаянно заплакала.

– Это же вулкан, мама! – захлебывалась она. – Как ты не понимаешь! Это вулкан Камчатский! Он горячий и в нем лава! А ты хватаешься! Уходи скорее, сейчас вся сгоришь, сгоришь на совсем!

Пришлось Лане вернуть стул на место и включиться в игру.

Вчера она в истерике позвонила маме, и та с утра забрала Леночку, еще сонную, на дачу, посоветовав Лане поскорее развестись «с этим своим алкашом».

Так она и сидела в диспетчерской, погруженная в свои невеселые мысли.

Резко защелкало снаружи: кто-то набирал код входной двери. Звякнул замок. Вошел Вартан, подсунул к папке на ее столе пакетик леденцов, сел в вертящееся кресло, привычно откинулся, закурил.

«Раньше конфеты носил подороже, шоколадные, было дело», отметила Лана. «Ходит тут по привычке, благо его ДЭЗ

рядом, и по телефону отсюда названивай сколько хочешь, это все же Районная Диспетчерская Служба, с «отдельным кабинетом»: телетайп, два телефона. Тут ему никто не скажет, что он личной болтовней занимает линию».

А когда-то он появился тут совсем иначе, впервые: вдруг из мглы длинные смутные пальцы забарабанили в стекло. Вышла, открыла дверь: высокий, тонкий, с большой рыжей симпатичной собакой, хорошей, породистой. Кажется, сеттер.

Тогда еще не замужем была, только-только из района – в большой город. В техникум не прошла, а тут объявление: нужны диспетчеры в РДС, сутки работать, двое отдыхать. Ну, и устроилась. Трудновато поначалу было сутками не спать, но потом ничего, привыкла. Вскоре знала уже всех диспетчеров своей смены во всех подопечных ДЭЗах. В часы затишья трепалась с ними по телефону о том о сем... Вот так и с Вартаном познакомилась. Его ДЭЗ рядом был, на соседней улице. И жил он близко. Однажды прогуливал своего сеттера рядом с ней, и забарабанил в стекло. Принес коробку конфет, а она поставила чайник. Еще спросил: почему – Лана, уж не грузинка ли? Она засмеялась: «Не бойся, армяно-грузинской резни не будет, это – сокращенное от Светлана». И вечер тот не работе пролетел удивительно быстро... И потом, вечерами, когда все посторонние уходили и звонков было поменьше, Вартан стал сюда заходить.

– Лан, заснула, что ль? Погляди на пульт, – окликнул ее

Вартан. – Зуммер, что ли, забыла включить?

Он встал и подошел к пульту.

– Ой! – Лана очнулась, глянула на щиток. – Ты смотри. Опять барахлит. Ну, техника!

На пульте беззвучно пульсировала лампочка над клавишей «исп» – исполком. Вартан нажимал кнопку, но сигнал не шел... Лана тем временем отчиталась в микрофон об устранении очередной аварии на трубопроводе, передала сводку, и пошла заваривать кофе.

– У тебя пульт неисправен, – крикнул из щитовой Вартан. – Контакт отошел. Где здесь отвертка?

Вартан исправит, знала Лана. У него руки электронщика... И вообще, он же инженер. Не то, что ее Сашка, слесаришка только что из армии, за которого она так глупо выскочила замуж. Тогда еще... Впрочем, – призналась она себе, – не глупо, а со зла.

Еще бы! Кино, пикники, прогулки с Вартаном, то да се, и вдруг – вот те на! Новость! К нему приезжает жена! Он, оказывается, женат, а так умело скрывал это! А она успела полюбить!

Тут ожил и загудел зуммер. «Молодец, Вартан, исправил!»

Лана бросилась из кухни, спеша к пульту, на котором красным глазом светилась лампочка.

«Интересно, где сейчас Сашка?» – подумала на ходу.

Дни летели словно стрелы, выпущенные из лука – так казалось Сашке. Его звали пить по-добрососедски и «по субботнему делу», а он все сидел, не двигаясь, в каморке приятеля, где жил уже две недели, и отмахивался от приглашения. Соседи – народ добрый, работяги, как и сам его приятель. Но зачем ему это? Чужая семья, чужая молодая хозяйка, которую все звали, несмотря на молодые годы, Петровой: все же двое деток, третий на подходе. Нет, сейчас ему не до веселья, да и пить не хотелось. Конечно, он мог бы пойти к матери, но не хотел волновать ее, пусть думает, что у них с Ланой все в порядке.

«Надо помириться с женой», – решил он. «Как там она, как Леночка? Ланка, небось, отпуск взяла, все они сейчас в деревне...»

Он помнил, помнил все. Но это – как пожар под торфом: внутри горит, а ничего, в целом, не видно. Так, хоть бросай всю работу – и на вокзал.

Дали ему отгул, и поехал. Стояли светлые знойные деньки. Еле поезда на вокзале дождался. Ехал с мирным предложением. И подарок вез дочке. Все представлял себе, как появится, как поздоровается, преподнесет Леночке куклу. Скромно, тихо повинится, выложит на стол гостинцы. Потом – серьезный душевный разговор поведет с Ланой.... Так ему виделось.

А приехал – дом заперт. Соседка, колко поглядывая на него, процедила:

– В лес ушли, по грибы. На весь день. Кто ж его знает, куда? Лес большой.

Пошел в лес, искал, аукал, да разве найдешь? Глупо это. Вернулся, еле упросил соседку передать сумку с подарками и гостинцами. Взяла хмуру, нехотя.

Ну что ж! Вышел в конец деревни, у дороги в лес, долго еще ждал, вглядываясь вдаль. И побрел в магазинчик. Выпил с досады... Да и напился... Еле добрался до станции, сел в траву, высокую, некошеную, привалился к дереву. Сегодня работать в ночную смену, а он пьян... Глянул на часы: мать честная, четверть пятого!..

Мимо катил на велосипеде по пыльному большаку подросток, на раме примостилась девочка: Леночка!.. Так показалось, даже сердце дрогнуло... Болтала ножками, вертела головой, что-то пела. Вдруг закричала, махая ручкой в его сторону, что-то вроде: «Папина голова, папина голова!..» Потом прошли две женщины в знакомых кофтах... Нет, не хотелось ему теперь попадаться им на глаза! «А может, мерещится, допился...» – успокоил он себя, и съехал в траву лицом вниз, а потом и вовсе заснул.

* * *

Выходные свои Лана провела на даче, и была в прекрас-

ном настроении. На работе все было спокойно. Передала в информационно-вычислительный центр ночную сводку, и прилегла на узкую койку. Уже за полночь перевалило, звонков, похоже, не будет, можно и вздремнуть. Но сон не шел. Тихо было, так тихо, что слышался вой проводов в щитовой. Неуютно на душе. Раньше в такие вот часы дежурства названивал Саша, рассказывал, как ела Леночка, какую сказку перед сном он ей читал, что Леночка говорила. Тогда для Ланы это был привычный кусочек быта, пустячок... Да еще не все потеряно, какие ее годы, ей всего-то двадцать пять, а Саше двадцать семь, все еще наладится, он бросит пить, поступит в институт на вечернее, ведь это уже обсуждалось у них не раз в часы примирения, он клялся, обещал... И она знала, каким-то внутренним чутьем понимала, что так оно и будет, в конце-то концов. Да, именно так! Но что же происходит? Она понимала, что сама виновата, что все делала не так, не любила, не хотела понять... И жалела, обо всем жалела... И корила себя... Особенно, за то. Ну, и за другое. Пришла однажды с вечеринки, Леночка давно уже спала в своей кроватке, Саша не ложился, ждал на кухне, кофе заварил. А ей вдруг до того будничной, нудной показалась его физиономия, так все тускло, серо вдруг по сравнению с яркой радостью в гостях, что набросилась, зло сказала: «Ну чего ты здесь торочишь? Осточертел мне! Пошел вон!» «Ах так!» – Сашка изменился в лице, – «Сама... сама где-то шляешься, а я тут как домработница, а ты еще хамишь... Пьяная при-

шла...» «Я не пьяная и не шляюсь!» – закричала она. «Тише, Леночку разбудишь». «Не прикрывайся ребенком, ты только о собственном удобстве думаешь...» – заговорила Лана тише. Сашка глядел на нее, морщился, потом сказал: «Винищем несет, духами, а намазалась-то как, и злая, как кошка...» «Ах, я кошка?!» – Лана повернулась и пошла к двери. Сашка не бросился вдогонку. Коридор, лестничная площадка, лифт, спустилась. Постояла возле подъезда, приходя в себя. Поплелась к телефонной будке. Вокруг темно, пустынно. Она принялась названивать друзьям, знакомым, рыдая от обиды и злости... Сколько раз они вот так уходили друг от друга, возвращались... А вот теперь он ушел окончательно. Да-да, он не вернется, предчувствия ее редко обманывают. Пусто как-то. Зачем она так... Хорошо, уютно было, когда все вместе – Леночка сбоку, Саша у окна, напротив Ланы – сидели на кухне, вкусно пахло пирогами с яблоками, которые она напекла рано утром. А сейчас для себя и готовить-то неохота...

Лана вспомнила растрепанную по утрам Леночкину головку, ее лучащееся улыбкой глянцево-розовое личико, голосок чуть хриловатый спросонья: «Мама, а знаешь, что мне приснилось? – малышка округляет глаза: «Две лошади в темноте приснились, одна, белая, впереди, а черная сзади...» Лошади, это ко лжи, подумалось Лане. Вещий сон был у Леночки. Все мои отношения с Сашей – ложь, с самого начала...

Вспомнилось Лане, как она умывала Леночку, и вдруг увидела на стенке ванны паука. Она хотела его тут же смыть из душа, но дочка схватила ее за руку и закричала: «Не надо, мамочка, пусть живет!» Лана все-таки направила на паука струю. Тот и не думал удирать, расселся в ванне, как паша турецкий. «Вот я тебя сейчас», – сказала Лана. Тут Леночка отчаянно заплакала. «Ты чего, Ленок?» – «Да, а если бы нас с тобой паук убил бы...» – «Но он же маленький, не бойся», – «Значит, если маленький и слабый, то давай убивай его, да? А если бы он тебя так?»

Смешная она, Леночка, – Лана улыбнулась. – А может, все еще уладится, вот приду домой, а там Сашка... – засыпая, грезил она.

За стеной что-то треснуло, гуденье проводов на миг прервалось.

Утром, разбуженная настойчивым зуммером, она забыла про свои ночные думы. Пора вставать, принимать утреннюю сводку от ДЭЗов, сдавать дежурство, включаться в обычную дневную суету.

* * *

Сашка привычно проверил в кармане ключи. Вот и дом, еще со двора заметил: окна темны. Ну конечно, ее нет! И вообще – нет никого: Леночка у бабки, Лана на дежурстве, где же ей еще быть?.. Ну и пусть! Пусть никого нет дома, а

он войдет, и будет ждать. Он все же муж и отец, и Леночка его любит! И вообще, он с мирным предложением пришел. А не счеты сводить.

Успокоив себя такими мыслями, отпер дверь, вошел. Присел на узенькую тахту в дочкиной комнате, полюбовался на игрушки, сложенные на подставочке в углу. Потом разулся и осторожно прилег, подогнув ноги, на коротенькой тахте. И задремал.

Пока Лана дежурила до утра в диспетчерской, он безмятежно спал, по-детски глубоким счастливым сном, – наверное, впервые за все эти дни – как бывает лишь после тяжелой дороги, или у выздоравливающих. Сновиденье было удивительно ярким, длинным, и на редкость последовательным... Вот сидит он летом на ступеньках бабкиного домишка, на коленях Леночка, вечерет. Оба смотрят вдаль на закат: сегодня он какой-то странный, огромный весь, пурпурно-пепельный. Тучи, что ли, с запада? В общем, бабушка определяет на завтра дождь. Он, Сашка, просто так смотрит и что-то чувствует, а Леночка... Вот в Леночке все дело. От нее всегда жди таких загадок, что взрослые только рты разевают. А тут еще душный летний вечер, дымный закат, и лес в отдалении – все темнее, уже черной сплошной лентой лежит, даже и не лежит, а словно льется. Скоро совсем стемнеет... А Леночка – на тучи пальчиком, и просит: «Давай, па, слазим туда, в тучи...» «Ну, как мы туда слазим?» – отмахивается он. «А мы по лесенке. Пожарную лесенку приставим, и вверх

заберемся, раз-два... А, пап?» «Ну, зачем нам туда», – смеется Саша, – «Что мы там не видали? Ну, тучи и тучи, не чердак же горит!» «Ну па-а!» – всерьез настаивает Леночка. – «По лесенке, прямо в небо, па-а! А оттуда вниз поглядим, почему деревьям холодно?» «Вечер, вот и холодно», – бурчит бабушка. «Нет», – спорит Леночка. Как всегда, бабушкин житейский опыт ее не устраивает, для нее он слишком прост. – «Почему они сдвинулись, прижались друг к дружке? Им страшно?» «Ясное дело!» – поскорее соглашается Сашка, чтобы опять не упредила его бабушка со своим здравым смыслом. – «Ночь на дворе! Ночью всем жить страшнее, а деревья, что, не такие, как все, что ли?.. И деревьям тоже!» Сашка даже ухватился за эту мысль: значит, можно отговориться и не лезть на небо...

– Эй, товарищ! На работу опоздаете! – громкий возглас пробудил Сашку. Он протер глаза и сел. В дверях стояла Лана. – Я вижу, ты ночевать сюда пришел? Как спалось?

– Хорошо... спалось... – глупо улыбаясь спросонок, промямлил он. – Я, знаешь, случайно, вот, прилег.

– Да ничего, ничего! – Лане стало смешно. – Спили сколько влезет... Слушай, а может, ты вообще тут спишь по ночам? В мое отсутствие? Так сказать, тайно... Это очень даже интересно и загадочно!

– Лан, да послушай... Я пришел поговорить. Ну, и заснул случайно... А мне на работу, это верно.

– Нет уж. Раз без спросу спишь, хоть позавтракай легаль-

но. Натощак не отпущу... И поговорим...

– Лан, ты только не сердись... Минут двадцать есть... Ну, чего там у тебя, давай помогу...

* * *

Леночка сидела на табуретке за большим деревянным столом, покрытом затертой голубенькой клеенкой, и рисовала. Смотрела на печку, и рисовала ее, но получалось что-то совсем другое: то ли гора кривая, то ли елка. Да, это дерево, вроде того, возле которого папину голову в траве Леночка увидела, это еще когда из лесу с грибами шли, и соседский мальчик покатал ее на велосипеде. Возле елки она стала рисовать всякие дядинские головы. Они выходили кривые совсем, как некруглые шары с глазами вместо ушей и рта. Одна голова ничего нарисовалась, ровная, с глазами где надо, и даже с носом. «Это папина», решила Леночка. Тут в картинку влетел ветер, и погнал головы в разные стороны, а папина голова – такая смешная и добрая, с красным лицом – покатила прямо к ней.

– Папка! – закричала Леночка, и протянула к голове руки.

Тогда ветер оставил папину голову в покое, и Леночка успела подбежать к ней, и там, где росла красная как горячая печка елка, встал папа, большой и веселый, заулыбался и...

– Что это ты рисуешь? – спросила бабушка, подошла и заглянула на испачканный листок. – Это что, туча? Дождь?

– Да нет же, бабушка, ну как ты не понимаешь? Это же елка и трава. А это дядинские головы ветер катит, вот папина голова...

– Вечно тебе эта «папина голова» мерещится, – заворчала бабушка. – Поди, видала «перекати-поле», растение такое.

– А какое оно?

– Ну, круглые такие прутики по полю ветер гонит. Вот те и показалось.

Леночка перелистнула альбом и принялась чирикать просто так, что выйдет, сопя носиком и бормоча:

– Это туча... превратилась в колесо... нет, в корабль. Вдруг – у-у-у! – буря! Шторм! Волны с акулами – р-раз! Р-раз! Корабль – Буль-буль, на дно, ух! Все, нет корабля. Только якорь на волнах качается!

– А почему якорь-то качается? – спросила бабушка.

– А он со знаком качества, – вздохнула Леночка, и стала обдумывать, что же делать с этим якорем?

В это время бухнула входная дверь в сенях, что-то загремело, и в кухню вошла мама.

* * *

Еще и девяти не было, когда Сашка приехал на вокзал встречать Лану с Леночкой. Он бежал вприпрыжку вверх по ступенькам, ведущим к перрону, и нетерпеливо представлял себе миг встречи. «Вот будет номер, когда они меня здесь

узрят! Обалдеют, чего там! Леночка, ясное дело, обрадуется: папка! Папка!..»

Лана не знала, что он взял отгул на работе.

В этот миг Сашка остутился на полустершемся ребре ступеньки, и чуть было не пропахал носом по серому цементу пола. И только тут сообразил: чего он так спешит, скачет, когда до прибытия поезда еще полчаса, не меньше?.. Вышел на перрон, побродил, убедился – пусто, даже встречающих еще нет, и побрел назад, в здание вокзала. Поднялся на второй этаж, к буфету. «Надо что-нибудь купить для Леночки...» «Куплю по дороге». Вспомнились лотки, виденные у вокзала... «Апельсинов куплю, кило два», – подумал он, – «и отвезу их домой на такси».

Есть не хотелось, взял лишь кока-колу, и пристроился у пластикового овала высокого столика. Зал гудел, и жил полной жизнью. Повдоль сплоченных стульев сидя дремал народ. Транзитные пассажиры поспешно ели и пили. Под высокими сводами деловито сновали воробьи, а снизу с интересом поглядывали на них какие-то кошки. «Это их тех, что ютятся тут на кухне и при буфете», отметил Сашка. Он любил животных.

Боковым зреньем он приметил: вон парочка, студенты, что ли, за соседним столиком наискось, что-то пьют, весело болтают. Глянул на часы – до поезда еще, если прибудет точно, двадцать минут. Хотел, было, уж пойти, но такой странный разговор шел между студентами, что Сашка

невольно прислушался. Оглянулся: парень, чернявый, кудлатый, длинный, как жердь, пил молоко. А девчонка, обычная девчонка в джинсах, дула себе пиво. А разговор был такой:

– Володька, лопнешь, пол литра молока хватил. Можно, закурю?

– Тогда я пошел. Молоко с табачным дымом, ты же знаешь, я не перевариваю.

Какая-то пятнистая кошка потерлась о ножку стола. Девушка нагнулась и погладила ее.

– А я, может, кошек и собак не перевариваю.

– А сама гладишь.

– Володька, скажи, по-честному, ты псих?

– Ты ведь ненормальный, да?

– Нет, это не так, – сухо ответил парень. Он был не просто долговязый, как сейчас разглядел Саша, а извилисто-нескладный. Весь он окаменело изогнулся над столиком, как гигантский басовый ключ. Да и черная жестко-курчавая огромная башка его напоминала какого-то демонического маэстро типа Листа и Паганини.

– Это не так, – без выражения повторил студент.

– А почему ты тогда не пьешь и не куришь?

– Это вредно.

– А стихи пишешь зачем?

– Полезно для умственного развития.

– А домового зачем видел?

– Для развития воображения. И еще, я зарядку по утрам делаю.

– А жениться тебе можно?

Саша вспомнил, что Леночка тоже любит сказки про домовых и леших.

– Так можно тебе жениться?

– Да, конечно.

– Тогда, давай поженимся.

– Ну, наконец-то ты мне сделала предложение, – радостно сказал парень. – Долго же ты раскачивалась.

– Да почему я, а не ты?

– Ну, так я же застенчивый, – ответил парень.

– Что-то незаметно.

– У меня это в скрытой форме.

Дослушать не пришлось: он глянул на часы и метнулся вниз. Оттуда – на перрон. Состав, судя по густой толпе встречающих, был уже где-то на подходе.

Поезд подошел сразу. Повалили толпы прибывших. В этот час приезжало особенно много народу: кто за покупками, кто на работу... Саша сразу же увидел Леночку, сначала только ее – оранжевый с белым колпачок, румяный блинчик курносого в конопушках лица. На маминых руках она плыла на уровне сплошных шапок и платков, на уровне облаков и солнца – показалось Саше, – она была выше всех! И распевала во все горло:

– А облака-а-а, белокрылые лошадки-и-и!

И другие песенки.

«Вот и Леночка! Поет, как всегда, все попеременно!» – обрадовано подумал, точнее, ощутил Саша. Потом и Лану увидел: шла деловито, несла дочку, через сгиб локтя провис объемистый баул...

Тут Сашка стал поспешно пробираться через встречные ряды людей. Леночка пела на разный лад:

– Не смотрите вы, пожалуйста, свысока-а, а по небу прокатите нас, облака-а...

– Прокачу, Ленок, и по небу!.. – крикнул ей Сашка на ходу, привставая на цыпочки, а Леночка уже его увидела и затормошила маму. Показывала на встречающего папу, и продолжала петь.

Тут Сашка пробрался через толпу, и предстал перед своими. Остановился даже, мешая движению людей вдоль узкой платформы. Толпа разбивалась об него, как река об устой моста, и обтекала с двух сторон, костеря Сашку на разные лады. Но он не слышал сейчас родного фольклора, в ушах его звучал Леночкин голосок.

Он взял у Ланы баул, и за ручку – дочку, ради этого сошедшую с небес на землю. И, влившись в общий поток, они пошли к спуску в метро.

– Вот не ожидала, – говорила по пути Лана. – А Леночка всю дорогу пела, потом спала.

– И не спала, – возразила Леночка. – Я про папу говорила.

– Да, она все про какую-то «папинскую голову» говорит.

Ну, ты же знаешь Леночку, с ней не соскучишься.

– А бабушка сказала, что это я траву такую видела. – за-
спорила Леночка, и, как всегда, без всякой связи затарато-
рила: – Пап, а пап, а помнишь, мы на крылечке лесенку к
небу приставляли? Пап, а пап, а покатай меня на пожарной
машине?

Сашка расхохотался:

– Да на чем хочешь, ах ты моя конопатушка! А сейчас мы
на такси домой поедem.

– Саша, не надо на такси, – отозвалась Лана. – На метро
же быстрее, по прямой.

– Ну, давай, – согласился он.

Они уже выходили на площадь. Повернули снова ко входу
в метро.

– Только, погоди, я апельсинов куплю.

Подошли к лотку. Очередь была небольшая, но народу во-
круг кишело тьма тьмуца.

Лана просунулась между покупателями, глянуть, что за
апельсины, а Саша встал в хвост. Он выпустил Леночкину
руку, поставил на носок своего ботинка баул, чтобы не пач-
кать, а в мыслях мелькнуло: «увесистый, как Ланка тащила
только! Трудно ей, вообще, приходится...»

Задумавшись, не заметил, как Леночка отошла на шагок,
на другой... Тут ее загородили и оттеснили от лотка чужие
пальто и куртки.

Она сделала всего несколько шажков в сторону... Вдоль

улицы шел целый ряд витрин и дверей, и еще одна стеклянная дверь с надписью «Булочная». И вдруг она увидела плачущую девочку. Совсем маленькую, годика три, рыженькую, кудерьки торчали врастопыр из-под шапочки. Малышка размазывала ладошками слезы по лицу, и всюю редела. Так умела реветь, когда очень надо, и сама Леночка. Но тут она поняла сразу, что девочка испугана, что-то случилось. Какие-то тети уже наклонились над ней расспрашивали... А девочка только лепетала:

– Ма-ама потелялась!

– Да не мама. А ты потерялась, – объяснила одна тетя. – Ты откуда, девочка? Приезжая?

– Плиезала, из Ситикая... К маме хочу!

Леночка видела, народу около вокзала очень много, все бегут, торопятся, с сумками, с пакетами. А девочка совсем одна, и рыженькая. А около булочной вообще давка. В дверях теснилась плотная очередь черной дугой. Как будто из норы высовывался хвост огромной ящерицы.

– Да где ты маму-то потеряла? – спрашивали тети. – Где, вспомни?

– Эй, Товарищ! Товарищ в форме! – большая дама в дубленке с громадной лисьей оторочкой тронула за рукав проходящего железнодорожника. – Отведите в комнату милиции! Видите, ребенок заблудился!

Железнодорожник растерянно остановился. Он был, видимо, не местный. Он и тетеньки стали что-то обсуждать...

Леночке все это очень не понравилось. И эта дама в мехе, и вообще, вся эта петрушка, как сказал бы сейчас папа, ее сильно рассердили... Какие-то тети, какая-то милиция! И почему «из Ситикала?» Что, девочка – японка? Японские сказки ей вчера читала мама... Ей бы такую сестренку... Она давно просит маму купить ей сестричку. Вот она и нашлась, и покупать не надо.

Мгновенно все это пронеслось в Леночкиной голове. Она решительно прошагала к месту происшествия, протиснулась между тетями, и схватила девочку за ручку.

– Пустите ее, это моя сестренка! Я знаю, где мама!

Женщины стали расходиться. Дама в дубленке, правда, все еще разговаривала с другой тетенькой. От истории с ребенком они перешли к более захватывающей, магазинно-закупочной, теме.

– Мы пойдем, пойдем к маме! – утешала малышку Леночка.

Та сразу перестала плакать, сжала холодными пальчиками ручку девочки. И они пошли.

Тут из булочной выскочила испуганная женщина с растрепанной огненно-рыжей, ярче, чем у малышки, копной волос, пряди язычками пламени метались из стороны в сторону. Она озиралась в поисках дочки.

«Придется вернуть сестренку», – подумала Леночка, и подвела к ней малышку.

– Вот она. Вы из Ситикала?

– Из Сывтывкара, да, да! Ой, спасибо, родненькая! Из Коми, да, да... Ой, Господи, чуть не потеряла дочку! Спасибо, девочка! Вот тебе гостинчик, – достала из сумки шоколадку.

А девочка все смотрела, почему-то, на Леночку, а не на маму, все тарасила на нее свои карие глазенки.

Женщина подхватила дочку и вернулась в булочную. Две золотоволосые приезжие из Коми, большая и маленькая, ушли, и улица словно потемнела.

Леночке стало скучно, и она довольно быстро отыскала тот лоток, где оставила родителей – благо, он был рядом. Папа уже утрясал в целлофановом пакете апельсины, а мама держала баул. Они и не заметили Леночкиной отлучки. Девочка этому очень удивилась – ведь ее так долго не было, а что она сотворила, такое только во сне приснится! Нашла и спасла девочку с золотыми волосами!

Так и не узнали взрослые об этом удивительном, величайшем в ее жизни, происшествии... А когда Леночка все пыталась, торопясь и волнуясь, им рассказать, то оба заранее поддакивали, понимающе кивали ей и посмеивались: Леночка ведь! Всегдашний ее фантазии!

И тогда она снова запела:

– Облака-а, белоснежные лошадки-и...

Пропала собака, пропала собака-а,

Пропала собака по кличке Дружо-ок...

Пока ехали в метро, прошел дождь, и теперь все вокруг казалось умытым и чистым, и как-то особенно радостно по-

блескивала местами вода на асфальте.

Недалеко от дома, когда пересекали соседний двор, вдруг встретился им Вартан... Леночка первая его увидела: вяло шел, не разбирая дороги – прямо через лужи. Увидев их, проходивших мимо, лишь кивнул, и побрел дальше.

– Вартан! – окликнула Лана.

Ей вдруг захотелось, чтобы он увидел их всех вместе, и именно сейчас: ее, радостную Леночку с апельсином в руках, и с ними Сашу.

– Эй, что не здороваешься?

Но Вартан ответил как-то странно. Глядя куда-то в сторону, над головами, произнес:

– Пропала собака...

«Вот те на!» – Сашка застыл на месте, поставил на ногу баул.

– Как так?

– Пропала, вот... – безучастно улыбнулся Вартан. – Я знаю, кто это сделал... Я зна-аю...

Как печальный блаженненький, он побрел дальше.

«Кажется, он нас и не заметил. Не до нас ему», – хотел сказать вслух Сашка, но промолчал. Вартан так дорожил своим сеттером, глаз с него не спускал, что его пропажа выглядела странной. Тут какая-то тайна... Лана так и сказала:

– Очень странно, очень! Чтобы у Вартана да пропал его пес, золотой медалист! Нет, я должна выяснить...

Она бросилась вслед за ним.

– Вы идите, идите! Я сейчас! – махнула на ходу Саше с Леночкой, и ему стало тепло на душе от этого ее невольного «вы», «идите»...

Она догнала их у подъезда.

– На даче украли, оказывается. Говорит, кто-то в отместку, но он, мол, знает, кто... Бедняга!

– Да, не позавидуешь... – поддакнул Саша, хоть несколько не было ему жаль этого Вартана. Что ему Вартан! Счастливый соперник? Ничего себе, счастье, даже верного пса, в конце-концов, потерял...

Он топтался возле подъезда, не зная, как быть дальше. Пойти домой, к Лане, так запросто, как шел, вроде – «законный муж?» Так ведь – не зовет. А по нахалке он не может, никогда не мог. И неизвестно, как она отреагирует. От нее всего можно ожидать, она долго помнит старые обиды, и скоро на резкие решения.

Скромно улыбнувшись, поцеловал в щечку Леночку, почему-то, спросил (и вышло глупо):

– Споем?

И сам испугался: вдруг и впрямь она запоет своим звонким голоском: «Пропала собака», а Вартан услышит, неловко будет.

Словно читая в Сашкиной душе, Леночка вмиг забралась на его плечи и лукаво тоненько зазвенела оттуда:

– Ма-ма!

А Лана уже открыла кодовый замок, и мотнула Сашке го-

ловой: «пойдем, мол, чего ты?», и прошла первая к лифту.

Входная дверь захлопнулась за ними троими.

Все это вспомнилось Сашке теперь, спустя много лет, и то, как она жестоко предала его, а ведь он бросил пить, поступил в институт, закончил вечернее отделение. Но была уже середина девяностых, завод закрыли, безработица, он халтурил где мог...

У Леночки теперь американский папа, а сама она этакая западная вумэн, как и Лана, впрочем. Однажды они приезжали в Россию, хоронить тещу и вступить в наследство... Леночка говорила по-русски с сильным акцентом, не все понимала. С Сашей общалась снисходительно – ей объяснили, что ее биологический отец – лузер, неудачник, а вот американский отчим, весьма преуспевающий предприниматель, он-то и есть ее настоящий отец, так как он обеспечил ее обучение в Кембридже, и все их с Ланой благополучие.

Глава третья. Криминал

Флёр радостного возбуждения обволакивал Катю, действовал, как наркотик. Она ощущала себя Золушкой на балу. Жизнь ее была расцвечена словно фантастический сон. Подсознательно она всегда мечтала об этом, но боялась признать себе – слишком уж все казалось нереальным. Но некто Высший продолжал исполнять ее желания. И вот ей послан Вадим, неотразимый, состоятельный, загадочный. То он исчезает на какое-то время, при этом продолжая осыпать ее подарками, и она чувствует себя девочкой в Новый Год, то появляется и приглашает в самые неожиданные места. Даже в такие, коих нет ни на одной карте мира. Это – месяц назад. На карте-то все как раз было, но не то, что в действительности. Частное владение под названием поляна (обнесенная обыкновенным металлическим забором) обернулась замком-невидимкой. Да, это оказался настоящий замок, дворец, чудо! Только находился он под землей. И спускались туда они на лифте. Множество комнат, бассейны, боулинг, бильярд, теннисный корт, электрокары, – чего тут только не было! Охрана и прислуга – человекоподобные роботы, заказанные в Японии. От живых отличаются лишь отсутствием мимики. Чудо науки и техники!

Жизнь превратилась в праздник! Даже когда Вадим привозил ее домой, (она приглашала его к себе, но он заходил

лишь ненадолго, вечно занятой, спешащий), и она знала, что теперь он на неделю-две исчезнет, уйдет с головой в работу, – все равно она была счастлива. Квартира ее тоже стала радостной и праздничной – изысканные шторы, новая мебель, модная дорогая кухня. Стоило ей вздохнуть и посетовать на что-то, как Вадим говорил: «В чем проблема? Ща закажем через инет», – и доставал свой ноутбук. – «Выбирай». И как радостно было выбирать!

Но вот уже месяц, как от Вадима никаких вестей. У посыльного, доставившего ей корзину роз, она узнала, что цветы были заказаны на сегодня заранее, давно.

Тревога шевельнулась в душе, но она тут же успокоила себя – в командировке он, наверняка. Просто занят сильно, не звонит. На ее звонки, как всегда, не отвечает.

Она уставилась в экран нового плазменного телевизора, однако беспокойство усилилось. Смотреть не хотелось. Даже Интернет не увлекал.

И она позвонила Сашке.

– Привет, сосед! Заходи в гости, чайку попьем.

– Кать, здорово! Я всегда с радостью, но у меня друг армейский, сидим, вот, коньячок попиваем.

– Ну, так приходите оба, веселее будет, а коньячок и у меня есть, французский, – беспечным тоном произнесла она.

– Лады, идем! – воскликнул Сашка.

Через пятнадцать минут загудел домофон, и она пошла открывать.

Друг оказался высоченным, широкоплечим мужчиной в коммунфляжном прикиде.

– Олег, – он пожал ей руку.

– Вообще-то, дамам руку не жмут, а целуют, – усмехнулась она.

Друг смутился. Сашка пришел на выручку:

– В спецназе так принято. Олег спецназовец, – пояснил он.

– А что, в спецназе нет дам? – подколола его Катя.

– Почему же, есть, – ответил Олег. – Но они такие же бойцы, все на равных.

– А, ну конечно, мужественные соратницы. Да вы проходите, ребята, садитесь.

– Только мы ничего не принесли, коньяк кончился, да и закуси нет, – посетовал Сашка.

– Зато у меня все есть, – оживилась Катя.

Она рада была гостям. Быстро достала бутылку, рюмки, нарезки форели, сыра, бекона, баночку красной икры.

– У, как шикарно! – воскликнул Олег.

– Катя очень гостеприимная, – пояснил Саша.

Они выпили, и Катя повеселела.

– У тебя обстановочка в квартире прямо шик! – сделал комплимент Сашка.

– А я и сама шикарная, – ответила Катя.

– Цветы у тебя роскошные, оранжевые розы, целая корзина, обалденный запах! – добавил он. – Почему он тебе дарит

именно оранжевые?

– Намекает на мою солнечную натуру, – пошутила Катя. На самом деле, она и сама не знала причину.

– Он у тебя сегодня был? – поинтересовался Сашка будто невзначай.

Катя вздохнула.

– Он исчез, – ответила печально. – Уже месяц от него ни слуху. Что-то мне тревожно. А розы принес посыльный, Вадим их заказал давно.

– Не грусти. Он, видимо, просто занят, – успокоил ее сосед. – Может, за кордоном по делам каким. А мы с Олегом, вот, возили в роддом друга, жену навестить. И вляпались в историю.

Олег хохотнул, и стал рассказывать:

– Да уж! Проехали мы на территорию роддома, встали за зданием, где палаты. Друг ушел к жене под окна разговаривать, а мы с Саней в машине сидим. А я, ну, до этого еще, купил как-то детский пистолет, он пластмассовый, стреляет пульками. Хороший такой пистолет, похож на настоящий, особенно издали. Вот сидим в машине, бездельничаем, смотрим на окна, из которых бабы с мужьями переговариваются. Ждем друга, а он все не идет. Санёк берет пистолет и начинает стрелять. Был-то он на заднем сидении, а на передней панели – "торпед" – лежали помидоры в пакете, и он пытался их прострелить! Пульки эти, горошины, отскакивают в разные стороны по салону. Мне это надоело, я и говорю:

«кончай, что ты как дитя, в самом деле, вот сам пылесосить машину будешь». Ну, Санька бросил развлекаться, и сунул детское оружие в карман сиденья!

Проходит время, смотрю, машина ДПС впереди встаёт метров за сто до нас, я внимания даже не обратил (встала и встала, тоже, наверное, жена рожает!) Минуты через две-три сзади встаёт ТОРОС (КамАЗ-вездеход с будкой) камуфлированный – ОМОН приехал. Я говорю: "Кажется, мы попали!" А Санёк сидит и их не видит! Тут вылетает из авто человек пятнадцать в форме, машину окружили, двери пораспахивали, стволы на нас направили, и орут: "Выходи – руки покажи – стоять – руки на машину"!!! Вылез, руки на машину положил – тут мне удары по ногам (чтоб раздвинул, значит)! Смотрю, меня по божески ещё вывели, а Сане досталось больше и крепче! Я сразу говорю: "Если вы за пистолетом, то он в кармане сиденья!" Мне орут: "Молчать!" и стволом в голову тычут. Замолчал. Начали рыться в машине – куда только не залезли, всё облазили, а в карман не смотрят! «Зачем приехали?» – спрашивают. Отвечаю: "Друга к жене привёз!" – «Где друг?» А тут уже все окошки облеплены – все глазают на нас, толпа собралась вокруг! Я: "Вот" – показываю. Его выдёргивают из толпы и тоже на капот, и та же процедура! А в машине уже торпеду начинают разбирать – пластмассу снимают! Я опять не выдерживаю и говорю: "В сидении в кармане посмотрите!" Мне в ответ стволом в голову и по ногам удары, и крик: «Молчать!» Тут один из них

догадался посмотреть в карман! Достал пистолет и бросил на крышу! Сразу же небольшой допрос: "Зачем с собой возишь"? Ну, не говорить же, что себе купил баловаться, – отвечаю: «Ребёнок оставил в машине!» – «А зачем», спрашивает, «друг в тебя направлял?» Отвечаю: "Так это он по помидорам!" – «Больше не вози, выложи», – и на этом отпустили!

– Наверно, кто-то из окна роддома увидал, и сообщил куда надо, – резюмировала Катя. – А история занятная. Ну и приключеньице, небось, адреналином прямо захлебнулись!

– Это верно, – подтвердил Сашка. – Чего только не передумали под дулом автомата, всякие мысли приходили!

– Из окошка вряд ли было видно, – сказал Олег. – Скорее всего, кто-то мимо проходил, и подумал, что террорист водителя в заложники взял.

– Только я не поняла, что это за «торпеда» в автомобиле? – поинтересовалась Катя.

– Это панель приборов, – сказал Сашка.

– Что? – переспросила она.

– Пластиковый корпус панели приборов между лобовым стеклом и рулем, – обстоятельно пояснил Олег.

– А, понятно. Никогда не водила авто, – сказала она, и поддела на вилку кусок бекона.

– А почему твой принц не купит тебе какую-нибудь крутую иномарку? – поинтересовался Сашка.

– Я согласна только с личным шофером. Ни за что не сяду

за руль, боюсь, – ответила она.

– Так за чем же дело стало?

– За личным шофером. Я его пока не выбрала, – усмехнулась Катя.

– Ну, так выпьем за это, – сказал Сашка, и разлил по рюмкам коньяк.

Чокнулись. В это время запел дверной звонок.

– Наверно, соседка, Лиза, она у меня двести рублей занимала, – сказала Катя, и пошла открывать.

Едва она отперла дверь, как в коридор ворвались два рослых парня, и не успела Катя даже пикнуть, как ее горло больно сжала крепкая потная ладонь.

– Говори, где он? – спросил низкий голос. – Здесь прячется?

Катя кивнула, и ее отпустили. Выхватив из карманов пистолеты, парни бросились вперед. Она медленно сползла по стенке, покрываясь холодным потом. Ей сразу представилось, что эти типы могут сделать с Вадимом. Утешало лишь одно – раз его ищут, значит, он пока цел.

Голоса, грохот, удары, звуки чего-то тяжело падающего раздались из кухни. Катя сидела на полу в прострации, потерявшись во времени и пространстве. В себя она пришла лишь, когда Сашка взял ее за плечи и хорошенько встряхнул, а Олег влил ей в рот коньяк.

– Вот они, красавчики, смотри, – сказал сосед, вводя ее на кухню.

Там все было перевернуто, стол, стулья вверх тормашками, сдвинута плита, кругом валялась растерзанная еда и осколки стекла. И посреди всего этого хаоса лежали связанные парни.

– Как вам удалось справиться? – с трудом пролепетала Катя.

– Просто, – ответил Олег. – Кто устоит против Спецназца и десантника?

– Ничего, что мы тут тебе беспорядок устроили? Все приберем, только этих придурков допросим, – сказал Сашка. – А ты иди в комнату, приляг.

– Надо вызвать полицию, – пробормотала Катя.

– Уже вызвали, – сказал Олег.

Полиция приехала через полчаса. И всех их забрали. Долгие допросы, составление протокола, вопросы жуткие и какие-то каверзные – всему этому, казалось, не будет конца. Одно стало ясно – Вадима кто-то хочет устранить.

Катя вконец измучилась, ее била дрожь, потом ее вдруг прорвало истерическим хохотом, рыданиями, воплями: «Хватит издеваться!!!», – это когда стали «докапываться» до Вадима, подозревая в непонятном каком-то криминале.

«Его ищут... Не найдут», – подумала Катя, – «Никогда. Он наверняка в своем подземном замке. И вовсе он не скрывается, а просто отдыхает. Чего ему прятаться. Он ничего и никого не боится, мой Вадим!»

Домой вернулись они лишь поздно вечером. Олег и Сашка принялись приводить в порядок кухню. Катя стояла и плакала.

– Ничего-ничего, – как мог, успокаивал ее Сашка. – Думала, ты в сказку попала? Не-е-е, это ты в жизнь вляпалась.

– Да, сначала была сказка, – перестав плакать, сказала Катя. И вдруг снова отчаянно зарыдала, согнулась, села на пол, и опустила на ладони лицо. – Его убьют, ах, Боже мой, его же убьют! – вскрикивала она, обливаясь слезами.

– Не факт, – ответил Олег. – Может, сами первые сдохнут. Не переживай, все уладится.

Она ушла в комнату, без сил повалилась на постель, но потом оклемалась и позвонила Насте. Ей надо было выговориться. И она подробно описала ей всю ситуацию, невольно преувеличивая, сгущая краски.

Подруга слушала молча, и Катя чувствовала, как она напряглась на том конце провода. Вместо слов утешения, прозвучало страшное:

– Ну, Кать, ты и влипла. Теперь тебя саму замочат вместо твоего Вадика. Он тебя подставил, вникни. Говорила я тебе, познакомь меня с ним, а ты? Я бы сразу разобралась, что к чему. А теперь что, и не спрячешься, все равно найдут. Да и где тебе скрыться-то, негде.

– Я очень боюсь за Вадима, – ответила Катя, всхлипывая.

– Забудь о нем, – посоветовала подруга. – Его уже, может, другие бандюки в бетон закатали. И вообще, что ты знаешь

про его бизнес, может, криминал какой?

– Да ты что! – возмутилась Катя. – Вадим не такой. Он честный, искренний, благородный. И бизнес у него легальный, он металл продает всякий. Легированную сталь, например. Причем, весьма успешно. Просто, конкуренты у него серьезные.

– А где он металл этот берет? – поинтересовалась Настя. – Может, тырит?

– Покупает. А продает дороже.

– Спекулянт, – отрезала Настя.

– Бизнесмен, – поправила Катя. – Просто знает, где можно взять дешевле, и везет туда, где он очень-очень нужен и стоит дороже, и продает оптом. Обычный бизнес. А ты что, не знала, как это делается? Желающих заработать на железе много, но не каждый это может, тут нужен особый склад ума, своего рода талант.

– Ну-ну, защищай его, нахваливай, а только твой Вадим этого не стоит. Спрятался, а на тебя наплевал. Ясно же, что они, эти, будут все его связи копать, и в первую очередь – амурные.

– Да у нас и не было ничего, просто дружеские отношения, – отозвалась Катя.

– Ага, пой, птичка, пой, – язвительно произнесла подруга. – И он тебе все по дружбе покупал, скажешь? И никакого интима?

– Ему не до интима было, очень занятой. Не знаю, как

он теперь, где он? Думаю, что с ним случилось, думаю все, думаю, совсем зачумилась и мозги расщеперились.

– Ну, я понимаю, почему он тебя не поимел: спугнуть боялся. Не дурак, понял, что ты недотрога, осторожничал. Везучая ты, Катька, не то, что я! Эх, мне бы такую жизнь!

– С чего это ты на судьбу-то ропщешь? – удивилась Катя. Но подруга гнула свое:

– Вот говорят: «Счастье тебя обязательно найдёт!» ... Не пойму: или я так офигенно прячусь, или оно меня как-то хреново ищет.

– И чего ты ноешь, Насть? – не выдержала Катя. – Живешь как хочешь, работа не пыльная, платят неплохо, никто тебе не угрожает, близкого друга не теряла...

– Было бы кого терять, – оборвала ее Настя. – А все-таки, темная он лошадка, твой Вадим. Вся эта история очень-очень странная. Ну, сама подумай. Мне кажется, тут кроется что-то не то.

Говорить больше не было сил, и Катя свернула беседу.

Тем временем ребята привели кухню в Божеский вид, заварили кофе, и позвали ее.

Все вместе долго сидели за столом, обсуждали события.

Катя решительно не хотела оставаться в квартире одна. В голову лезли жуткие мысли, страх сковывал душу. Действительно, что она знает о Вадиме? Лишь то, что он сам о себе рассказал. Вот и вся информация – разговоры о его бизнесе, да еще его визитка – «Вадим Васильевич Московцев, кон-

церь РосСтальМоск»... А она ему полностью доверилась, дуручка. Раскрылась, распахнула душу, оглушенная любовью. Все было как во сне, она плохо соображала. А вдруг он действительно замешан в криминале, вдруг он все о себе врал?

От жутких мыслей бросило в жар, заломило в висках. Но с такой охраной, как оба эти сильные мужчины, было спокойнее. Расположиться на ночь они могли в другой комнате – там стояли два кресла-кровати, оставшиеся еще от родителей. Главное было – уговорить их. Вот в чем задача – как их уломать?

И она заревела в голос, вскрикивая:

– Я боюсь! Мне страшно! Не оставляйте меня одну! Пожалуйста, не уходите! Не бросайте меня!

Друзья принялись утешать ее, как могли, и согласились остаться.

Долго не ложились спать, беседовали, рассказывали разные захватывающие истории из жизни, смотрели ночные телепередачи и фильмы. Утром Олег отбыл на работу, пообещав вернуться, как только освободится, а Катя с Сашкой разошлись по комнатам спать.

Катя уснула сразу. И увидела кошмар. Вот они с Вадимом, после веселой прогулки по Диснейленду, (который оказался, почему-то, возле ее дома), где они летали по воздуху на роликах, – возвращаются в подземный замок. Катя пошла мыть руки, и заблудилась. Долго искала гостиную. И тут увидела

отрубленную голову. Она с воплями помчалась через анфиладу комнат, а за ней погнался маньяк с окровавленным топором. Она дико заорала, и проснулась, вся в поту. Но тут же снова заснула, и кошмар продолжился...

Очнулась она уже под вечер. Сашка заварил крепкий земляничный чай, и накрыл на стол. Катя долго принимала душ, словно пыталась смыть с себя кошмар сновидений и последних событий. Вышла из ванной освеженная, тихая. Она уже почти смирилась со сложившейся ситуацией. А что делать, никуда ведь не денешься? Приходится принимать все, как есть. И ждать следующего поворота судьбы.

За завтраком, который скорее походил на ужин, они снова принялись вспоминать случившееся, и пенять на полицию, которая вместо того, чтобы работать с налетчиками, долго мурыжила потерпевших, причем устроила перекрестный допрос.

– Ну, такова вот наша отечественная Фемида, – вздохнула Катя.

– Да кто она такая, эта Фемида! – запальчиво воскликнул Сашка.

– Фемида, это такая тётка, которая что-то взвешивает, что-то рубит, но ничего не видит! – шутливо ответила Катя. – Кстати, ее очень любят малевать в разных видах современные живописцы, как-то шла по Арбату, видела.

– А я вообще современное искусство не воспринимаю, – резюмировал Сашка.

– Да, оно деградировало, что тебе живопись, что литература, что театр, что музыка. Всюду царит бездуховность, животное начало.

– Это не культура. Это только физиология. Малевич не зря ведь свой "Чёрный квадрат" однажды написал. В него всё это "современное искусство" и провалилось. Как в дыру.

– Все ты верно говоришь, Саша, – снова вздохнула Катя.

Поздно вечером пришел Олег. Ребята отвлекли Катю от ее тяжелых мыслей – рассказывали анекдоты, играли в лото. Потом позвонила Настя:

– Катюсик, приветик! Ну, как, что у тебя? Все тихо? Никто больше не напал? Ты там что, не одна?

– Привет, Насть. Не одна. Меня охраняют.

– Что-о, к тебе охрану приставили?

– Меня Сашка с другом спецназовцем стерегут.

– Ой, как интересно, и чем это вы там занимаетесь, а? – лукаво пропела Настя.

– Да ничем, в лото играем, – ответила Катя.

– Ну да, так я и поверила. А у меня, представляешь, тоже интересный ситьюэйшн вышел. Помнишь, я рассказывала, как в кафе на автомойке познакомилась с одним персонажем. Точнее, он ко мне подсел, пока я пила кофе, и разговорились. У него следующий кузов модели как у меня – вот и тема для разговора. Обсудили моторы-коробки-пневмоподвеску-электрику, немного погоду и футбол. Обменялись номерами – ну так, на техосмотр сгонять вместе. Неплохой та-

кой тип, поболтать – одно удовольствие. Да и лет пять назад не иначе красавцем был. А сейчас... Все бы неплохо, но пузо а-ля «седьмой месяц» – привлекательности не добавляет. Не в моем вкусе мужичок. Вот он звонит мне, и предлагает увидеться. Я ему – ну, мол, как бы, вроде, на техосмотр рановато. Ну, тут ясное дело – я его заинтересовала не как товарищ, с кем можно о машинах потрепаться, и на сервис вместе ездить. Вот я ему и говорю – а, собственно, по какому вопросу я вам понадобилась? А он мне – да по вопросу совместного кофепития с пирожными. Шикарно. Слово за слово, выясняется, что он там в меня чуть ли не влюбиться уже успел. Тут я ему и говорю: ты, конечно, парень хороший, но вот, пардоньте, не быть нам парой. Тут бы ему и попроситься, так нет же. Интересно ему, понимаешь, стало, почему это я с ним только дружить согласна, и чего в нем не так. А я-то девочка прямолинейная, и сообщаю ему: – вы, говорю, конечно, мужчина видный, да и машины у нас почти одинаковые, но вот пузо ваше, оно, пардоньте, никуда не годится. Я, понимаете ли, предпочитаю спортивных мужчин, пресс кубиками я конечно от вас не требую, но пельменный синдром – это уже слишком. К тому же, не в моем вкусе мэны с красными глазами – это признак тлеющих в голове опилок. И представляешь, что он мне ответил? Он мне, значит, парировал – красавица, говорит, понимаешь ли, смысл отношений в том, чтобы принимать своего партнера таким, какой он есть... И это меня убило. А почему же, говорю, вы, мужчины, не хоти-

те принимать женщин такими, какие они есть? С целлюлитом, висящими боками, грудью как два пустых гольфа, как уши спаниеля, без косметики? А? А он мне – так вы же не такая! А я ему – а вы полюбите женщину своего возраста, вместе будете гармонично смотреться. А он мне...

– Ой, хватит уже! – взмолилась Катя. – У тебя всегда одно и то же. Все тебе не так.

– Ну и ты такая же, – ответила подруга. – Была, пока не встретила этого своего... это Ходячее Приключение на свой зад. Вот, нашла точное определение твоему Вадику, его кликуха отныне – Ходячее Приключение.

– Не будем о Вадиме, – оборвала ее Катя.

Она еще немного поболтала с подругой, и разъединилась.

Было уже довольно поздно, и она снова уговорила ребят остаться ночевать здесь. Они были не против.

И опять – бессонная ночь. Что только не лезло в голову! То Вадим – шпион, за которым охотится иностранная разведка, то он подпольно торгует органами младенцев... А может, его просто хотят сжить со свету конкуренты и присвоить бизнес. Он же продает сталь во все страны мира – судя по его рассказам. Но так ли уж правдивы эти сведения?

И она вспоминала его затуманенный любовью взгляд, его большую узкую ладонь с длинными пальцами, чуть подрагивающую на ее руке, горячую, ласковую.

Разве он может вляпаться в криминал? Да никогда! Никогда! – кричала ее душа.

Катя металась в постели, вставала, шла на кухню пить, снова забиралась под одеяло...

Утром раздался звонок в дверь.

– Скройся, – бросил ей Олег, и сам открыл.

Но это была соседка Лиза, пришла вернуть долг.

Катя была рада ее видеть. Пригласила на чай, но девушка сказала, что спешит в храм. Взглянув на Катю, посетовала:

– Ты плохо выглядишь, у тебя, похоже, проблемы. Надо в церковь сходить. Или просто помолиться мысленно. Если не знаешь молитв, можно своими словами. Но лучше прочитать Отче Наш. Есть еще новомученики, правда, не канонизированные еще, их в 1993-тмем сатанист зарезал в Оптиной, можно им помолиться, быстро помогают.

– Мне никто уже не поможет, – грустно ответила Катя. – У меня друг пропал, хороший человек, Вадим. Уже месяц, даже больше, от него ни слуха, ни духа. А как молиться надо этим... – она замялась, подыскивая нужное слово. – Этим... убиенным?

– Они еще не прославлены в лике святых, поэтому молиться надо так: «Упокой, Господи, души усопших рабов твоих Иеромонаха Василия, инока Трофима, инока Феропонта, и их святыми молитвами помоги найтись рабу Божьему Вадиму, без вести пропавшему». Ну, я побежала. Если что, обращайся, всегда рада помочь.

И Лиза заспешила к лифту, поправляя на ходу платок.

Закрыв дверь за соседкой, Катя вернулась в комнату, до-

стала из серванта бабушкину иконку – очень красивую, в серебряном окладе, небольшую, Казанскую, и мысленно попросила Богородицу о помощи. Потом повторила те слова, которые ей сказала Лиза. Про зверское убийство трех монахов в мужском монастыре она как-то видела передачу по телевизору. Там еще фигурировал кинжал с тремя шестерками.

Тут Саша позвал ее завтракать. Ребята приготовили огромную яичницу с шампиньонами, помидорами, сыром дор-блю и перцем. Вкусняшка!

Но не успела она сесть за стол, как запел мобильник. Номер высветился незнакомый. Она взяла трубку, и... услышала голос Вадима! Он только что вернулся из Японии. Катя чуть не задохнулась от нахлынувших чувств, мозги раскорячились, мысли обрели вес и готовы были продавить череп. До нее с трудом доходил смысл его слов. Оказывается, он летал в Страну Восходящего Солнца, чтобы подписать контракт, и попал в самый эпицентр землетрясения, его полумертвого эвакуировали, отправили в госпиталь. Чудом выжил. Он ничего не знал о развернувшейся на него охоте здесь, на родине. И, кажется, не очень-то вник в сбивчивые слова Кати.

– Ёжик, я доделаю свои дела, и заеду за тобой. Позвоню, – сказал он.

– Не надо заезжать! Тебя убьют! – крикнула в трубку Катя, но абонент уже отключился.

Она в растерянности уставилась в свою тарелку, сигналив-шую желто-бело-красным цветом с зеленоватыми вкрапле-ниями.

– Не бери в голову, – ободрил ее Сашка. – Все обойдется. Вот увидишь.

– Ничего же не случилось, – подхватил Олег. – Он везу-чий, твой Вадим.

Тут снова заиграла мелодия мобильного. Катя мгновенно схватила трубку. Но на этот раз зазвучал голос Насти.

– Привет, подруга! – прокричала та. – Как слышно? У ме-ня какие-то помехи пошли, а вот сейчас нормально. Тебя еще не похитили? Всё под охраной? Что слышно о твоём Хо-дячем Приключении?

– Насть, он объявился! – радостно заорала Катя. – Он в Японии в больнице лежал, после землетрясения! Теперь вер-нулся, и хочет меня видеть, когда дела свои уладит.

Подруга замолчала, потом напряженно произнесла:

– Только не вздумай с ним встречаться. Последствия мо-гут быть всякие.

– Да что ты говоришь, Настя, как это мне не встречаться с моим Вадиком! Ты что, не поняла? – воскликнула Катя.

– Ну, в смысле, одна не ходи, давай вместе. Я, все-таки, неплохо разбираюсь в мужиках, сразу просеку, насколько он опасен. Можно еще и Сашку с Олегом прихватить, для охра-ны.

– Ага, а еще, весь Спецназ и ОМОН, на всякий случай. И

Лизу со святой водой, чтобы злых духов отгоняла.

– Слушай, ты зря иронизируешь. Это очень серьезно.

– Знаешь что, смени тему. Я сама знаю, что делать, – рассердилась Катя.

– Ну, ладно. Хотела, как лучше, но это твои проблемы, – невозмутимо сказала Настя. – А я вот думаю машину сменить, эта уже надоела. Сейчас все шумят о Ё-мобиле.

– А, слышала, он еще Ё-авто называется. Только не врубаюсь, что это за штуковина такая?

– Ну, у него вместо аккумулятора конденсатор большой емкости, – принялась пояснять подруга. – Работает он не только на бензине, но и на сжиженном газе. А еще, у него два электромотора, и он делает сто тридцать километров в час. Занятная такая техника. Его Михаил Прохоров изобрел в 2010-ом. Знаешь, кто это, самый крутой миллиардер.

– Насть, а при чем тут, вообще, Ё-мобиль какой-то? Мне сейчас не до этого, извини. Пока, – сказала Катя, и разъединилась.

Она нервничала. Она ждала. Она хотела есть.

Яичница с шампиньонами, помидорами, сыром и перцем была изысканна, пикантна, необычайно вкусна. У Кати проявился зверский аппетит.

– Это уже булимия какая-то, на нервной почве, – сказал Сашка. Мужчины с интересом взирали, как Катя жадно поглощает огромное блюдо.

Чтобы ее хоть как-то отвлечь, Олег принялся рассказы-

вать:

– Со мной вот однажды случай произошел. Опера «хлопнули» наркомана. «Хлопнули», как это называется на их языке, «в самый цвет». Никто из прохожих не изъявил желания свой гражданский долг исполнить и выступить понятым. Согласился лишь я. Перед судебным заседанием ко мне не единожды подходил отец подсудимого, и просил, ну, прямо-таки, умолял, понимаешь, чуть-чуть изменить показания и сказать о том, что я не все видел. Обещал прилично заплатить. Ну, я отказался. И вот, идет судебное заседание. По ходу, я едва не нарвался на административный штраф, когда адвокат потерпевшего трижды задавал мне один и тот же вопрос: «Расскажите о том, что вы видели лично!»

На третий раз я не выдержал и заявил: «Для особо одаренных объясняю два раза – первый и последний. Перед тем, как произвести обыск, опер снял пиджак, закатал рукава рубашки по самые локти, показал нам, понятым, что в руках у него ничего нет, после чего достал из кармана подсудимого пакетик с порошком».

Тут судья скривил лицо, сделал мне замечание и предупредил о том, что расценивает это заявление, как нарушение порядка судебного заседания, и выносит мне предупреждение. И что подобное повторное заявление будет расценено им, судьей, как неуважение к суду.

Результат: подсудимый получил свой законный пятерик, а я на следующий день чудом остался жив. Как оказалось,

у моей «семерки» были перерезаны тормозные шланги. Виновный, как это у нас водится, обнаружен не был... Вот такой случай.

– Вуть! Страффно вуть! – пробубнила Катя с набитым ртом.

– Вот именно, вуть по-волчьи, – сказал Сашка.

– Да не вуть, а жить, – сказала Катя, прожевав.

Ей стало еще тревожнее за Вадима. Ведь он такой правильный. На компромиссы не идет. Не из-за этого ли погибли в автокатастрофе его жена и сын? Ведь жена, она за рулем была, и прекрасно водила машину. Он сам говорил. Может, машину подорвали? Подсунули под днище маленькую магнитную бомбу, как в фильмах показывают. Хотели убрать его, а поехала жена? Думал ли об этом Вадим? Наверняка.

Слезы навернулись ей на глаза.

– Не расстраивайся, – принялся утешать ее Олег. – У тебя особых причин горевать нет. Вот у меня – это да, и то я не рыдаю.

– А что с тобой стряслось? – спросила Катя.

– На пенсию меня отправили, вот что. И то, лишних тринадцать лет проработал. В Спецназе пенсионный возраст – тридцать пять...

– В охрану устроишься.

– Увы, нет. Нас туда не берут. Не положено.

– А в телохранители?

– Та же история. Мы обучены не этому.

Снова зазвучала мелодия мобильного. Напряженный голос Вадима сообщил, что у него возникли проблемы, и он позвонит через пару дней.

– Что случилось? – закричала она, но их уже разъединили.

* * *

На «стрелку», как это сейчас модно говорить, она пошла не одна. Ее сопровождали Саша и Олег. Вадима она заранее предупредила, что будет с друзьями, коротенько сообщив, что на нее нападали, и она боится.

До места доехали на Олегаевой «семерке». Ребята вышли из машины первыми, осмотрелись, потом подали руку Кате. Деловито прошли в ресторан: Олег впереди, Сашка сзади, Катя – посередке. И она вообразила себя этакой важной персоной с двумя телохранителями. Даже некий кайф ощутила.

Вадим сидел за столиком в углу, и она сразу же увидела его. Он встал, когда они подошли, и пожал руки ребятам:

– Вадим.

– Олег.

– Саша, – представились они друг другу.

Вадим кивнул на меню в кожаном переплете:

– Заказывайте. Угощаю.

Ребята взяли только воду. А Катя – чай с пирожными. Мужчины молчали, присматриваясь друг к другу. Катя стала подробно рассказывать Вадиму о нападении. Он слушал

с невозмутимым видом, но она почувствовала, как он внутренне напрягся.

Постепенно разговор стал оживленнее. Вадим припомнил несколько забавных историй из своей жизни, Олег – из своей. Саша поиронизировал по поводу небезызвестной Насти, бывшей соседки, и прибавил:

– Женщина есть женщина. Она – как оазис в пустыне. Никогда не знаешь, что там – или живая вода, или мираж.

Все расхохотались. Атмосфера постепенно стала теплой и дружеской.

Но Кате вдруг отчего-то взгрустнулось. Какое-то тревожное чувство шевельнулось внутри. Она смотрела на Вадима, на его красивое лицо, на густые, завязанные в хвост каштановые волосы, и видела его словно в последний раз. И тогда она мысленно стала просить Бога защитить любимого от всех напастей, потом вспомнила ту молитву, которой научила ее Лиза, и так же истово, с незримыми слезами, стала умолять о помощи Оптинских новомучеников.

Уже смеркалось, когда они всей гурьбой вышли из ресторана.

– Я тебя подвезу, – сказал Вадим, вытаскивая из кармана пульт сигнализации. «Бентли» пискнула и разблокировалась. Он подошел было к машине, но тут же быстро вернулся к Кате, замешкавшейся у дверей ресторана, и сказал:

– А знаешь, не съездить ли нам...

В этот миг страшный взрыв оглушил их, и авто Вадима

превратилось в сплошной столп огня.

* * *

Весна была холодная и затяжная. Талый грязно-серый снег, темные лужи, сырое небо, промозглость, уют. Катя не пошла домой. Ей захотелось вернуться на свою прежнюю квартиру, со стареньким компьютером, со всей замечательной обстановкой, которая теперь не казалась такой уж шикарной. После свадьбы она стала жить у мужа. Но сейчас, когда муж в командировке, ей захотелось побыть одной, без присутствия прислуги. Она не воспользовалась машиной, а приехала на метро.

В ее квартире не ощущалось того нежилого духа, который бывает, когда хозяин долго отсутствует. Сюда заходил Сашка, проветривал, поливал цветы, протирал мебель, пылесосил. Это входило в его новые обязанности. Он теперь работал у Вадима, так же как и Олег, который был телохранителем и шофером. От должности телохранителя Олег смущенно отказывался, ссылаясь на то, что он не проходил соответствующую спецподготовку. Но Вадим сказал, что никакого особого обучения и не надо, главное – следить, чтобы в авто не подсунули очередную бомбу.

Катя включила белоснежный фарфоровый электрочайник, и достала маленький черный с золотыми розами, заварочный. Аромат земляничного напитка заполнил кухню, ко-

торая показалась ей отчаянно маленькой. Она уже привыкла к хоромам.

Вот он, оставшийся еще от бабушки, сервиз. В конфетницу она положила белую халву, купленную по пути. Прихлебывая чай в прикуску с любимым лакомством, она погрузилась в воспоминания.

Свадьба была весьма скромной: Вадим боялся очередного покушения, и мероприятие не афишировал. Присутствовали лишь Катины подруги и друзья – конечно же, и Настя, и Сашка с Олегом. Отмечали в небольшом загородном ресторане. Сначала – Загс, потом – венчание, все как положено. На Кате было сногшибательное платье стального цвета от Nicole Miller, идеально подчеркивающее фигуру, открывающее спину, суживающееся к низу и заканчивающееся широкими оборками. Серебристые туфельки и бриллиантовое кольцо довершали наряд. Изящная недлинная фата обрамляла ее сияющее личико. Вадим то и дело поглядывал на нее, и в глазах его плескались беспредельная любовь, восхищение, нежность.

А предложение он ей сделал так, словно подсмотрел ее мечту: в ресторане – они одни, зал украшен цветами, живая музыка, а на дне бокала, в котором играли золотистые пузырьки шампанского, сияло кольцо с восхитительным оранжевым бриллиантом.

Тут запел мобильник.

– Приветик, Кити, – раздался подругин голосок. – Ты где

есть-то?

– На своей старой квартире.

– Ну, и что ты там забыла?

– Воспоминания.

– Давай, я к тебе подскочу, повспоминаем вместе, – проворковала Настя.

– Ладно, подсакивай.

– Что купить?

– Что тебе самой хочется. У меня здесь только чай да халва.

Настя явилась с бананами и мандаринами. Бросила взгляд на подругу, и осталась довольна.

– Ты классно смотришься в этом кожаном прикиде.

Она быстро скинула куртку и сапожки, прошла в кухню, и вывалила на середину стола фрукты. Катя достала большую вазу, и аккуратно переложила их туда.

Настя плюхнулась на стул, открыла сумку, и достала коричневую пластиковую бутылку.

– Я живое пиво привезла, давай пить из бокалов.

Она отвернула крышку, из-под которой раздался слабый пшик.

– А почему не из кружек?– поинтересовалась Катя.

– Так прикольнее.

Она налила пиво в бокалы, чокнулась, сделала несколько глотков, и, откинувшись на спинку стула, произнесла:

– Ну, давай, подруга, выкладывай, что там у тебя? Я же чувствую, что-то происходит. Ты же мне, все-таки, не чужая, переживаю. Ну, как ты?

Катя медленно потягивала резкую холодную жидкость, от которой распирало желудок и хотелось откровенничать. И она принялась сетовать:

– Представляешь, Насть, даже не знаю, в чем тут дело. Вадим любит меня жутко, это видно. Но, представляешь? Нет, ты не поймешь.

– Да все я пойму, что за дела?

– Вот сколько мы женаты, а у нас все еще не было интимной близости.

– Да ты что? Прикальываешься?

– Нет, правда. Вот, после свадьбы, приехали мы домой. Я приняла душ, потом – он. Целует меня, говорит всякие нежности, и вдруг – его мобильник. Он берет трубку, меняется в лице, и кричит в телефон: «Сейчас буду, без меня ничего не подписывайте! Не пускайте никого!» И убегает. Приходит поздно, измученный, ложимся в постель, он засыпает как убитый.

– Да ты что, в самом деле? Не врешь? – Настя вытаращила глаза.

– А с чего мне врать-то? Или вот, пришел с работы. А я отпустила прислугу, и сама приготовила шикарный ужин. Пока разогревала, уснул в кресле. Будить не стала, пожалела

беднягу. Устает жутко! Да еще то конкуренты, то клиенты, то звонки какие-то непонятные с угрозами, мы все на нервах.

Катя горестно замолчала. Допили пиво. Настя сжевала банан, и вдруг взглянула на подругу так, словно ее озарило:

– Слушай, душа моя, а не кажется ли тебе, что твой Вадик просто импотент? И скрывает это под предлогом деловой горячки? А ведь у бизнесменов такое случается.

– Да ты что, в своем уме?! – возмутилась Катя. – Вадик стопроцентный мужик!

– Откуда ты знаешь?

– Да это чувствуется сразу! Видно же!

– Это тебе твоя любовь глаза застила, – усмехнулась подруга. И вдруг вскрикнула: – Тьфу ты, опять зуб болит!

– Сходи к дантисту, – посоветовала Катя. – Не бойся. У меня есть хороший врач, дам телефончик, съезди, скажешь, от меня. Я, кстати, на прошлой неделе была. И такой случай там забавный произошел! Нет, это нечто!

Подруга вопросительно взглянула на нее, и та продолжала:

– Сиж у стоматолога с открытым ртом. Чувство всем знакомое – как на электрическом стуле, хотя знаю, лечат здесь отлично. Вот соседнее кресло освобождается. Врач, пожилая, добродушная, вызывает следующего. Молоденькая девушка, видимо, студентка, заталкивает в кабинет смуглого паренька, араба, наверно, однокурсника, и сообщает: «Он плохо понимает по-русски, у него острая боль». Врач кивает

на кресло, и спрашивает: «Какой зуб болит?» При этих словах у парня округляются глаза, а лицо становится цвета переспелого граната. Он прикрывает ладонями свое причинное место, и словно столбенеет. «Ну, садитесь же в кресло. Так какой зуб болит, все-таки?» Студент смущается еще больше. Он нерешительно подходит к креслу, садится. Врач не может понять, что творится с пациентом, и ласково говорит: «Откроем ротик. На что жалуетесь? А, вижу проблемку, нужно пломбочку поставить на зуб». Парень не знает, куда деться, до того ему неловко, и, главное, непонятно, почему причинное место, да еще в матерном выражении (по-арабски «зуб» означает ругательство на три буквы) доктор ищет у него во рту. А когда, пролечив пациента, стоматолог сказала: «Все тридцать два зуба в отличном состоянии, только маленькая пломбочка понадобилась», парень в ужасе выскочил из кабинета. Он знал много русских слов, но этого слова не понимал. Вот такая веселенькая история приключилась, – резюмировала Катя.

В этот миг за окном сильно грохнуло, словно что-то взорвалось, и заголосили сигнализации всех машин во дворе. Катя вскрикнула, закрыла лицо руками. И тут же снова прогремело. По стеклу пробежали яркие отблески. Катя тихо плакала, вздрагивая плечами.

Подруга подошла к окну, распахнула его, выглянула, и сказала, смеясь:

– Ну и трусихой же ты стала! Тебя Вадим, что ли, так за-

пугал? Это просто петарды. Китайские. Пацаны балуются.

Она вернулась к столу, снова наполнила бокалы, и принялась болтать:

– Сейчас подниму тебе настроение, похочешь. Я вот тут один приколу вспомнила, насчет взрывов. Правда, взрыв был эмоциональный. Раз уж пошла речь о стажерах и студентах, то вот я про что вспомнила. Две наших девчонки по обмену поехали в Англию. А жить они должны были в частном доме. Утром они просыпаются, хозяйка, как положено, завтрак приготовила и на стол подает. Рядом суетится ее маленький сыночек – мальчуган лет пяти-шести. И тут вдруг выскакивает на середину комнаты котенок – симпатяга такой, черная спинка, белый лобик, черный подбородок, белые лапочки, кругленький, пушистенький, носик розовый, просто маленькое чудо! Девчонки наши в восторг пришли. И одна так нежно-нежно, с душой – заметь, с русской душой, – наклоняется и ему – кис-кис-кис! Но, видимо, достаточно громко, потому что сыночек хозяйский отреагировал тут же. Повернулся, лобик наморщил, и объявил, что, мол, никакого "киссинга" от котенка не жди! То есть, не целуется котенок. Кать, ну, по-английски ведь "кисс", значит – целуй, да? А чего ты не смеешься? Тебе, как переводчице, это должно быть занятно.

– Ну, как ты говоришь, переводчице... Тогда, как переводчица, могу только добавить, возвращаясь к арабам, что те зовут кошку немного по-другому.

– А как?

– Как? Пис-пис-пис...

– Правда?

И подружки рассмеялись. Но Настя успела заметить, что Катя, почему-то, веселей от этих баек не стало...

Вечером Катя пошла провожать подругу до ее машины. Стояли, прощаясь, возле дома. Мимо быстро шагал Сашка, какой-то очень уж насупленный, а за ним с истеричными криками бежала молоденькая девушка.

– Саш, стой, что стряслось? – почти одновременно спросили обе подружки. – Нет, постой, ты что?

– Он не хочет! Он не хочет! – подбежала к ним, вся в слезах, девушка. – Скажите ему!

– Са-ша, мы тебе говорим! – отчеканила Катя.

– Не лезьте не в свое дело! – в сердцах бросил тот, и двинулся дальше. Но обе женщины цепко схватили его за куртку.

– Не уйдешь, пока не объяснишь, – повысила голос Настя.

– В общем, так, – скомандовала Катя. – Поднимаемся все ко мне, и будем разбираться.

После долгих и весьма импульсивных реплик, выяснилось следующее: девушка оказалась Сашиной дочкой Леночкой. И приехала она по весьма деликатному делу. Ее американский жених хочет, чтобы на свадьбе были оба родителя невесты: и отец, и мать. Вот тут-то и возникла загвоздка. Ведь второй муж Леночкиной мамы, Лиды, развелся с ней – был

какой-то большой скандал, после которого он порвал все отношения со своей русской семьей, и уехал. Так что единственный вариант – это пригласить на свадьбу Сашу. Но это оказалось совсем непросто – ведь от него в свое время Леночка отреклаась, считая его полным неудачником и пропащим человеком (так ей с ее заграничного детства твердили мать и новый папа). Когда Сашка звонил в Штаты, скучая по дочери, а было это давно, девочка говорила с ним насмешливо, холодно, коротко. И Саша не простил ей этого.

– Ах, теперь я, значит, понадобился, через четверть века! – сказал он гневно. – Так я же лузер, никчемный человечиска, мне не место на твоём торжестве, обращайся к своему американскому папочке. Ах, ему до тебя уже нет дела? А при чем тут я? Какой с меня спрос?

– Папа, прости! – запричитала Леночка. – Папочка! Я тебя всегда любила!

– Врешь! – заорал Сашка.

– Ну, прости ее, Саш! – воскликнула Катя. – Она же совсем еще юная, неопытная, ей просто заморочили голову Ланка и ее мужик, сам понимаешь, зомбировали девчонку. Надо быть добрее, милосерднее. Ты простишь, и тебя Бог простит. Ты же тоже не святой.

– Ладно, подумаю, – смягчился, наконец, он.

– А чего тут думать-то, – сказала Настя. – Решим прямо сейчас.

– Я лично, как твоя хозяйка, как твой работодатель, ко-

мандирую тебя в Америку на свадьбу твоей РОДНОЙ дочери. Понял? И сама, лично, оплачиваю тебе все расходы, включая свадебный подарок, – заявила Катя.

– Ну, раз так, то ладно, – улыбнулся, наконец, Сашка. – Это надо обмыть. С приездом, доченька! – обернулся он к Леночке, притянул ее к себе, и поцеловал в лоб. – Ты прощена!

* * *

Эта неделя была спокойной. Телефонный террор прекратился. Но стало скучновато. Вадим улетел в Новосибирск, Сашка – в Америку, Олег взял отпуск за свой счет и умчался в Саратов – мать у него заболела. Зато Настя активизировалась, зачастила в гости, и после традиционного чаепития с изысканной закуской, подруги стали заскакивать в разные интересные места. А интересно им было многое. Однажды их пригласили в общежитие, где обитали студенты-художники, и, почему-то, вьетнамцы. Ну, ясно, почему: комендант сдавал в аренду свободные комнаты. Студенты развлекались по-своему: будущие скульпторы, например, лепили из зуралина человеческие уши, причем точь-в-точь как настоящие, и варили их в кастрюле (это чтобы материал затвердел и принял естественный вид). Получалось вполне натурально. Подруги сидели на кухне и наблюдали, как заходят вьетнамцы, заглядывают в кастрюлю и тут же, в неопишемом ужасе, с воплями, валятся на пол и уползают. Студенты объяснили Насте и Кате такую странную реакцию: дело в том, что

во время войны во Вьетнаме, местных солдат за каждое отрезанное ухо убитого противника поощряли. И почему-то, предоставлять они должны были только левые уши. Видимо, вьетнамские соседи испытывали подсознательную жуть. Подруги расхохотались, но Кате было не очень весело. Смеяться над тем, что кому-то страшно, грех, думалось ей. И все же она смеялась.

На следующий день Настя повезла Катю в Женский Клуб, где обсуждалась проблема, как найти свою настоящую любовь, как удачно выйти замуж, и каких женщин предпочитают мужчины. Ничего это Катю не интересовало, но то была животрепещущая тема для подруги, и за компанию она тоже поехала.

Это было самое обычное серое здание, бетонная многоэтажка, на первом этаже которой и располагался Женский Клуб. Журнальные столики, множество пуфиков и кресел, кофе с пирожными, бордовые бархатные шторы с кистями, уют, непринужденность, и жаркая дискуссия:

– Да нет же, Мариночка, социологи уже подсчитали – две трети современных мужчин восхищаются женщинами, занимающими высокие посты. Времена, когда идеальным считался образ тихой домохозяйки, давно прошли – теперь мужчины убеждены, что женщина должна быть сильной, сексуальной и властной! Это я в статье читала!

– Да-да, точно-точно, на себе испытала! Ну, насчет сексуальности я не согласна, а уж на высокую должность они за-

падают! У меня начальница – ну вообще ничего женского, мужик-мужиком на вид, толстая, коротконогая, плечистая, старая, а мужики перед ней стелются, комплиментами заваливают, столько раз предложение ей делали! А я, такая эффективная, молоденькая, девочка-конфеточка, но простая операционистка. И ни один, ни один!..

– Да ладно тебе, все еще впереди.

– Эксперты полагают, что это связано не только с изменением гендерных ролей, но и с экономическими трудностями. Проводились исследования, и не раз. Оказалось, что большую часть мужчин привлекают сильные и независимые женщины. К тому же, деловые дамы зачастую недоступны, и это мужикам нравится.

– Ну, так и нам тоже нравятся деловые мужики, а что, разве не так?

Кате, наконец, надоел весь этот трёп. И она заспешила домой.

– Ладно уж, подвезу тебя, – снизошла Настя, но видно было, что ей очень не хотелось уходить.

По улице метался ветер. Облака, словно хмельные, болтались в стремительном растрепанном небе. Подруги отыскали на парковке свою «тойоту», и нырнули в уютный теплый салон. По пути заехали в Мегacentр за конфетами к чаю. У кассы была очередь. Катя от нечего делать принялась рассматривать народ. Забавными показались ей две бабули лет под семьдесят в молодежных куртках, в джинсах, в яркой

косметике. У одной были отчаянно розовые губы с блеском, у второй – фиолетовые тени. Они увлеченно болтали:

– Все кругом ворюги, народные деньги нахапали и сидят на них...

– А я вот за свою жизнь копейки чужой не взяла, родители так воспитали, а то бы тоже сейчас наворовала и вся в золоте бы ходила-жировала, поди плохо...

– Да и не говори, сама бы взяла пулемет и своими руками постреляла бы всех Чубайсов и Абрамовичей...

Тут к мужчине, стоящему перед бабулями, подбежала маленькая девочка, и отвлекла их от конструктивной беседы.

– Папочка, папочка, купи мне «киндер» для принцесс!

Девочка была прехорошенькая, но Катя заметила, что есть в ее смуглом личике что-то негритянское, буквально еле уловимое, а папа обычный, русский...

Бабуля с яркими губами недовольно поморщилась и сказала с фальшивым сочувствием:

– Да. Вот так, жена один раз где-нибудь того... а потом всю жизнь покупай «киндеры» для принцесс...

Ее приятельница что-то прошептала ей на ухо.

– И не говори, – ответила та, – никакого самоуважения нет у человека...

Мужчина обернулся к ней:

– Что вы хотите этим сказать?

Бабуля:

– Так, ничего, просто мысли вслух, люди-то не дураки во-

круг, все видят...

Вдруг девчущка кинулась к подошедшей маме с криками:

– Ура! Мамочка пришла!

Мамочкой оказалась полненькая, невысокая, но очень милостивая и улыбочивая индианка. Настроение у старушек совсем пропало: у них с утра олигархи не стреляны, а тут еще их версия о гулящей жене провалилась. Они взгрустнули, и одна другой опять что-то зашептала. Вторая кивнула, и вслух ответила:

– Вот именно, тут русские в девках сидят, а этому подавай не пойми чего...

Индианка сходу вникла в ситуацию и с заметным акцентом, улыбаясь, сказала:

– Милые дамы, пока вы не избавитесь от зла в ваших душах, и не наполните их добром, замуж никто так и не возьмет, можете даже и не надеяться...

Бабули отозвались хором:

– Она еще будет умничать!

Тут они переглянулись и замолчали.

Индианка, продолжая улыбаться, сказала:

– В Индии есть пословица: «Не каждую старую собаку...», ой! – и она испуганно прикрыла рот ладонью.

– Что, что у вас там? – грозно насупилась фиолетовыми тенями бабуля.

Молодая смуглянка выпрямилась и отчеканила:

– «Не каждую старую собаку называют тетей»... А я бы с

удовольствием назвала вас тетеньками.

Катя и Настя дружно прыснули. Вслед за ними расхохоталась и вся очередь.

Вечером подруги, как обычно, пили чай с конфетами и болтали.

– Знаешь, вот что странно, – говорила Катя. – Вадим звонил мне каждый день, а тут неделю уже молчит. Я волнуюсь, уж не завел ли он там себе кого?

– Ерунда, он тебя обожает. Просто замотался. Небось, носится с очередным контрактом. Я вот тебе что скажу. Ну вот, забыла. А на днях я в такую аварию влипла. Я тебе рассказывала?

– Да, говорила, ты еще в участке написала что-то такое...

– А я тебе напомним. Я написала: «Невидимая машина появилась ниоткуда, врезалась в мою, не предупредив о своих намерениях, и исчезла». Да, вспомнила, что хотела сказать. И как я могла забыть! Представляешь, на меня напал творческий вихрь, и я написала тридцать шесть портретов своего кота! Маслом! На оргалите! Представляешь?

Их беседу прервал телефон. Катя сняла трубку, но там молчали. Потом странный голос (видимо, его пытались изменить) произнес:

– Если хочешь увидеть живым своего благоверного, передай нам синюю папку, она в сейфе в его комнате.

– Какую еще папку? Я не знаю шифра сейфа! – завопила Катя.

– Так узнай.

– Как?

– Это твои проблемы. И не вздумай обращаться в полицию. Если послезавтра не добудешь папку, или кому-нибудь проболтаешься, получишь своего Вадима по частям.

В трубке что-то звякнуло, и раздались гудки.

Катя заметалась по кухне, выскочила на балкон. И оказалась высоко над улицей, прямо во взъерошенном небе, по которому неслись ошалелые облака.

* * *

Истеричные вопли, прыжки вокруг сейфа, обморок, и старания Насти привести подругу в чувства, – все это было.

– Срочно звони Вадиму, Олегу, Сашке, вызывай всех! – командный голос Насти. – А я свяжусь с полицией!

– Нет! Нет! Нельзя! Они убьют его, убьют! Автоген, нужен автоген, вскрыть сейф!

– Не психуй. Дай-ка твой мобильник. Где там их телефоны... А, вот... Вадим... Сейчас, сейчас... Абонент недоступен...

– А-а-а! Его уже уби-и-или!!!

– Заткнись, – спокойный голос подруги. – Так-так, Олег... Сейчас его вызвоним...

Катя подскочила, стала вырывать телефон из ее рук, но Настя увернулась и закрылась в ванной.

– Алё, Олег! У нас ЧП! Срочно приезжай! Что? Срочно! У нас криминальная ситуация! Когда будешь?

– Скоро не смогу, – послышалось в трубке. – От Саратова до Москвы восемьсот сорок километров, я на машине. Даже если буду гнать по двести километров в час и без пробок, что нереально, и то буду лишь через четыре с лишним часа. Но я постараюсь!

Вечером прибыла полиция. Заявление взяли неохотно, подруг повезли в участок, потом – в ОВД, куча всяких бумажек, бесконечность одних и тех же вопросов.

Ночью приехал Олег. Снова дозванивались Вадиму, и опять без толку. У него несколько мобильных – для личных связей, для деловых, для тех и других, и он периодически куда-то засовывает свои телефоны, откуда их трудно достать. У Вадима вообще присказка: кому надо, тот дозвонится. И ведь дозваниваются. Правда, не сразу. На это и уповал Олег, но Катя все равно дергалась.

На следующий день, когда Катя выходила из квартиры, она обнаружила пакет, висящий на дверной ручке. С холодящим сердцем она схватила его, и бросилась назад в комнату. Руки плохо слушались, когда она вытряхивала из пакета плотный сверток, заклеенный скотчем. Разорвав несколько слоев оберточной бумаги, она нашла картонную коробку. А в ней – словно в ночном кошмаре... окровавленное ухо!

Дико заорав, она грохнулась в обморок.

Очнулась уже на диване. Рядом сидел Олег и держал воз-

ле ее носа пузырек с нашатырным спиртом. Валя, домработница, бледная, перепуганная насмерть, бросила пылесосить, и названивала в полицию.

Блюстители порядка явились через полчаса.

– Ну, что тут у вас? Где улики?

Улика валялась на полу в прихожей. К ней так никто и не притронулся. Катя держала лишь коробочку, в которой было ухо. Значит, по идее, должны были остаться отпечатки пальцев преступника.

Коренастый темноволосый полицейский нагнулся, осторожно поднял коробочку, поднес к глазам, ковырнул пальцем ухо, понюхал, и сказал:

– Пластик. И кетчуп.

– Что-о-о?!

– Часть тела из пластика, залита кетчупом. Протокол составлять будем?

– Нет, уже составляли по поводу шантажа, это опять морока, лучше возьмите телефон на контроль, отслеживайте звонки, – сказала Катя.

– Мы такими пустяками не занимаемся, – хмуро ответил блюститель. – Это, похоже, глупая шутка кого-то из ваших друзей. Банальный розыгрыш. В следующий раз, прежде чем звонить нам, хотя бы рассмотрите улику.

– Это не банальный розыгрыш, а банальный шантаж, – в сердцах вскричал Олег. – И будьте так добры, составьте протокол. А телефон поставить на прослушку просто необходи-

мо.

– Это не вам решать! Мы тут глупостями не занимаемся, у нас серьезная организация! – запальчиво сказал полицейский. – У нас сегодня четыре убийства, а вы своими игрушками нас грузите. Будет труп – будет и протокол.

Едва блюстители покинули квартиру, как зазвонил телефон.

– В следующий раз все станет по-настоящему, – произнес странный мужской голос. – Я же предупреждал: никого не информировать о нашем разговоре, поясняю – конфиденциальном разговоре, надо всего лишь взять из сейфа синюю папку. Неужели это так сложно?

Катя зарыдала и передала трубку Олегу. Но связь уже прервалась.

– Тут нужен фэн-шуй, – ляпнула невпопад прислуга Валя, стуча от страха зубами. Она была невысокая, широкая, с квадратным лицом и влажными телячьими глазами. Несколько лет назад она приехала на заработки из Харькова, и с тех пор прилежно трудилась у Вадима.

– Какой еще фэн-шуй? – провыла Катя. У нее от ужаса все из головы повывлетало.

– Да это учение такое, когда китайцы становятся счастливыми, переставляя вещи в своей квартире, – пояснил Олег.

– Вот-вот, надо все здесь передвинуть, и телефоны другие купить, – зашептала, почему-то, Валя. – И еще в храм сходить нужно, свечку поставить Спиридону Тримифундскому,

он в бытовых делах помогает.

– А в криминальных? – уцепилась за эту мысль Катя.

– Во всяких, в разных, – так же, шепотом, ответила Валя.

– Ну, вот что, хватит тут трястись и ныть, – решительно произнес Олег. – Ничего этот шантажист не сделает, просто нервы попортит. Давай, Катюха, вставай, одевайся, и поедем встряхнемся, в боулинг поиграем, в киношку ходим.

– А что мне надеть? – пролепетала Катя, раздавленная и потерянная.

– Надень то, в чем тебе удобно.

– Но не могу же я идти в диване.

В этот миг снова заголосил телефон. Катя вздрогнула и закрыла лицо руками. Олег нахмурился, и медленно взял трубку.

– Эй, потерпевшие, как вы там, все живы? – послышался возбужденный голосок Насти. – Есть новости? Я к вам сейчас заеду!

* * *

В среду появился Сашка. Из аэропорта – прямо к Московцевым, в дом Вадима. Все, включая Настю и домработницу Валю, сидели в гостиной и решали, как быть. Шантажист уже сделал последнее предупреждение. От Вадима по-прежнему не было никаких вестей, а его мобильники все так же молчали. Если его взяли в заложники, то почему не информируют

об этом?

– Вся беда в том, что мы слишком циклимся на этой проблеме, – сказал Олег. – Нужно отвлечься, переключиться на что-нибудь другое, а когда мозги проветрятся, решение придет само, на свежую голову.

– Ну, так давайте отвлечемся, – подхватила мысль Настя. – Верно-верно. О чем тогда поговорим?

Сашка помассировал пальцами нос, шумно втянул воздух, и сказал:

– Я в Америке много думал о России. Отчего у нас все время что-то происходит, вроде страна неплохая, да чего там, классная у нас страна! Но ее лихорадит. Была когда-то в России нормальная христианская религия, но вот пришли коммунисты и назвали её "опиумом для народа". Вместо неё привили новое учение "человек произошёл от зверя", а так же научили ненавидеть ближнего своего, и дальнего тоже. Когда ненависти стало много, а христианского учения любви уже не было, россиянам для утешения дали настоящий опиум. И героин. Но вот снова пришло православие, и...

Тут заиграла радостная мелодия дверного звонка. Все удивились, почему не сигнализировал домофон? Как кто-то мог просочиться сквозь две подъездных двери с кодовыми замками, да еще минуя бдительную консьержку и охранника? Может, это сосед, опять компьютер завис, нужна помощь Олега?

Валя пошла открывать. Через несколько минут она по-

звала мужчин. И те втащили в квартиру какую-то тяжелую длинную коробку размером в человеческий рост. Осторожно открыли крышку. Внутри был прозрачный целлофановый мешок с бело-красным месивом, и записка – «Я предупреждал».

– А-а-а! – дико заорала Катя, а следом за ней Валя и Настя.

– А-а-а!

– А-а-а!

Сашка схватил телефон.

Полиция прибыла через полчаса.

Тот же полицейский инспектор, что был в прошлый раз, и двое с автоматами, вошли в коридор. Инспектор склонился над мешком, внимательно рассматривая, ковырнул пальцем, и произнес:

– Да, этим можно накормить сто вьетнамцев.

– А что, они едят трупы? – ахнула Настя.

– Нет, они едят рис. Предпочитают вареный, с кетчупом.

Такой, как в этом мешке. Что, протокол составлять будем, или как?

После ухода полиции зазвонил телефон.

– Это было последнее предупреждение, – раздался странный мужской голос. – Ну, и что насчет синей папки?

– Да забирайте вы ее к чертовой матери! – сорвалась Катя. – Приходите и берите вместе с сейфом.

– С вашего позволения. Договорились.

– Только давайте побыстрее, а то все нервы вымотали, –

она зарыдала в трубку.

– Хорошо. А вы все пока съездите куда-нибудь, развейтесь, в ночной клуб, что ли, а прислугу отпустите домой. И никаких засад чтобы, никакой полиции, ясно?!

В ночном клубе Катя здорово напилась. Второй раз в жизни. Очнулась уже дома, на диване в гостиной. Был день. По квартире гулял сквознячок. Окно было распахнуто. Она встала и, пошатываясь, побрела в комнату Вадима. Взгляд скользнул по развороченному пустому сейфу.

– Автогеном поработали, – раздался сзади голос Олега. – Ну, как, оклемалась немножко? Пошли пить кофе.

* * *

В пятницу случилось неожиданное – позвонил Вадим! Голос был тусклый, усталый, чувствовалось, что ему трудно говорить.

– Ёжик, прости, не мог проявиться раньше. Попал в реанимацию. Потом – капельница. Меня избили и ограбили. Что искали, не нашли: я хорошо спрятал. Будут копать у тебя – отдай все, что спросят. Ничего не бойся. Скоро меня выпишут, прилечу. Я в больнице не навечно.

– Вадик! Вадик! – заорала в трубку Катя. Больше ничего сказать она не могла, лишь повторяла его имя. По щекам струились слезы.

Этот день – день обретения Вадима – решили отметить

радостным застольем. Мужчины сходили за деликатесами и спиртным. Себе взяли водку, дамам – шампанское. Валя празднично сервировала стол.

Катя надела длинное открытое платье и любимое кольцо с оранжевым бриллиантом, которое Вадим ей подарил, когда делал предложение. Она и сама сияла, как бриллиант, а глаза излучали необычайный свет.

Шампанское в ее бокале таинственно шепталось, хрусталь нежно позванивал, когда она чокалась с друзьями. Ей казалось, что вот сейчас она взлетит над столом и закружится под самым потолком, хохоча и танцуя в воздухе.

Вся компания, упоенная счастьем, быстро хмелела, разговор перескакивал с одной тему на другую, мысли растекались.

– А я и говорю Катьке, – звенел подругин голосок, – ужас, что ты даже ребеночка от него не зачала! Представляете, если бы...

– Да ты чо, как же она, одна, с дитем-то, да без мужа?.. – перебила Валя.

– Хотя, да, действительно, – поправила себя Настя. – Я вот читала, что число матерей-одиночек в России перевалило за десять миллионов. Этакая куча наших российских женщин тянут своих ребятишек в одиночку, без мужа. И среди матерей-одиночек прокатилась волна самоубийств. Некоторые ушли из жизни вместе с детьми. Ведь помощь правительства минимальная, несоразмерная!

– Ну, Катюха у нас богатая наследница, ей такое не грозит, даже если двойня будет. И вообще, чего это мы Вадима заживо хороним, не такой он мужик, чтобы двинуть кони.

– Да у нас все отлично! Вадик скоро вернется! Жизнь налаживается! Ура-ура-ура! Парни, наливайте!

Валя распахнула дверь балкона. В глубоком бархате неба сновали лиловые тени и вспыхивали маленькие искорки.

* * *

Вадим названивал ей по десять раз на дню, и наговориться они никак не могли. Катя в который уже раз пересказывала ему всю свою жизнь за прошедшее время, а он ей – свою. Вадим планировал вернуться на днях, и устроить грандиозный праздник в честь своей мужественной хрупкой женушки, подвергшейся такому испытанию.

Катя ждала мужа с замиранием сердца. За день до его приезда она отправилась в салон красоты. День сиял после дождя, как елочная игрушка, солнце радостно переливалось в лужах, блестело в окнах домов, в витринах магазинов, в стеклах машины, которая затормозила рядом с ней, заехав на тротуар. Дверцы автомобиля распахнулись... Катя пришла в себя уже в салоне машины, куда ее быстро затащили чьи-то сильные руки. К лицу прижали мокрую тряпку, в глазах потемнело, и она провалилась в небытие. А дальше было непонятное. Она плохо соображала, медленно отходя от нарко-

за. Обнаружила себя она в какой-то чужой комнате, среди незнакомых мужчин, которые чего-то добивались от нее, повторяли странные фразы:

– Где флэшка? Говори, где твой муж прячет флэшку? Ну, вспоминай же! Думай, думай! Жить хочешь?.. Мы тебя на части распилим!..

– Да она совсем осовелая. Взбодри-ка ее...

И тут ее осенило! Со сверхъестественной ясностью она подумала про кулон, который Вадим никогда не снимал с шеи, а она еще удивлялась этой его блажи – всегда носить под одеждой такую невзрачную штучку. Кажется, она догадалась, что внутри. Так вот где он хранит важную информацию! Не-ет, она никогда не проговорится, даже под пытками!

* * *

Сашка опять думал о Кате. Он всегда из-под тишка любовался ею, когда был рядом. Сегодня утром он видел ее на балконе, вместе с ветром, вместе с мутным весенним небом. Она выскочила посмотреть погоду, и стояла, приглаживая ладонью растрепанные светлые волосы. Потом вернулась в комнату, сказала что-то домработнице Вале, и ушла, накинув белый кожаный плащ. Блондинка в белом...

После Америки он особенно полюбил свой город, а Катя стала для него Ангелом Москвы. Он возвел ее в этот чин еще там, за кордоном, мучительно вспоминая каждый ее жест,

каждое слово, музыку ее голоса, ее походку.

И вот сейчас, когда она ушла, он почему-то ощутил смутное беспокойство. Ему очень хотелось проводить ее, идти рядом, молча, словно тень, как пёс, но он не смел. Он всегда старался поменьше надоедать ей, так как очень боялся быть навязчивым.

Тут заиграл мобильник. В трубке раздался пронзительный вопль Насти:

– Сашка! Ее похитили!!! Я видела, а-а-а!

– Что?

– Катьку украли! Я ехала из «Меги», вдруг вижу – Катька идет, только хотела подрулить к ней, и тут смотрю – тачка крутая притормаживает, аж на тротуар заезжает, Катьку хватают, впихивают внутрь, мужики какие-то, и увозят!

– Как, увозят? Кто? Номера запомнила?

– Да, сфоткала на мобильник, и за тачкой ехала до самого дома, адрес засекала!

– Сейчас скажу Олегу! Срочно газуй сюда!

Олег аж подскочил от такой новости. И тут же связался по телефону с друзьями из спецназа.

Уже вечерело, когда на Ивантеевскую улицу влетели четыре машины, резко затормозив у дома номер два. Из автомобилей выскочили люди в камуфляже, а также два мужчины и женщина лет сорока. Они бросились в первый подъезд. Жильцы всех квартир были взбудоражены. Через полтора часа спецоперация закончилась. Весь дом высыпал во

двор смотреть, как спецназовцы выводят людей в наручниках, а следом идет освобожденная заложница в окружении друзей. Вот это было зрелище так зрелище для жильцов дома номер два!

– Все, теперь ты будешь ходить только под моей охраной, – категорично заявил Олег. – Без меня чтобы ни шагу, ясно?

Катя молча кивнула.

– А если буду занят, если буду с Вадимом, ты останешься под прикрытием Сашки. Поняла?

– Лучше оба охраняйте Вадима, а я уж как-нибудь.

– Никаких «как-нибудь», даже не думай! Игра пошла нешуточная, сама видишь, – подытожил он.

Лиловые сумерки окутывали их, порывистый ветер дул в спину.

* * *

– До Конца Света остался ровно год, – сказала Настя.

– Почему год? – удивилась Катя.

– Так он же будет в апреле две тысяча двенадцатого.

– Откуда ты взяла, что в апреле? В декабре пророчат, двадцать первого числа. Но все это ерунда. Никакого Армагеддона не будет в ближайшее время.

– Девчонки, не болтайте глупости, – сказал Олег.

Он был за рулем, рядом сидел Сашка. Они ехали в аэропорт, встречать Вадима. Но разминулись. Он позвонил, что

уже подъезжает к дому. И они повернули обратно.

Вадим развалился в кресле. Валя накрывала на стол. В этот миг вся компания ввалилась в прихожую. Катя с восторженным визгом бросилась к мужу, прыгнула к нему на колени, принялась обнимать, целовать.

– Валя мне все уже рассказала, – произнес он, нежно прижимая жену к груди. – Бедный мой героический Ёжик. Ну, ничего, все благополучно закончилась, и продолжения не будет. Я об этом позабочусь.

– А знаешь, когда меня приковали к батарее, я стала молиться. И вдруг слышу – звонят и стучат в дверь, а бандиты сразу засуетились, занервничали, тут дверь вышибают, и врываются спецназовцы, а за ними – Олег, Сашка, Настька!

– Давайте-ка за стол, – позвала Валя. – Кушать подано.

Олег разлил по хрустальным рюмкам водку «Серебряная», на дне которой посверкивала тоненькая монетка из благородного металла. Выпили за благополучное избавление от опасности. Потом – за здоровье, за удачу, за любовь... Катя заметила, что совсем не пьянеет. Видимо, от пережитого стресса организм перестал реагировать на алкоголь.

Трапеза продолжалась допоздна, потом все разошлись по комнатам – спать. Катя надела тонкую шелковую пижаму золотистого цвета, с рюшечками. Ночник в виде крутящегося шара осыпал спальню разноцветными танцующими искрами. И было сказочно легко и радостно на душе у супругов.

– А знаешь, – произнес Вадим. – Мне сейчас так хорошо,

как в детстве.

– А что у тебя было в детстве? Ты мне еще не рассказывал, – сказала Катя, и потерлась щекой о щеку мужа.

– Представь себе шестьдесят девятый год. Маленький городок на краю земли. Тёмно-синие сопки, брусника, похожая на румяные яблочки для лилипутов, мандарины в папиросной бумаге. Сугробы, залепляющие снаружи окна до потолка. Пурга. Ровно в 6 утра – Гимн Советского Союза и начало дня. Мама сказала, что скоро мне исполнится семь лет. Ура, совсем большой буду! Время стремительно летит, и уже май! Мне совсем не хочется спать, и я смотрю на убегающие куда-то облака за окном. Они похожи на огромные горы, только в небе. Интересно, а что у них внутри? А почему они всё время меняются? А куда они уплывают? Высокое окно, за которым – ярко-синее небо, как океан, только над землей. А потом мы с мамой гуляли по лесу, и оказались у крошечного бугорка, покрытого нежнейшими полупрозрачными дрожащими ландышами. Я бросился на землю, в самую гущу этих цветов. Если бы душа моя могла пахнуть, это был бы ее запах. Мне на бровь села бабочка. Крыльями – раздва. Я замер. Нельзя прикасаться к бабочкам – им это вредно очень, мама сказала. Смотрю сквозь ландыши на облака, на верхушки сосен и кедров. И вдруг – такая вспышка счастья, что невозможно передать словами! Память об этих минутах – средство от отчаяния, от душевной боли, от всего!

– Как это прекрасно, я все так ярко увидела и почувство-

вала, как будто тоже там была, в твоём детстве, и оно было моим!

Они еще долго говорили, и, наконец, уснули в объятиях друг друга.

Катя проснулась от какого-то прикосновения к щеке, распахнула глаза, и увидела лицо Вадима. Он поцеловал ее, и сказал:

– Больше тебя никто не тронет. Никогда! Если когда-нибудь в мое отсутствие позвонят и спросят насчет флэшки – она вот! – он показал на кулон, болтающийся на шее. – Так и скажи.

– Зачем? Это же... тебя же...

– Все в порядке, так надо.

Он с жаром поцеловал ее в губы, в щеки, в лоб, и отправился в душ.

Вскоре все собрались за столом. Завтрак был праздничный. Друзья веселились, шутили, рассказывали анекдоты. Вадим был в ударе, он вспомнил много смешных случаев из своей жизни. Потом всей компанией поехали на пикник за город. Катя сидела в машине рядом с мужем, а подруга и Сашка – в авто Олега. Развели костер, достали из багажника мангал, стали жарить шашлыки. До чего же радостно было им!

На следующий день они тоже бурно развлекались. «Настоящий праздник души!» – восклицал Олег. У всех было такое ощущение, будто все невзгоды каким-то чудом минова-

ли. Магнитола пела во всю мощь, бильярдные шары со стуком сталкивались и катились по столу, исчезая в своих норах. Правда, Вадим зачем-то заторопился в гараж. Катя ждала его, но он застрял на целый час. Она принялась звонить, но его мобильник не работал. «Наверно, разрядился», – подумала она. Тут запел телефон.

– Алло?

– Да, здравствуйте. С вами говорит сотрудник полиции старший лейтенант Сидоренко, – раздалось в трубке. – Квартира Московцева? На кого был зарегистрирован гараж Вадима Васильевича? Кто еще им пользовался?

– Гараж принадлежит Вадиму, и только ему одному. А что?

– А где сам хозяин?

– В гараже, – пробормотала Катя, чуя неладное.

– Вы уверены, что он находился именно там?

– Он туда отправился час назад. А что случилось?

– Зафиксирован мощный взрыв и пожар, от гаража ничего не осталось.

Глава четвертая. Чулачакви

Время словно бесформенная тягучая масса, в которой утонула Катя. Она плохо понимала, что с ней, где она. Ясно было одно – это больница. И, похоже, психоневрологическая. Но для обеспеченных людей. Потому что – палата отдельная. И посещения неограниченны. А навещали ее частенько – Сашка, Олег, Настя, Валя. В углу палаты – холодильник, забитый деликатесами, йогуртами, фруктами. Но есть не хотелось. Поглощать пищу заставляла сиделка, видимо, не очень опытная. Развлекала она ее своеобразно – читала вслух газеты, причем все подряд. Вот так Катя и услышала однажды упоминание о каком-то взрыве гаража, в котором погиб бизнесмен Вадим Московцев. Но была она в таком состоянии, что плохо соображала, и не сразу поняла, о ком речь. Потом к ней пришли полицейские, один назвался следователем, кем второй – она не расслышала. Расспрашивали, были ли у Вадима враги, не казалось ли ей что-либо подозрительным в его поведении, не замечала ли она странных людей возле дома, не наблюдалось ли преследований или шантажа... Бесконечные расспросы были прерваны сигналом мобильного одного из полицейских, и он глухо проговорил в трубку:

– Да, все. Нет, был эксперт, не обнаружено, нет, никаких следов, ни тела, ни машин.... Думаю, взрыв был сильный...

Возможно, все уничтожено, очень мощное пламя было.

Катя вяло валялась в постели, почти ничего не понимая. Лишь со временем, постепенно, до нее стало доходить, что мужа больше нет. Но эта информация воспринималась как нечто, не имеющее никакого отношения к ее Вадиму. Ну, как его может не быть? Говорят, он погиб. Странно. Действительно, погиб, наверно, но где-то же он есть, не мог же он исчезнуть насовсем?

Время лечит. Она смирилась со своим вдовством. Правда, официально ей никто ни о чем не объявлял, но как же газета, и как еще объяснить его отсутствие? Постепенно она окрепла, стала выходить в больничный двор в сопровождении сиделки. Однажды мимо прошел человек в черной куртке, из-под капюшона на нее глянули пристальные, лучащиеся невыразимой любовью и нежностью, глаза. Вадим!!! – взорвалось в мозгу.

Она вскрикнула, рванулась к нему, но ее цепко схватила сиделка. Мужчина быстро ушел. Возбужденную Катю увели в палату, сделали успокаивающий укол. В этот день посетителей к ней не пустили.

На следующий день пришла Валя, принесла мандарины и бананы. Она присела на стул возле Катиной койки, принялась расспрашивать, как самочувствие, как дела. И Катя рассказала ей про Вадима. Домработница ахнула, и воскликнула:

– Страх-то какой! Это ж надо! Чулачакви приходил!

– Валя, какой еще чулачакви, что ты такое говоришь!

– А это когда я маленькая была, мы тогда еще на Алтае жили, так там в лесу эти чулачакви, страсть такая, они принимали обличье людей, самых родных – брата, матери, мужа, друга, любимой собаки, и уводили за собой навсегда!

– Так, поняла. Чулачакви – это лесная сущность, принимающая вид друга, или матери, или любимого пса, и уводящая невозвратно. Но здесь же нет леса!

– А чулачакви есть! – упрямо сказала Валя.

– Да, действительно. Иначе как объяснить появление Вадима, это либо глюк, либо мистика. Не хватало еще, чтобы меня глючить стало.

Следом за Вале́й пришла Настя. Она выложила на тумбочку коробку шоколадных конфет, упаковку пирожных, пару бутылок сока, и, слушая взволнованный рассказ подруги, бросила между делом:

– Чепуха, просто ты думаешь о нем, вот и привиделось. Так часто бывает, мерещится тот, о ком все время вспоминаешь. Лучше переключись на что-нибудь другое. Вот, например, интересное, я в инете прочитала: В этом году в июле – 5 пятниц, 5 суббот и 5 воскресений. Это происходит раз в каждые 823 года. Классно, правда? А на прошлой неделе был жуткий ураган, такой ветрило был, что опрокинулся подъемный кран и погиб крановщик, попадали деревья, перевернуло машину, ужас просто!

Но Катя вяло реагировала на ее слова, она лишь уныло

катала в ладонях апельсин. Подруга замолчала на миг, но тут же изобразила широкую улыбку, и преувеличенно бодро затараторила:

– Представляешь, что на днях мой котяра учудил? Мой Батон, Батошенька, пушистая катастрофа моя. Знаешь, мне иногда кажется, что кто-то из его предков согрешил с собакой, повадки у него явно пёсьи. При драке он использует только зубы – представь себе кота, который с разбегу впицается зубами в ногу и, стоя на задних лапах, пытается оторвать кусок мяса. Охрана квартиры для него – святое, чужой не останется непокусанным. Но самое интересное – я очень редко видела, чтобы он не таскал что-нибудь в зубах. Любой предмет, оказывающийся на полу, моментально подбирается и начинает путешествие по квартире, чтобы вечером осесть в одной из Батошкиных нычек. Так вот, решила я съездить в мегацентр. Не могу найти ключи от машины. Проверила все места, куда могла засунуть ключи – нигде нет. Кошачьи нычки тоже пустые. Злюсь, мечусь по квартире. Кот внимательно наблюдает за этим цирком, сидя около своего туалета с наполнителем. Решила ехать на метро. И вот, когда выхожу на лестницу и, не захлопнув еще дверь, вспоминаю, что забыла телефон, возвращаюсь и вижу картину: двумя легкими движениями Батоша разгребает наполнитель в лотке, берет в зубы ключи, разворачивается... и видит меня. Я никогда не думала, что у кота может отразиться в глазах такая паника. Аккуратно положив ключи, он задним ходом смывается

в спальню. Сил ругаться не было, я уехала, но вечером Батон огреб по полной – морально, конечно. Зато на следующее утро я хохотала до слез – когда оделась и собралась выходить. Глянула на кота, а он метнулся к лотку, судорожно перекопал весь наполнитель, обернулся – в глазах явственно читалось: смотри, ничего не спрятал. Прикольно, да?

Катя равнодушно пожала плечами, и ковырнула апельсин.

Не успела подруга уйти, как появились Сашка и Олег. Они принесли коробку шоколадных конфет, упаковку пирожных, зефир в шоколаде, клубнику, фрукты, и огромный букет оранжевых роз. И Катя вдруг подумала, что цветы эти – тайный знак, посланный Вадимом... «Безумная мысль» – тут же осадилась она себя, и глаза ее заблестели от слез. Мужчины словно поняли ее чувства.

– Зря ты так, Кать, – глухо произнес Олег. – Ну что ты душу-то себе травмируешь! Вадим наверняка жив, я говорил со следователем, на месте происшествия не обнаружили никаких обгоревших останков людей и машин. Если бы кто-то находился в гараже на момент несчастного случая, это сразу можно было определить. Скорее всего, Вадим уехал еще до происшествия.

– Возможно, он сам подорвал гараж и скрылся, чтобы обезопасить тебя и себя, – сказал Сашка.

«Ах, вот в чем дело! – огромная горячая волна поднялась откуда-то из глубины Катяного подсознания. – Ведь он приходил, чтобы показать, что жив, и чтобы я не волновалась! А

я не поняла. Но как же газета?.. Ах, да эти журналюги вечно все путают!...»

На душе стало легче, она глубоко вздохнула и потянулась в постели. К ней постепенно возвращалось внутреннее равновесие.

– Как там на улице? – спросила она.

– Судя по погоде, наступило пятое время года под названием муть какая-то, – ответил Олег.

Через неделю Катю выписали. Забирать ее приехали все друзья – Настя, Сашка, Олег, Валя. Олег был за рулем своей новенькой «мазды», он вел ее с нескрываемым удовольствием и весело рассказывал:

– Когда-то у меня была ящерица жилатье, красавица оранжево-желтая, большая, шестьдесят сантиметров, приятель таможенник подарил. Я ее Дунькой назвал. Забавная такая, я с ней играл, кормил, а потом она меня за палец цапнула. Ну, ладно, думаю, бывает, она нечаянно. Моя ящерка и сама расстроилась, смотрит на меня с такой преданной грустью, таскается за мной по всему дому, в глаза заглядывает: прости, мол, хозяин. Утром я просыпаюсь, а Дунька рядом сидит, смотрит печально так. Я аж расчувствовался. Однако рука у меня опухла. Я – Дуньку в охалку, и к доктору. Там и выяснилось, что этот вид экзотических ящериц ядовит, только яд у них довольно слабый, поэтому они сначала кусают, а потом тупо таскаются за жертвой, ждут, когда подойдет. Дунька оказалась родом из Мексики, в полупустынях Аризоны

такие водятся. Правда, для человека укус подобной ящерики не всегда смертелен, порой бывает лишь сильнейший отек. Но я ее не бросил, свою Дуньку. Просто стал осторожнее.

– Очень любопытно, – отозвалась Настя. – Как они иногда похожи на людей. Есть такой человеческий тип, ядовитый.

Катя слушала рассеянно. Мысли ее возвращались к Вадиму. «Да, он поступил мудро, – думалось ей. – Его врагам наверняка уже известно, что флэшку Вадим носил на шее. Значит, она тоже уничтожена. Теперь они от нас отстанут, надо только выждать, на всякий случай».

Запах родного дома, ощущение уюта, радость охватили Катю, едва она переступила порог. Неслышное дыхание сплит-системы, нежный дух ароматических палочек, как же она по всему этому соскучилась! В гостиной был сервирован стол. Катю привлекли лишь многослойные пирожные, украшенные бордовыми клубничинами, словно плавающими в волнах розоватого крема. Ничего другого ей не хотелось, хотя стол ломился от изобилия яств и был весьма разнообразен. Все старались ее развлекать занятными житейскими историями, анекдотами, разговорами о кинофильмах, наперебой ухаживали за ней, особенно усердствовали мужчины, и Кате даже показалось, что оба они неравнодушны к ней. Это ее слегка смутило, но в то же время было приятно. Олег то и дело поглядывал на нее, и в его сияющих серо-голубых глазах, казалось, скакали солнечные зайчики. Сашка счастливо улыбался – он сидел рядом, и словно случайно иногда при-

касался к ее руке.

К концу ужина Катю сморило, и она пошла спать. Забралась под одеяло, и мгновенно провалилась в сон. Среди ночи вдруг проснулась, и ей почудилось чье-то присутствие рядом. Она открыла глаза, и увидела какую-то фигуру, человек сидел на краю ее постели и смотрел на нее. Она вскрикнула. Мужчина поднялся, и тихо, ласково произнес:

– Не бойся, это я, зашел проведать, все ли в порядке. Я же все-таки телохранитель, отвечаю за твою безопасность.

– Олег? – изумилась она. – Ты?

– Да, конечно, кто же еще? Пока я здесь, ни одна муха не проникнет.

– Ты давно здесь?

– Нет, только вот заглянул. Ты спи, спи. Хочешь, сказку тебе на ночь расскажу, или стихи?

– Давай стихи, – пробормотала Катя, зевая, и уже покачиваясь на волнах сна, услышала, словно издали, его тихий печальный голос:

Я тебя завоюю нежностью.

Заслужу любовью и ласкою.

Буду берегом, неизбежностью,

Тихой радостью, доброй сказкою.

Стану утром твоим, и вечером,

Происшествием и пророчеством.

Без тебя мне и жить то незачем.

Не живут орлы в одиночестве.

«Это его стихи, – подумала она во сне, – он еще и поэт, надо же», – и тут же мысли ее растворились, смешались с розовыми облаками, подсвеченными солнцем, и она лежала на этих теплых облаках, нежась и вдыхая их тонкий цветочный запах ...

Проснулась Катя довольно поздно. День был ослепительный. Сквозь тонкие шторы просвечивало солнце. Она долго, с наслаждением принимала ванну. В гостиной уже был накрыт стол, и друзья, в полном составе, пили кофе с пирожными.

– Всем привет, и приятного аппетита, – весело сказала Катя.

– Ну, наконец-то, явилось красно солнышко, садись уж, – отозвалась Настя.

– Сколько можно спать, Кать, ты рекордсмен по снам, – подмигнул Сашка.

Катя уселась рядом с Олегом. Он сконфуженно глянул на нее, и тихо попросил прощения за ночное вторжение в ее спальню. Катя уже забыла об этом, и с недоумением воззрилась на него.

– Ах, да, что-то припоминаю, ты, вроде, охранял меня и читал стихи, – ответила она.

Настя попросила Валю принести еще кофе, и продолжила прерванный разговор:

– Ну, вот так я и проторчала полдня в пробке. Олег, а ты что делал?

– Я-то? – усмехнулся он. – Тоже в пробку попал, но в небольшую. На Садовом. Купил там, по пути, две бутылочки лимонада в стекле. Вышел из магазина, залез в машину, пью холодненький напиток, от скуки сдираю этикетки с бутылок. Потихоньку начинаю трогаться, но не успел проехать и тридцати метров, как меня тормознули два ДПС-ника... Видела бы ты, как горели их глаза, когда они узрели стеклянную бутылку с "пивом" у меня в руке. Останавливают меня, бегом несутся, на лицах такая радость! Говорят, мол, распитие алкоголя за рулем карается огромным штрафом, то да се... Я им отвечаю, что это не пиво вовсе, а лимонад. Один из ДПС-ников берет открытую бутылку и отпивает, тут напиток отбирает его напарник, и тоже делает глоток... Черт меня дернул пошутить: "Мне пиво нельзя – у меня туберкулёз"... Что тут началось!!! Они метали гром и молнию!!!

– Вот идиоты! – засмеялась Настя.

– Бог любит идиотов. Иначе для чего он их столько создал?

– Ха-ха-ха!

– Хо-хо-хо!

Какой-то шум послышался в соседней комнате.

– Что это? – насторожилась Катя.

– Да это Валя, она решила мебель передвинуть по фэн-шую, – ответил Сашка.

– Фэн-шуй придумали китайские воры, чтобы легче было ориентироваться в домах, – сострил Олег. – Там, как мне помнится, есть угол, где хозяева должны хранить деньги.

– А я, было, подумала, что это крысы брейк танцуют, – пошутила Настя. – Ой, кстати о крысах, мне как-то игрушку подарили – крысу с рюкзаком, в котором лежат конфеты. Сама крыса внушительная: полуметровая такая, на батарееках, и в красном бархатном костюме. Если на неё нажать – крутит задом, шагает уверенно и поёт какую-то страшилку. Правда, изначально это была веселый рождественский мотивчик, но за год батарееки сели, и песня стала напоминать завывание оборотня. Я ее на книжную полку кое-как пристроила. И вот, ночью, сплю тревожно, кошмары вижу. А мой кот разыгрался, распрыгался, и скинул на пол эту игрушку, видимо. Потом схватил ее зубами, и приволок в мою комнату. Не знаю уж, что он с ней там выделявал, прыгал на нее, что ли, в общем, крыса эта, психоделично извиваясь и выкрикивая страшным голосом проклятия на незнакомом языке, подошла к моей кровати и отчётливо сказала: "Всё-о-о-о-о-о!!!"

У меня нет врагов, которых я бы ненавидела до кровавых мальчиков. Но будь они у меня – я бы им эту крысу не подкинула.

– Ха-ха-ха!

– Хо-хо-хо-хо!

– Ну, насмешила! – заулыбалась, наконец, Катя. Ей стало

тепло и уютно, когда она поняла, что друзья изо всех сил стараются развеселить ее.

К вечеру компания разбежалась по домам, остались они вдвоем с Олегом. Кате взгрустнулось. Она сидела на диване, рассеянно листая модный журнал, и думала о Вадиме. Будь он сейчас рядом, сказал бы ласково: «Ну, ты чего, Ёжик? Все о'кей», и нежно прикоснулся бы губами к ее волосам, притянул бы ее к себе и принялся целовать в уголки губ, а потом... Как же его сейчас не хватает!

Кажется, Олег понял ее состояние. Взглянув на нее, он сказал:

– А не съездить ли нам на боулинг? Нет, правда, а что?

Катя нехотя согласилась.

Они мчались по вечерней Москве, сверкающей разноцветными огнями реклам, и Катя чувствовала, как от Олега, широкоплечего, мускулистого, исходит какой-то особый запах, как он исподволь бросает на нее равнодушные взгляды. Ей он тоже начинал нравиться, конечно, не так, как Вадим, но все-таки.

Они долго кидали тяжелые шары, и Катя несколько раз выиграла. Потом они сидели в баре, пили «мартини» и говорили, говорили – о друзьях, о Вадиме, о себе. Олег задушевым, нежным, глуховатым тоном рассказывал, но казалось, что под оболочкой простых и неказистых порой фраз скрывается что-то совсем другое, очень сокровенное и интимное:

– В армии, ну, мы с Сашкой вместе служили, и вот одна-

жды наш полк специального назначения разведки ВДВ получил приказ перебазироваться в Моздок. По этому поводу была быстро сформирована передовая команда, которая должна была на пару дней раньше прибыть в Моздок и подготовить все для развертывания полка... – Олег так чувственно глянул на Катю, что у нее внутри поднялась горячая волна. – Старшим этой команды был назначен Сашка. Ну, устроили мы ему пышные проводы аж до пяти утра, а в семь ему уже надо было быть на аэродроме. Где-то около трех часов ночи Сашка, обведя нас мутным взглядом, жалобно простонал: – «Мне бы собраться еще! Мешок...ик! – сложить!..» Ну, мы, ясное дело, пообещали, что мешок его утром будет ждать в полностью собранном виде. – Глаза Олега светились и испускали лучи, опутывающие сознание Кати. – Что было дальше, Сашка нам потом так рассказал: «Как летели – не помню, но как выходил, помню хорошо. Подхватил свой мешок, кинул на плечо, и... чуть не рухнул на спину. Ну, думаю, что-то ослабел совсем в полете или еще не протрезвел... Для ночевки нам временно отвели угол казармы, где собрали «спецназы». – Олег закурил, и продолжил: – Пока мы шли примерно полкилометра до городка, почему-то оторвались лямки спальника, и его пришлось забросить на плечо, а каркас рюкзака непонятно отчего выгнулся в обратную сторону и начал упираться углом в поясницу. Я ухандокался так, что пот лил градом. Бойцы впереди бодро пылят, а я сзади еле тянусь. Не могу понять, что со мной. – Олег притушил сига-

рету, и продолжал: – Наконец, пришли в казарму. Надо сказать, что в эту казарму тогда стащили все имеющиеся на тот момент «спецназы». «Вымпел», «Альфу», «Вегу», какую-то коржаковскую команду. И так получилось, что мы прилетели последними. У каждого был свой угол в казарме. И, естественно, все друг перед другом слегка понтуются и ревниво наблюдают, у кого что есть. «Вымпел» какие-то чумовые китайские «спальники» раскручивает. «Вега» «тушняк» на каких-то навороченных мини-горелках греет. У «альфонсов» неврубенные радиостанции на зарядке стоят. В общем – выставка достижений народного хозяйства. И тут вваливаемся мы. Понятное дело – все глаза в нашу сторону. Все же слышаны о том, что ГДЕ-ТО ТАМ есть целый супер-пупер спецназ ВДВ. Всем интересно, а чем мы народ удивим. Когда я, обливаясь потом, обрушил свой рюкзак на пол, что-то там грохнуло так, что народ кругом напряженно вывернул шеи. Развязываю спальник, и из него под ноги со звоном вываливается и раскатывается по полу штук десять пустых бутылок. Немой вопрос в глазах соседей я гордо проигнорировал, собирая в кучу раскатившуюся тару. Пусть думают, что я культурный человек и мусор по дороге не разбрасываю. Из горлышка одной бутылки торчала свернутый трубкой листок: «Если на бутылку не хватит, то сдашь эту тару!», внизу кривая подпись «Друзья». Гады!!!

Я начал развязывать рюкзак, не ожидая уже ничего хорошего. ... Сверху лежала маска противогаза. На лбу у нее была

надпись красным фломастером – «Не забудь меня, милый!», оба очка были заклеены розовыми промокашками, на которых были старательно выведены женские глаза... Потом я извлек на свет божий громадный танковый трак. К нему была веревкой привязана картонка с надписью все тем же красным фломастером «Для занятий физической культурой». За спиной раздались смешки... Следующим из рюкзака я выволок громадный узел из старой простыни, в котором прощупывалось что-то круглое как бочонок. Проклиная все на свете, я начал его разматывать, и на свет божий появился огромный – с полведра – цветочный горшок. В нем торчала картонка, на которой алела надпись; «Родная земля! (Чтобы не забыл), храни у сердца!». Соседи начали откровенно ржать. То, что лежало под ним, я выковыривал двумя руками, в последний момент ЭТО, завернутое в газету, просто разорвало бумагу, и под ноги мне грохнулся угол какой-то стены – три кирпича, намертво спаянных раствором. Надпись нитрокраской на них гласила «Закладной камень полка»... Про памперсы, женские прокладки, и колготки я уже не упоминаю. Когда, наконец, я добрался до сиротливо лежащих на дне умывальных принадлежностей и полотенца, у меня было полное впечатление, что я выступил с шефским концертом перед пионерами. Ржали все...».

– Очень забавно и интересно, – сказала Катя, прекрасно понимая, что Олег придумал всю эту дурацкую историю, чтобы рассмешить ее. Она отчаянно сопротивляясь его оба-

нению. Мысленно она проклинала себя за эту слабость, в мозгу вертелось: «Я люблю только Вадима. Я ему верна. Мы скоро будем вместе. Вадим, Вадим...»

– Знаешь, сказала она, – у меня голова разболелась, поехали домой.

Щеки ее горели, то ли от «мартини», то ли еще от чего...

В машине она прикрыла глаза и откинулась на спинку кресла. Олег включил тихую музыку.

Катя пыталась думать о муже, но мысли ее упорно возвращались к Олегу. Острый запах его тела, смешанный с ароматом мужской туалетной воды и табака, кружил ей голову.

«Нет, нет, нет» – кричало в ней все. Но сердце билось учащенно, блузка взмокла от пота.

– А что такое ВДВ? – спросила Катя, чтобы как-то забить затянувшуюся паузу.

– Воздушно-десантные войска, – ответил Олег, и в голосе его прозвучало желание, которое он усилием воли подавил. Чужая жена была для него запретным плодом, и Катя сразу же почувствовала его напряжение, его внутреннюю борьбу.

«Он настоящий мужчина, сильный, волевой, благородный» – подумалось ей. – «С таким ничего не страшно, такой сможет защитить в любой ситуации!»

– Какое сегодня число? – спросила она, и, не дожидаясь ответа, глянула в мобильник. – Уже двадцать первое, полночь!

– Через шесть часов будет Апокалипсис, если верить то-

му американскому старому чудаку, который вычислил это по библейским текстам.

– Это вычислить невозможно, – усмехнулась Катя.

– Я, вообще-то, не совсем понимаю, что это за слово такое, это что, конец света?

– Ну, это, вообще-то, события, предшествующие Второму пришествию Христа на землю, они будут сопровождаться многочисленными катаклизмами и чудесами, ну, там, огонь с неба, воскрешение мертвых, явление Ангелов, в общем, слово «апокалипсис» часто употребляют как синоним конца света или катастрофы планетарного масштаба.

– Значит, все-таки, конец света, – удовлетворенно отозвался Олег.

– Н-да-а, – протяжно произнесла Катя. – Катаклизмов-то навалом, а вот особых чудес пока я что-то не замечала. Может, утром начнутся?

Олег улыбнулся и притормозил на повороте.

– Голова прошла? – спросил он. – А то есть предложение встретить Апокалипсис в каком-нибудь уютном ночном клубе.

Разноцветные огоньки реклам играли в догонялки. Прозрачные кубики льда тонули в высоких бокалах мартини. Большие, горячие ладони Олега лежали на ее талии, и музыка обволакивала, проникала внутрь, и танец был долгим-долгим-долгим... Блестящие зрачки его глаз, от которых разбегались по голубой радужке частые желто-оранжевые лучи-

ки... Какие яркие глаза! Как хорошо! И вот они снова за столиком, медленно потягивают мартини, улыбочиво смотрят друг на друга и молчат. Им не нужно слов. Они разговаривают взглядами. Но вот музыка смолкла. И в наступившей тишине на сцену вышел мужчина в серебристом костюме. Он больше походил на конференсье, чем на ди-джея. Желтые волосы, гладко выбритое лицо, узкий подбородок, костюмчик, только разве что бабочки не хватает.

– Всем привет! – бодро прокричал он. – Поздравляю! В России Апокалипсиса нет: пророчество Гарольда Кемпинга снова не сработало! Конца света не случилось! А он обещал ровно в шесть утра по московскому времени, или в восемнадцать часов по другому.

– Какой еще конец света, ничего не знаю! – воскликнула выскочившая из-за кулис девица в потертых драных джинсах и топике, с огромными нарисованными веснушками по всему лицу.

– Да вот все тот же американский старикан напророчил, который еще в девяносто четвертом году раструбил о тогдашнем конце света, но не вышло. И опять он обложался. Уже шесть утра по московскому времени, а все тихо. Эй, Апокалипсис, где ты, ау!

– Ур-ра-а-а! – завопила девица, прыгая, как шальная.

– Ур-ра-а-а! – эхом откликнулся зал, и тут же снова загрохотала музыка.

Все повскакивали с мест, и пустились в пляс.

– Замечательный сегодня день, – произнесла Катя, и не узнала собственного голоса, такой он был проникновенный и чувственный.

Домой они вернулись лишь поздним утром, и Катя сразу же отправилась спать. Она блаженно растянулась в постели, завернулась в одеяло, и сознание ее провалилось в нежное, сияющее лето, все вокруг золотилось – огромные ароматные лилии, оранжевые розы, и крепкая ладонь мужчины, страстно обнимающего ее. Он вел ее куда-то в теплый ласковый свет, и Катя, не глядя, видела его – это был Вадим, который почему-то превратился сначала в Олега, потом в Сашку, и вдруг оказалось, что она купается в море...

Проснулась она уже далеко за полдень. Приняла душ, и вошла в гостиную. Валя накрыла стол. Сегодня на завтрак были горячие пирожки с творогом, бананово-молочный коктейль, груши, и земляничный чай. Вскоре к ней присоединился Олег, потом приехала Настя – у нее прямо чутье какое-то, всегда является к трапезе. Она с ходу начала рассказывать про очередные выходки своего кота Батона. Сегодня он спрыгнул со шкафа ей на голову, а когда она завопила от неожиданности, метнулся к окну и повис на шторе, которая не преминула оборваться – котяра-то весьма увесистый.

– Не понимаю, зачем нужен кот в квартире, своих забот, что ли, мало? – пробурчал Олег.

– Да чего ж тут не понятного-то? – удивилась Настя. – Ты разве не знаешь, что кошки просто классные существа!

Во-первых, существует такая штукавина – биоэнергетический контакт человека с котом. Вообще, у кошек всегда вырабатываются токи, ну, такие, низкочастотные, это благодаря их наэлектризованной и нежной шерсти. И вот токи эти очень полезны для организма человека, они убивают микробов, помогают заживлению тканей, лечат воспаления суставов и, это доказано учеными, да-да, даже гинекологические заболевания. А еще, кошки помогают при психических болезнях, нервных расстройствах, повреждениях мозга, при больном сердце, а мурлыканье – это вообще ультразвуковая терапия, которая даже кости укрепляет. У меня есть научная книга о полезном влиянии кошек на организм человека. Могут дать почитать.

– Ну, благодарю за лекцию, – Олег привстал со стула и поклонился. – Сейчас помчусь заводить кошку, или сразу тигра, он крупный, сразу от всего вылечит, если не сожрет.

Катя смотрела на Олега, на его большую сильную фигуру, на лучистые глаза, и ее захлестывало волнение. Она боялась признаться себе в том, что с ней творится. А Олег то и дело взглядывал на нее с затаенной страстью. И Катя мысленно ответила ему: «Мне, также как и поэтессе Марине Цветаевой, важен «роман душ», а не «роман тел». Она совершенно точно выразилась. Именно «роман душ». Что у нас с тобой и происходит. И не будем опошлять даже в мыслях. Не забывай, что я – жена Вадима».

– Олег, а у тебя есть женщина? – спросила вдруг Настя,

и кокетливо поправила прическу. Ее темные волосы сегодня особенно блестели.

– Была, – ответил он. – Она носила серьги в виде пчелы. Однажды она оставила их на тумбочке, и я пытался прибить их газетой. Страшные штуки...

– Ну, так я не досказала о кошках самое интересное, – снова оседлала своего конька Настя. – А вы знаете, например, что кошки впитывают в себя ментальную матрицу того, кто когда-то жил в доме, очищая, таким образом, в квартире энергетическую атмосферу от кармических накоплений живших здесь людей. Ментальная матрица, она же, по сути, является связывающей человека схемой. Именно она регламентирует, как он должен чувствовать, мыслить и поступать...

– Ну, пошло-поехало, – перебил ее Олег. – Все это бред собачий.

– Измышления какие-то, от лукавого это, – поддакнула ему Катя.

Тут запел Катин мобильник. В трубке раздался голос Вадима:

– Выйди во двор.

Она резко вскочила и бросилась в коридор, и, не дожидаясь лифта, помчалась вниз по лестнице. Возле подъезда стоял внедорожник «Кадиллак» цвета переспелой вишни, дверца была распахнута, и осунувшийся, но веселый Вадим смотрел на нее, ослепительно улыбаясь. Она кинулась к нему, се-

ла рядом. И провалилась в омут его нежности, объятий, поцелуев.

– Я соскучился, – шептал он. – Я ненадолго, всего на миг, я потом тебе все объясню...

Этот миг слишком быстро закончился. Вадим уехал, а она, ошалевшая и счастливая, словно остолбенела возле подъезда. Тут появился Олег, удивляясь и не понимая, что произошло. Он попытался расспросить Катю, в чем же, все-таки, дело, но, так и не добившись вразумительного ответа, увел ее домой.

Олег усадил почти невменяемую Катю за стол, и громко спросил:

– Так, может, ты все же расскажешь нам, что случилось? У тебя такой вид, будто ты с Каменным Гостем пообщалась.

– С Вадимом, – тихо произнесла она.

– Что-о?! – заорали все недружным хором.

– Опять этот... чулачакви? – опешила Валя. – Он звал тебя с собой?

Этой ночью она не могла заснуть. Олег тоже. Они молча пили чай на кухне. Олега настораживало ее тревожное состояние, ее внутреннее напряжение, он боялся нового нервного срыва, и пытался развлечь ее. Но на все его шутки она никак не реагировала, и тогда он попросил:

– Расскажи мне о своем детстве, ну, пожалуйста.

– О детстве? – И тут она встрепенулась. – Ну, слушай.

Помню лето. Ночью прошел дождь, и день обещает быть жарким. Я вдыхаю полной грудью пряный аромат цветов неведомого мне кустарника, одним движением руки срываю складывающиеся веером маленькие листья с черенка, подбрасываю их, ловлю. Я уже взрослая, и поэтому в детский сад иду одна – так же, как и некоторые мои друзья, у которых ворота детсада в двадцати метрах от подъезда дома. Мама, собираясь на работу, поглядывает на меня из окна второго этажа. Вопрос воспитательницы «Где справка?» меня обескураживает. Я не знаю, что ответить, а она немедленно отправляет меня домой и наказывает без справки не возвращаться. Ведь я недавно болела, просто покашливала, и мама оставила меня дома на пару дней, врача не вызывали. «Без справки не пушу, иди за родителями» – прозвучал приговор. Послушная, я топаю назад, но понимаю, что мама и папа уже наверняка ушли на работу. Навстречу задорно шагает Нинка, она тоже самостоятельно ходит в детский сад. У меня моментально зреет хитроумный план. Задаю ей вопрос в лоб – «справка есть?» – конечно, нет. Тогда я заявляю, что в группу ее все равно без справки не примут, что можно туда даже и не ходить... И мы совершаем побег. Ощущение АБСОЛЮТНОЙ свободы, которое я испытала тогда, больше никогда не повторялось. На далекой запретной улице (но мы это знаем) растет черемуха, – ее черные ягоды с терпким вяжущим вкусом манят нас, и мы смело пересекаем дорогу в две полосы... Сидя высоко на дереве, с удивлением

обозреваем окрестности. Пальцы рук и язык уже давно черные от ягод... Месить босыми ногами грязь в глубокой луже – удовольствие необыкновенное, особенно, когда остальным детям из группы это делать категорически запрещается. ... Прогулка через железнодорожный переезд, подкладывание камешков на рельсы и наблюдение с близкого расстояния за несущимися составами нас окончательно утомляет... Голод, оказывается, не тетка... И Нинка вспоминает, что ключ от ее квартиры обычно лежит под ковриком у двери. Там мы его и находим. В отличие от меня, Нинка умеет зажигать газ. Полпачки масла и одно яйцо – на сковороду... Разносится волшебный запах, все скворчит... Мы макаем хлеб в уже теплое масло, доедая яичницу, пьем квас и идем прыгать на большой кровати в спальню ее родителей... Когда становится непонятно, чем себя еще занять, Нинка предлагает покурить (курит ее отец, и она тайком от родителей из простого любопытства уже научилась это делать). Я слегка сомневаюсь, стоит ли... Но Нинка закуривает, демонстрируя мне, что это легче легкого. Я беру сигарету в рот и глубоко вдыхаю. Дым проникает во всю меня, в глазах темнеет, я кашляю, воздуха не хватает, комната плывет, моя единственная мысль – это всё... стакан воды возвращает меня к жизни. Но горечь сигареты остается во рту еще какое-то время, меня подташнивает. Мы вновь идем на улицу есть терпкую черемуху, но уже ту, что растет совсем рядом... Мне повезло, что приехал дедушка и спас меня от маминого и папиного

гнева, а воспитательнице не повезло – больше в детском саду я ее не видела...

– Как красиво ты рассказываешь, я будто тоже там был, с тобой, – произнес Олег, не сводя с нее блестящих глаз.

– Это меня после встречи с Вадимом прорвало, – отозвалась Катя. – А теперь меня дремота одолевает, пока.

Она встала и скрылась в спальне. За окном зашумело – на город обрушился ливень. Под шум воды она уснула, ей снилась черемуха, и разговор птиц (они, почему-то, изъяснялись по-человечьи):

– Вот была жизнь раньше, сплошной рай: РАЙком, РАЙ-исполком, а сейчас сплошной ад, куда ни плюнь – всюду АД-министрация.

– А давай слетаем в Испанию, – сказала вторая птица.

– «Испания» в переводе означает «Земля Кроликов».

– А у белых медведей черная кожа, – пропищала подлетевшая пичужка. Она села на ветку и принялась склевывать маленькие черные ягодки.

Тут Катя проснулась, и долго лежала с открытыми глазами. Сон пропал. Она встала, накинула на плечи халатик, и прошлепала на кухню. За столом сидел Олег и мрачно дымил. В пепельнице высилась горка окурков.

– Привет, – сказала Катя. – Не спится?

– М-м, – промычал Олег. – Присаживайся, поболтаем. Хочешь, теперь я расскажу тебе о своем детстве? Ты ведь обо мне ничего почти не знаешь.

– А где ты жил, когда был маленький?

– Во Львове. Когда я был в первом классе, я как-то отважился пойти со старшими ребятами на серьезное «дело». Рядом с нами была тюрьма «тридцатка», и «дело» заключалось в том, чтобы перекидывать зэкам через семь заборов чай или сигареты. В ответ они бросали разные мальчишеские сокровища: пластиковый браслет для часов с розочками внутри, ручку с тетенькой, кольцо из оргстекла с черепом, и другие шикарности такого рода. Иногда ребята нарывались на милицейские засады, их ловили, сообщали родителям на работу, ставили на учет, и все в том же духе. Мне было страшно, но я решился. Технология переброски чая на сто метров, она не сложная: берешь мамин старый чулок, вкладываешь в нее пачку чая, увесистый камушек, завязываешь узел, ну, значит, раскручиваешь как пращу, и пуляешь. А по крыше зоны ходят зэки и поджидают. Через минуту летит обратная «бандероль». Мне сказали ребята бросать первым. Вот, я закинул свой чаек на зону, сердечко бьется, скорей бы получить обратно и бежать. Летит моя ракета назад. Я хватаю ее, чувствую что-то приятно-тяжеленькое и... тут как тут менты! Мы бросились врассыпную. Когда я вбежал в свой двор и понял, что мне не уйти от погони, я изо всех сил, не глядя, запульнул свою посылку в чулке, куда глаза глядят.

Досталось мне не сильно, все же первоклассник.

Утром вышел во двор и направился в то место, куда вчера забросил свое сокровище. Стою возле могучего каштана

и вижу, висит мой чулок, намотанный на ветку. Высота метров пять всего, но не залезть. Поднялся ветер, чулочек затрепыхался, как будто вот-вот разматается и упадет. Я прождал часа полтора. Не падает. Повыходили во двор ребята, я не хотел выдавать свой секрет на дереве. Ушел с тяжелым сердцем. На следующий день полдня стрелял по чулку из рогатки, даже пару раз попал, но висит, сволочь. Целыми днями я фантазировал, что там может быть? Близко локоть, да не укусишь. Со временем, я стал ходить к каштану не каждый день... В пятом классе мы переехали на новую квартиру. Прошло много лет. Я уже давно жил в Москве. В прошлом году я приехал в город детства по делам, ну, понимаешь, ностальгия, воспоминания накатили, и пошел я в свой старый львовский двор. Каштан на месте. Я стоял и смотрел на свое неведомое сокровище и понимал, что чувствует Кощей Бессмертный, глядя на ларец, в котором утка, яйцо, и так далее. Чулок висел уже тридцать пять лет... Поднялся ветер, чулочек затрепыхался, как будто вот-вот разматается и упадет, но я меньше всего на свете хотел, чтобы он упал.

– Ты шутишь? Это что за чулок такой, который не истлел за столько времени? Хотя, в СССР делали качественную синтетику. Это был... э-э-э... семьдесят шестой год, ведь? Я тогда тоже была первоклашкой. Моя мама носила капроновые чулки. Но самая лучшая синтетика была в Америке.

– Не факт. А ты знаешь, что в Америке не принято заботиться о своей внешности? Если вдруг заметят, что ты,

скажем, выглядишь слишком ухоженным, то подумают про твою сексуальную озабоченность. Женщинам приходиться на работу с косметикой на лице не рекомендуется. Хотя, это допускается на праздничных мероприятиях.

– Да ты что? В самом деле? Вот странно! А что еще у них не принято?

– А еще... Н-ну... На обычных американских пляжах мужчинам не следует носить плавки. Это должны быть специальные купальные шорты по колено длиной. А для женщин абсолютно не допускается топлес. Сразу будет привод в полицию в наручниках. Даже девочкам, маленьким, двухлетним, нужно быть с закрытой грудью. Кстати, так же и в Европе.

– А я слышала, что там не везде можно носить джинсы.

Олег глядел на нее сквозь сигаретный дым круглыми зеленовато-синими глазами, которые меняли цвет и становились прозрачно-золотистыми, словно майский мед, и в них таяла оглушающая нежность. Он произнес низким глуховатым голосом, но казалось, что говорил он о другом, о чем-то особенном, сокровенном... И сказанная фраза не имела ровно никакого отношения к тому, о чем он думал:

– На Западе во многих местах запрещают носить джинсы.

– Смотри, уже рассвет! Как красиво за окном... Пошли на лоджию?

Они вышли, и облокотились на перила. Высотки были окутаны прозрачной розоватой дымкой, над ними медленно

плыли золотистые облака, нежно подсвеченные первыми лучами восходящего солнца. В самом низу изумрудно искрились верхушки деревьев. Гомон птиц и звуки оживающего города наполняли воздух.

– Ты когда-нибудь путешествовал? – спросила Катя. – Небось, в Америке бывал, раз знаешь некоторые нюансы той жизни.

– И в Штатах, и в Японии, – отозвался Олег. – Я же одно время был менеджером по торговым связям, а потом – мелким предпринимателем.

– Расскажи про Японию, – попросила Катя.

– Да, там со мной произошел курьезный случай. Я ведь отправился туда не один, а с дамой. И вот решил блеснуть перед ней, и пригласил в довольно дорогой ресторан. Взяли меню, сидим, рассматриваем незнакомые букровки, иероглифики. Ну, и как обычно – ориентируемся в основном на цены. Вдруг, хоп... блюдо, а напротив цена – пятьсот баксов! ОГО! Ну, мы и подумали, что за такие деньги это будет нечто супер крутое и потрясно вкусное! Подзываем официанта, тычем пальцем в строчку. Официант спешно убегает в сторону кухни, и через тридцать секунд выбегает из дверей уже с поваром. Тот начинает вокруг нас прыгать и суетиться. Через пять минут приносят большое накрытое блюдо. Мы в предвкушении переглянулись. Шеф-повар с загадочным лицом потянулся к крышке блюда... мы затаили дыхание... смотрим на тарелку, а там – в залежах овощей, травок и пряно-

стей ползает здоровая, сантиметров в пятнадцать, жирная гусеница. Ой! Мы, конечно, знали, где мы находимся, и что ожидать от этих товарищей можно чего угодно. Но чтобы вот так откровенно!.. Пока мы недоуменно переглядывались, и каждый в голове обдумывал увиденное – гусеница нагло стала пожирать овощи, разложенные по тарелке. Такого хамства мы не ожидали! Я, чтобы мне досталось хоть что-то, неуклюже стащил с пока нетронутого угла какую-то травину. Мы смотрели на гусеницу, повар смотрел на гусеницу, стоящий сзади официант тоже смотрел на гусеницу. Все молчали. А жирная тварь в это время слопала уже почти половину овощей. От таких раскладов в голове у меня помутилось – есть хотелось, было жалко денег... и в момент, когда гусеница принялась за очередной кусок помидорины, я резко взял вилку и – хыч! Я решился! Ну, правильно, – не пропадать же такой куче долларов! Вилка вонзилась в голову гусеницы. Вслед за «хыч» послышался грохот падающего в обморок шеф-повара и изумленный писк официанта. Оказывается... эта гусеница – очень редкое существо, которое выращивают до такого состояния лет семь. Стоит это насекомое очень дорого, а едят вовсе не его. Деликатесом считается то, что, слопав овощи, гусеница тут же начинает выделять. Вот именно её испражнения и стоят пятьсот баксов и считаются жутким деликатесом! А я её вилкой в башню – хыч... Повара откачивали и приводили в чувства очень долго. Нашему русскому человеку в голову не пришло бы лопать экскременты.

ты гусеницы, еще и платить за это пятьсот баксов.

– Ха-ха-ха! Ну, насмеши-ил! – расхохоталась Катя. – А вообще-то, мне жаль бедную гусеницу, она тебя угостить собиралась, а ты ее так зверски замочил. Убийца!

– Ой, я грешник, каюсь, каюсь! – сокрушенно произнес Олег. – Убил невинную тварь.

– Слушай, у меня проявился аппетит. Чаю хочу. Самого изысканного. Идем, я попрошу Валю заварить «дахунпао».

– А это что еще за зверь?

– Это не зверь, а чай, причем, самый дорогой в мире. Переводится как «Большой красный халат». Получают его из листьев шести кустов, которые растут возле монастыря Тяньзинь в Китае. Каждому из растений больше трехсот пятидесяти лет, представляешь? Вкус и аромат просто потрясающий, вот увидишь. Я обычно никого не угощаю, пью сама.

– А с чего мне такая честь? – улыбнулся Олег.

– Такова уж моя прихоть, я вообще вся такая внезапная, вся такая непредсказуемая, – хохотнула она.

Черно-золотой чайный сервиз сиял на белоснежной скатерти. Чай был действительно необычайно ароматный. Катя поглядывала на Олега блестящими глазами, наливала напиток на блюдечко и по-детски, с прихлебом, пила. Она дурачилась. Олег смотрел на нее со слегка покровительственной нежностью, и рассуждал:

– Купил позавчера «Норвежский лес» Харуки Мураками, читаю. Очень печальная книга, несмотря на то, что грустных

моментов там не так уж и много. Гораздо меньше, чем разговоров про секс. Но атмосфера всепоглощающего уныния, безысходности, образ сырого леса с тяжелыми серыми облаками от горизонта к горизонту не исчезают. Они появились буквально с первых строчек, еще непонятных, с незнакомыми героями, но уже тогда я чувствовал, что хорошего конца можно не ждать. Сейчас мне осталось страниц семьдесят.

– А мне Мураками не нравится, – заявила Катя. – Ну, модный писатель, ну, прочла я его «Дэнс, дэнс, дэнс», ничего особенного.

Она потянулась за пирожным. Тут запел ее мобильник в глубине коридора. Валя быстро поднялась с места, и принесла телефон.

– Алло, это вас из полиции беспокоят, инспектор Кармышев. Ваш номер был забит в памяти сотового аппарата неустановленного лица. Скажите, являетесь ли вы его родственницей?

– Кого, неустановленного лица? – спросила Катя со смешком. – Судя по высветившемуся номеру, это явно телефон моего мужа.

– Вы можете сейчас подъехать в морг для опознания тела? – продолжал все тот же бесстрастный голос.

– Диктуйте адрес морга, – выдавила из себя Катя, и выронила трубку. Она согнулась, схватилась за живот, и тут же заорала от острой боли. Через минуту она потеряла сознание.

Очнулась уже в палате. Все происходящее показалось ей

ирреальным, рассыпающимся на фрагменты, на диалоги.

Она видела себя словно со стороны:

– Ты новенькая?

– Да.

– Тебя оперировать будут?

– Не знаю.

– На твоей койке Аня лежала, вчера выписали. Она прикольная такая, ей операцию хорошо сделали, все нормально.

– А тебе?

– Что?

– Ну... операцию...

– Не, обошлось. Боишься?

– Нет.

– Врешь.

– Вру. Я не знаю, что со мной. Живот болит. Может, аппендицит?

– Хочешь, уголок загну?

– Чего?!

– Ну, уголок постели – на быструю выписку, мне Анька так загнула, я завтра ухожу, да ты в детстве-то в больнице хоть лежала?

– Ну, было раз – два.

– Ну... Загибали?

– Загибали, только это все фигня.

– А я верю. Хочешь, поеду домой, загну. Только отогни, когда я домой приеду, а раньше нельзя – примета!

– Помню.

– О! А эта толпа, видимо, к тебе. Ладно, я пошлепала в свою палату.

Это пришли Олег, Сашка, Настя, Валя. Выложили на тумбочку пакеты с фруктами, соками, заговорили все разом.

– Не волнуйся, Вадим жив! – выпалила Настя. – Мы были на опознании, тело не его, парнишки какого-то. Видимо, мобильного воришки. Спер он мобильник у мужа твоего, наверно, вот и все. Ты поправляйся, давай.

– Как ты себя чувствуешь?

– Говорил с твоим врачом, диагноз пока неизвестен.

– Кать, а может, это инфекция от огурцов. Я в инете читала, что в Европе тысяча с лишним людей заразилось опасной кишечной инфекцией от испанских салатных огурцов. Они и у нас продаются. А в Германии уже умерло от этого одиннадцать человек.

– Ты бери огурчики-то, кушай, свеженькие. Все мытое...

Наконец, они ушли, окончательно утомив Катю. Начался обход.

– Как дела?

– Ничего...

– Ложись ровно. Здесь больно? – пальцы хирурга надавливают на живот.

– Нет.

– Здесь?

– Немного.

– Здесь?

– А-а-а!!!!

– Лед ей на область живота! Кровь – cito!! И везите на УЗИ. Посмотрим. Пока неясно.

Прошло часа три. Консилиум.....

– Как дела? Болит?

– Да, так же.

– Лейкоциты повышаются, формула крови пока без изменений. Сестра! Температура пациентки?

– Тридцать семь и три.

– По узи нет данных за нагноение, нет свободной жидкости в брюшной полости. Ждем. Наблюдаем. Но, похоже, не обойтись без лапароскопии.

– Здравсьте. Нате вам... Ну, вот и началось... Диагноз неясен. Мило... – пробормотала Катя.

Потом к ней заглянула девчонка из соседней палаты, теперь уже знакомая.

– Ну? Чего?

– Ничего. Ждем. Наблюдаем.

– А-а. А уголок я тебе загну. Утром уезжаю.

– Так меня, может, к ночи в операционку укатят, а потом я в реанимации буду....

– Все равно загну, вернешься и отогнешь.

Дверь за ней закрывается. А потом в течение ночи открывается и закрывается неоднократно дежурной бригадой хирургов.

– Стабильна. Интоксикация не нарастает. Сохраняется повышенная температура, кровь без существенной динамики.

– Стабильна, боли прежние, сомнительные симптомы Щеткина, Ровзинга, Ситковского... Лихорадит, тридцать семь и пять. Кровь – рост лейкоцитов...

– По крови – признаки обезвоживания. Рост лейкоцитов. Формула крови без существенных перемен. Боли прежние, ухудшения в хирургическом статусе нет. Диагноз остается неясным. Думаю, надо готовить ее к лапароскопии...

– В анализе крови, взятом в динамике, рост лейкоцитов, изменения в формуле... со сдвигом...

Катя слышала словно сквозь забытие:

– Вправо....

– Как вправо?

– Вправо...

– Диагноз неясен, аппендицит ставим под вопросом. Начинаем сначала...

– Еще раз, как начинались боли?..

Ночь прошла. В окнах светло. Утром забежала та девчонка и загнула угол постельного белья, прошептав:

– На удачу, часа через три отогнешь, ясно? А лучше через четыре, чтоб наверняка.

– Ага. Спасибо, – слабо прошелестела Катя.

Девчонка махнула ей рукой, и исчезла за дверью. Боли стали меньше. «Пойти умыться, что ли... Температура,

сволочь, не думает снижаться. Хирурги решили не резать. Ждут. Покой. Холод. Голод...»

В ванной комнате в зеркале отражается лицо героини "Восставших из ада". За ночь осунулась, фиолетовые круги под глазами... Вернулась в палату... Застала санитарку, весело махающую тряпкой в палате и... аккуратно застеленную кровать....

– Я те устелила, иди, ложись, чего встала-то? У тебя режим строго постельный, ясно?

Катя послушно легла.

Соседке по палате охота поболтать:

– Прибежала, чумовая, с утра, тебе всю кровать задрала.

– Она уголок загнула. Примета такая. На быструю выписку.

Бабка молчит. Потом не выдерживает.

– А в приметы, что ль, веришь?

– Не во все.

– А в кошку черную?

– Я их люблю.

– Кошек?! Тьфу, нечисть....

– Да вообще, живность люблю.

– А в какие тогда веришь?

– В другие.

Бабка опять замолчала.

–А уголок?

– Что, уголок?

– Ну, сама говоришь, примета такая. Работает?

– Не знаю. Детские сказки. В детстве верили.

– Тебе-то вон загнули. – Бабка обиженно пожала губы, – а я-то уж давно тут. Все обследуют да обследуют. А диагноз все неясен...

Снова начался обход.

– Наблюдаем. По клинике и анализам – регресс. Но ты не радуйся особо, все может начаться снова...

У бабкиной постели часть разговора был на латыни.

– Чего они сказали-то? На каком-то языке, чтой-то...

– На латинском. Сказали, нормально, пообследуют еще...

– Латынь? Знаешь?

– Знаю чуть-чуть. Еще английский, испанский с итальянским – но немного. Я же переводчица.

– Все мудрено. На русском нормально бы говорили.

Бабка вздохнула и замолкла ...

–А уголок? – подала таки она сигнал.

–Что, уголок?

– Ну, сама ведь говоришь, примета такая, тебе загнули, сработает?

Опять началась та же песня...

– Нет, теперь – нет. Отогнуть надо было позже, когда уехавший человек домой к себе придет. И чем больше уголок делаешь, тем быстрее выпишут.

– Вона, как...

– Да, так в детстве говорили в больницах ...

– Тебя-то быстрее выпишут. А я уж сколько лежу... А домой хочется...

– Уголок загнуть?

– А что загибать-то, сама говоришь, сказки...

Бабка пожевала губами, шмыгнула пару раз носом. Обиделась. Определенно.

– Я загну. Может, и сработает.

– Ты только поболе его загни-то. Чтоб выписалась быстрее, а?

– Ладно, как уходить буду, так загну.

Бабка прикрыла глаза, заулыбалась.

Маленькое такое счастье – загнуть всего-то уголок на выписку.

Хочется домой ... Скорее...

Через неделю ее выписали. Аппендицита нет, боли были на нервной почве.

Забирать ее приехала вся компания, как и в прошлый раз. Дома пахло пирогами, Валя постаралась. Горячие румяные пирожки горкой лежали на огромном блюде, а какой запах стоял в квартире, ах! На праздничных сервизных тарелках красовались бутерброды с красной икрой, нарезка осетрины, сервелат, сыр дор-блю, всевозможные изысканные салаты, и еще очень много всякого разного. Олег открыл шампанское...

А вечером позвонил Вадим.

– Ёжик, привет! Как ты? А я возвращаюсь из подполья!

Все, ситуацию разрулил, больше бояться нечего. Дома все тебе расскажу. Жди, скоро буду!

Глава пятая. Вадим

Вадим появился бледный, осунувшийся, только запавшие глаза с темными кругами вокруг радостно сияли.

– Привет всей честной компании! – заорал он с порога. – Ура! Я свободен от всех дел! Отныне я безработный! Я продал свой бизнес, я отделался-а-а!

Все кинулись к нему на встречу – бурные объятия, восклицания, радостные слезы! Катя с визгом повисла на нем, словно маленькая девочка.

За окном прогремел салют.

– Это я заказал, в честь своего возвращения. А сейчас принесут огромный торт и корзину цветов! И будет живая музыка! Я пригласил музыкантов!

– Какую-нибудь модную группу?! – воскликнула Настя.

– А вот и нет. Ребят в переходе метро таких надыбал, потрясающих, все мировые группы им в подметки не годятся, ну, сами увидите. Давно уж не ездил в метро, а тут ностальгия, спустился, и заслушался! Вот где они, талантищи!

Вадим в этот день царил во всем пространстве. Катя так устала, что не выдержала, и отправилась спать. День был для нее чересчур насыщенный.

Проснулась она от нежных поцелуев. Рядом лежал Вадим, он легко касался губами ее лица, шеи, уха. С Кати весь сон слетел. Она прижалась к мужу, и он крепко обнял ее. Они

долго молчали, прислушиваясь к музыке своих душ. Потом Катя спросила:

– Вадим, а как ты стал бизнесменом? Если это не секрет, конечно.

– Да не секрет. Все до смешного просто.

– А как?

– Со мной это было так: зашел, как обычно, с друзьями в компьютерный клуб... До сих пор ужасаюсь, сколько времени мы там потеряли. Давно это было, в девяносто шестом, кажется. У них в тот день слетела сеть. То есть, компьютеры не видели друг друга, и игра по сети была невозможна. И «администраторы» (на самом деле, парни не разбирались вообще), перепробовав традиционные методы воскрешения (перезагруз, и прочее), не смогли ничего сделать. Я к тому времени немного увлекался компьютерами, и пару раз настраивал сеть. Правда, лишь между двумя компьютерами. Промучившись часа два, подняли сеть. Ну, понятное дело, радость, пиво от «админов», и три часа бесплатной игры нашей команде.

Понимаешь, девяносто пять человек из ста не восприняла бы этот эпизод всерьез, просто порадовались халявному пиву и прочему. Не задумались бы. Так вот, в тот момент я задумался. Вышел из клуба. Мне вдруг внезапно стало непонятно – в чем смысл этих игр? Я потерял к ним интерес ментально. У меня появилась идея. Она проникла в мозг, и засела там на десять последующих лет, постоянно разви-

ваясь, трансформируясь и вырастая в бизнес с оборотом во много тысяч долларов. Правда, в тот момент я и не подозревал, как серьезно все это. Я не мог думать ни о чем другом. Курил сигарету за сигаретой, а идея в голове ворочалась, распухала, появлялись отдельные образы... Эти волны невозможно было остановить! Я просто дал им волю, и у меня начало что-то вырисовываться, то, что сейчас называют набившим оскомину словом «бизнес-план». После я машинально кивал друзьям, ел безвкусные пельмени, как-то доехал домой, и так и не смог уснуть в тот вечер. Могу с уверенностью сказать, что если у кого-то было такое, то он уже наполовину бизнесмен. И почему наполовину? Потому что это пока мысли. Идеализм. Вдохновение. И ему еще предстоит убедиться, что идея практически ничего не стоит, а реальность совсем не похожа на то, что у него в голове. Но это не страшно, так как он уже отличается от огромной части остальных людей. Он уже мыслит по-другому. Да, конечно, его шансы – не больше пяти процентов. Да, у него ничего нет. Ни опыта, ни денег, ни связей, ни гениальных способностей. Это правда. Но что-то важное уже произошло!

– Как же ты не побоялся открыть свой бизнес?

– Просто никогда не надо бояться делать то, что ты не умеешь. Ноев ковчег был сооружен любителем. Профессионалы построили "Титаник".

– Как интересно, – прошептала Катя. – Какой ты у меня особенный! Как я тебя люблю!

И она сильнее прижалась к нему...

В полдень за столом собралась вся честная компания. В серебряном ведерке со льдом красовались три бутылки шампанского «Krug Clos du Mesnil». На столе были только фрукты и шоколадные конфеты. Праздник продолжался. Катя сияла свежестью после прекрасной ночи с наконец-то вновь обретенным супругом, после долгого лежания в джакузи и растирания тела абрикосовым гелем. Друзья сегодня были в ударе. Шутки и веселье лились через край. Настя рассказывала про сынишку своей приятельницы, которому мать купила учебник по математике, выпущенный издательством «Эксмо». Там были такие задачки, ну, просто, хоть стой, хоть падай.

– Какие? – заинтригованно спросила Катя.

– Ну, типа: Летели два крокодила, один красный, другой налево. Сколько стоит кило гвоздей, если сегодня понедельник?

– Ха-ха-ха!

– Хо-хо-хо!

– Ну, про продукцию этого издательства давно известно, об этом не раз писали в газетах, и в инете. Они еще и не такое печатают.

Олег разлил по бокалам шампанское, похожее на солнечный эликсир с игривой морской пеной. Катя пригубила. Вкус был потрясающий! Вот что значит настоящее элитное вино. Напиток королей! Она взяла кусочек ананаса, и положи-

ла в рот, наслаждаясь ароматом нежного кисло-сладкого фрукта.

– Насть, а ты вот как-то, было дело, исчезла на несколько дней, не звонила. Что, работа очередная подвалила, заказчик возник?

– Да нет, просто жара началась. Я была на пляже.

– В Серебряном Бору, небось? Ну и как?

– Нормально. Вообще, обалдела... Подходит ко мне парень, протягивает деньги. Ну, деньги я взяла, а парень мне не понравился. Кому он такой нужен – без денег?

– А зачем он тебе деньги-то давал?

– Говорит, подарок. Понравилась, говорит, вот я и подумал, что ты настоящая женщина, и все такое, всякая лабуда, что, дескать, руки женщины должны дрожать от подарков, ноги от радости, а сердце от любви. А я отвечаю: так она от резонанса развалится, женщина-то.

– Ха-ха-ха!

– У меня тост! – встал Сашка. – За счастливых дам, дрожащих от любви, подарков, и радости!

– Ура-а! – воскликнули хором Настя и Катя.

После очередного тоста Катя принялась расспрашивать подругу, что это у нее за приятельница такая, чем занимается, сколько лет сынишке?

– Да ничем она не занимается, домохозяйка. Захожу к ней в прошлую среду, она приглашает пообедать. Открывает утятницу, а там гусь, вареный настолько, что мясо с ко-

стей слезло, и такие крылья торчат из бульона. Ну, у меня и вырвалось: М-м-м-м! Нямка! Птеродактиль! Кажется, она слегка обиделась.

Вечером гости разъехались, а Катя с Вадимом отправились гулять.

– Слушай, давай зайдем в магазин, давно я там не была, все Валя покупает, а мне так хочется что-нибудь самой выбрать, понимаешь, ностальгия!

– Ну, давай.

Они зашли в первый попавшийся на пути супермаркет, и Катя с упоением принялась бродить между полками, рассматривая продукты и накладывая в тележку железные баночки с зеленым горошком, с бобами, упаковки печенья. Потом они встали в очередь возле кассы. Катя с любопытством разглядывала покупателей. Вот стоят друг за другом пожилой мужчина, мать с сорванцом лет семи- восьми, абсолютно невзрачный тихий молодой человек, и мужик с квадратным подбородком. Пацан вертится, ему скучно, он не знает, чем заняться, но вот он находит развлечение – начинает наступать на ногу пожилому мужчине, все быстрее и все сильнее. Это постепенно стало очень раздражать практически всю очередь. Пожилой мужчина поворачивается к матери этого сорванца:

– Скажите, чтобы ваш сын прекратил наступать мне на ногу.

Мать, даже не поворачивая голову на голос, безапелляци-

онно отвечает:

– Я своего сына воспитываю без авторитарного давления!

А мальчик по-прежнему продолжает наступать на ногу старика. Вдруг невзрачный молодой человек достает из корзины банку с медом, открывает ее и опрокидывает на голову мамаше оболтуса. Прежде, чем она пришла в себя и попыталась что-нибудь сказать, молодой человек заявил:

–Я воспитан без авторитарного давления!

В очереди наступает полная тишина. Напряжение растет. И тут мужик с квадратным подбородком разряжает обстановку словами:

– За мед плачу я.

Катя прыснула, Олег хмыкнул, очередь захохотала.

На улицу они вышли, все еще смеясь. Солнце поливало их золотистым жаром, от асфальта шел чуть заметный розоватый пар, трава и деревья на газонах блистали нежной зеленью, май ярко звенел завершающим аккордом.

– Завтра уже июнь, – проворковала Катя.

– Да, – отозвался Вадим и притянул ее к себе, крепко обняв. – Ты не устала?

– Нет, что ты! Мне так легко! Я словно парю в воздухе! У меня такое чувство, будто время повернуло вспять!

– А ты знаешь, что действительно во Вселенной есть такое место, где время идет в обратном направлении. Это – так называемые черные дыры.

– Да ты что, в самом деле?

– Да, мой маленький Ёжик.

– Какой ты умный, мой ласковый Чулачакви!

– А это что еще за зверь?

– А это спроси у Вали, она тебе подробно расскажет об этой лесной сущности, принимающей обличие самых любимых и близких существ. Чулачакви мой милый, Чулик.

– Чулик? Классное словечко.

– Смотри, дуб какой огромный! Интересно, на нем есть желуди?

– Ну, это не самый большой дуб, и, похоже, он еще молод для желудей.

– Почему?

– Да потому, что чтобы на дубе выросли желуди, ему должно исполниться как минимум 50 лет. И вообще, еще не сезон.

Так они шли, обнимались и болтали, счастливые и радостные, и незаметно для себя вошли в какой-то парк. Деревья, лучась изумрудными улыбками, незримо кивали им, птицы пели им гимн любви, солнце нежно окутывала их золотым сиянием... Они сели на траву под свод высоких лип с нежными клейкими листочками, и подставили солнцу свои счастливые лица.

– Ты не жалеешь, что сделал это? Как же ты теперь, без своего бизнеса?– ласково спросила Катя.

– Нет, – ответил Вадим. – Лучше сделать и жалеть, чем жалеть, что не сделал. У нас теперь будет новая жизнь, неза-

висимая!

К ним подбежал кудрявый белоснежный пудель, понюхал их, и неспешно двинулся дальше, опустив морду и что-то выискивая в траве. Следом прошла дамочка в бежевых брючках и с поводком в руке.

– А ты знаешь, что домашние животные могут предвидеть будущее, и даже спасти хозяев от несчастий? – сказала Катя. – Я читала, как одна кошка, спавшая на заднем сидении автомобиля, внезапно проснулась, прыгнула на переднее сиденье и укусила свою хозяйку за руку. Та вынуждена была остановиться, и тут огромное дерево обрушилось на дорогу как раз в том месте, где в это время оказалась бы машина, если бы не остановилась.

А какой-то пудель, также сидевший на заднем сиденье автомобиля, вдруг положил обе лапы на плечи хозяину и начал рычать. Тот от неожиданности резко притормозил, и тут же за поворотом вместо узкой горной дороги перед машиной разверзлась пропасть – случившийся накануне оползень буквально вырвал кусок дороги.

– Да, я тоже слышал что-то в этом роде. Животные вообще существа загадочные, – разнежено отозвался Вадим.

Мимо прошел мужчина в цветастых шортах и длинной розовой майке с белыми лилиями. Катя фыркнула, и негромко пропела:

Мужик по селениям бродит,

*Наверное, он – трансвестит:
В горящие избы заходит,
Коней на скаку тормозит...*

-Ха-ха-ха, – захохотал Вадим.

Домой они вернулись лишь под вечер. Друзья давно ушли восвояси, прислугу и охрану (Валю и Олега) они отпустили, и остались в квартире вдвоем. Так начался их романтический вечер при свечах, при тлеющем камине, в окружении цветов...

Они смотрели друг другу в глаза, словно в зеркала, и уходили в это зазеркалье, и тихо беседовали о сокровенном.

– Знаешь, – задумчиво говорил Вадим, – у меня из головы не выходит сон, который я видел пару недель назад.

– Что за сон? – голос Кати таял от охватившей ее нежности.

– Снилось мне, что шел я по узким улицам старого города с деревянными домами. Шел без направления, словно повинуюсь зову, которого не слушал. Подошел к высокой часовне, поднялся по узкой винтовой лестнице на самый верх, и оказался в комнате с низким сводчатым потолком. Стены комнаты были белые, а из мебели было только массивное деревянное кресло с высокой спинкой – оно стояло на небольшом черном возвышении. В кресле монах. Меня переполнило странное ощущение легкости, счастья, и при этом ка-

кой-то непонятной грусти. Монах молчал, однако я отчетливо услышал голос: «Ты можешь задать один вопрос». Недолго думая, я выпалил: «Как жить надо?» Повисла пауза, а затем я проснулся. Я был в отчаянии, слезы подступали к горлу. Мне стало грустно оттого, что я потерял то чувство бесконечного счастья (несмотря на его горечь), и что не услышал ответа на свой вопрос.

– Но ты все же уловил ответ. И очень правильно сделал, что отказался от своего бизнеса, который приносил столько проблем и опасностей.

– Да. Тем более, что денег у нас хватает, даже нашим будущим детям останется. Будем жить спокойно.

– Да, это замечательно. А чем мы займемся?

– Друг другом. Я вот что придумал. Знаешь, сон ведь непростой. Мне кажется, тут намек на что-то духовное. А я всегда мечтал поехать на Кипр в паломническую поездку. Там ведь полно потрясающих монастырей! Православных монастырей, великолепных!

– Ой, как здорово, расскажи!– воскликнула Катя.

– Я уже все проштудировал и наметил путь. Вот, в Ларнаке есть обитель Святого Лазаря, здесь он жил и был похоронен. В храме, построенном на месте его захоронения, можно пить воду из святого источника. Он чудодейственный.

– Вот здорово! Чудодейственный источник! Класс!

– Да. Кстати, там же, в храме, можно заказать паломническую поездку по Кипру и церковную службу. А в Пафосе воз-

ле церкви Панагии Хрисополитиссы сохранились колонны римского храма четвертого века, одна из которых называется "колонна святого Павла". По преданию, здесь римляне истязали плетью привязанного к колонне апостола Павла. Есть еще на Кипре монастырь Ставровуни. Безоблачным днем его можно увидеть почти с любой точки побережья, со стороны Ларнаки. Только разглядеть монастырские стены довольно трудно: словно высеченный из камня, Ставровуни застыл в высоте на краю скалы, и непосвященному даже не придет в голову искать его там. Можно увидеть храма Святого креста. На территорию монастыря женщинам входить запрещается, так что тебе придется ждать меня внизу. А вот мужчины имеют возможность пройти внутрь и подняться по ступенькам к церкви. Говорят, там внутри красотища неопишущая! В центре двора есть колодец, вода в нем кристально чистая, ледяная и, конечно, священная. Потом мы с тобой поедем обязательно в горы Троодоса, где почти на самой вершине находится самый знаменитый монастырь Кипра – Киккос. Эта поездка займет целый день. Мы выедем ранним утром, а вернемся в Ларнаку поздним вечером. По дороге остановимся, чтобы сфотографироваться возле древней оливы: ее ствол внутри совершенно пуст, но она, как ни странно, приносит плоды! Вот такое увлекательное путешествие нам предстоит.

– Ура!!! Просто супер!!! Как я тебя люблю!!! – вскричала Катя, и принялась целовать мужа...

Две недели они занимались друг другом, гуляли в парках, катались на аттракционах, играли в боулинг и в бильярд, бродили по Арбату, сидели в открытых кафешках, и говорили, говорили, но никак не могли наговориться. Потом вдруг спохватились, и спешно стали собираться в поездку, метались по магазинам, покупая все необходимое.

Но вот и настал долгожданный день. Олег и Сашка помогли запихнуть в багажник чемоданы, и поехали провожать. Насти не было – срочная работа.

Суэта и шум аэропорта, толпы снующего народа, и радостное ощущение новизны – от всего этого у Кати кружилась голова. Они заняли очередь у стойки регистрации, и поднялись в Дьюти фри. Там тоже оказалось тесно от возбужденных людей. На полках было столько всего, что глаза разбежались. Вадим купил Кате духи, туалетную воду, и оранжевую тунику. Потом они спустились вниз, разыскивая своих провожатых. Сашка с Олегом уже успели пробежаться по магазину, и ждали их в зале. Вадим и Катя весело подошли к друзьям. И тут... прогремели выстрелы! Катя увидела, как падает муж, и тут же ощутила сильный толчок – Сашка отпихнул ее в сторону и закрыл собой. В следующую секунду он медленно осел на пол, на футболке проступила кровь. Катя упала в обморок.

Она смутно помнила, как ее выносил из здания Олег, как хлынула во все стороны людская толпа, задевая ее безвольно повисшее на руках телохранителя тело. Потом она при-

шла в себя в машине скорой помощи, и снова отключилась. Несколько раз она обнаруживала себя в белой больничной палате. Ей что-то вкалывала медсестра. И она снова засыпала. Снов она не видела, но однажды мелькнуло лицо Вадима, его губы прошептали: «где ты, Ёжик, листаешь закаты, целуешь рассветы?..» И тогда она вдруг поняла, что он умер. Она закричала и очнулась.

Тут же появилась женщина в белом халате, и снова сделала ей укол. Катя погрузилась во мрак...

Потом она стала понемногу приходить в себя. Она ощущала слабость и полное безразличие ко всему. Посещения друзей вызывали скуку, пакеты с гостинцами она раздавала соседкам по палате. Кто они, эти женщины, сколько им лет, как сюда попали – ничего это Катю не интересовало. Их разговоры сначала сливались в какое-то сплошное жужжание, но потом Катя вдруг стала различать слова, фразы, смысл. Все складывалось в какие-то картины, и вот перед глазами начало прокручиваться кино.

С койки в левом углу доносилось:

– А у меня около двух лет жили рыбки, и наступил такой психологический момент, когда чистка аквариума, геморройная смена воды, ежедневная кормежка и вообще какие-то постоянные проблемы с этими рыбками, а также нежелание моих домашних разделить эти заботы, привели к тому, что я, как герой фильма "Адаптация", воскликнула: "К черту рыб!" Но, естественно, "мы в ответе за тех..."

и прочая, в общем, стала я пристраивать своих рыбок по знакомым. Среди рыбок была одна, да не рыбка, а чудо-юдо-рыба-сом. Наиболее мне симпатичная. Довольно страшный сом, надо сказать, по форме похож на ромб, на спине и хвосте – шипы, и вообще весь какой-то шероховатый. Зато в моем аквариуме он был долгожителем, оттого, что, став большим, он пожирал более мелких рыбок. Ну и вот, короче, никто не хотел брать себе в аквариум такого хищника. Потом я нашла одного своего давнего знакомого, и он согласился забрать этого крокодила к себе. Договорились встретиться в метро. Это была зима. Холодно. Я в специальный пакет герметичный налила водички, и посадила вынужденного переселенца. Потом под дубленку пакет засунула, и получился полный эффект сильно беременного живота. Но я была настолько заиклена на состоянии рыбки, что почему-то не проводила никаких таких физиологических аналогий. Стою на автобусной остановке. Тормозит машина, за рулем симпатная дамочка. Как туда-то и туда проехать, спрашивает. Я ей стала объяснять-показывать, она с жалостью так на меня смотрит (а я, кстати, не догоняю, почему), потом предлагает подвезти ("Заодно покажете, где это"). ОК, поехали. В машине тепло, уютно, музыка играет. Опускаю глаза на свой... хм... живот, то есть на сома. Он внутри, под дубленкой. Ему тоже тепло и хорошо, только он паникует, потому что не понимает, куда его везут, и вообще, что происходит. "Ну что, говорю, как ты там?" Дамочка понимающе улыбается, сен-

timentальная она. "Не сдох от холода?" Поглядывает на меня уже с интересом. "Смотри, веди себя хорошо, Артемка с тобой церемониться не будет, в унитаз спустит, если будешь его рыб пожирать". Да, нехорошо получилось... Правда, потом я развеяла ее ужас. Показала пакет с рыбкой, и был вторичный ужас – при виде страшного шероховатого сома. А то думала бы такая милая дамочка, что подвозила живой типаж фильмов Тарантино. И еще было смешно, когда я отдала заветный пакетик Артему, и он его засунул под дубленку СЕБЕ, потому что беременный тридцатилетний огненно-рыжий парень, разговаривающий со своим животом, выглядит еще комичнее...

Со всех сторон хохотнули. И тут же заговорила правая койка.

– А у меня как-то, давно это было, случай произошел. В общем, меня спасли: Лето было очень жаркое. Я тогда в Уфе жила. Зной страшный, выручала лишь вода, благо ее много. Три реки окружают город – Белая, Уфимка, и Дема. Мы с пацанами со двора бегали на Белую – на Сафроновский пляж. Правда, бегали – не то слово, так как еще на катере надо было переплыть на тот самый пляж. Обычно нас было человек шесть, но в этот раз только четверо. Мастерами спорта мы не были, и поэтому плавали осторожно – зайдем поглубже, и к берегу плывем, а течение уносит вдоль... Пришли, скинули лишнее и окунулись. Потом пошли в волейбол поиграли. Еду с собой не брали, не принято было у нас это,

а попить можно было из поилки, или квас купить: 3 копейки – не деньги. Накупались до посинения, благо родители даже не знали, что мы на пляже, и на раскаленный песок – пузом. Рядом молодые ребята с девочками были. Они за нами потихоньку приглядывали, а когда Олежка заплыл слишком далеко, то один из парней доплыл до него и показал в сторону берега. Когда тень от деревьев подошла к нам совсем близко, мы решили окупнуться и пообсохнуть, чтобы отправиться домой. Нырнули, и поплыли на глубину. Зашла я примерно по плечи и, оттолкнувшись от дна, легла на воду. Показалось страшно холодно, и все. Но вот перед глазами зеленая вода, и через нее высоко-высоко где-то пятно солнца... А руки не поднимаются, и очень хочется свернуться в клубок. Парни, что рядом отдыхали, тоже, оказывается, на прощание решили искупаться, и один из них вошел в воду не со всеми, а в стороне, ниже по течению. Он отплыл от берега, и тут же вышел обратно с русалкой... Река принесла меня ему прямо в руки. Волосы почему-то были расплетены и облепили меня так, что не сразу поняли, кого он выловил. Откачивать меня не было нужды, так как воды я не наглotalась ни капли. Женщина, которая подбежала сразу, как увидела парня с ребенком на руках, объяснила, что это был спазм. Я попала в струю очень холодной воды... Там много родников было. Парня звали Виктор. Когда через несколько лет мы с ним встретились, он долго меня разглядывал, а потом сказал: «Повезло кому-то, что ты мимо не проплыла», – и ши-

роко улыбнулся.

– Очень интересно, – заговорили на койке рядом с Катей. – А я по молодости очень любила варенье варить. Муж у меня сладкоежка был, вот я его и баловала... О чем это я?.. Да... Как говорится: у хорошей хозяйки и клоп – лошадь. Клопов не было, а поразить молодого мужа своими способностями по части ведения хозяйства очень хотелось. Надумала я сварить особенное варенье. Тогда во всех "Работницах" печатали всевозможные рецепты. И я наткнулась на рецепт "царского". Уж и не помню подробности рецепта, но крыжовник должен был присутствовать обязательно. И поехала я в деревню за этим самым крыжовником. В деревне у нас был маленький домик и небольшой сад. И ехать до той деревни в один конец около пяти часов. Сначала на метро до Киевского вокзала, потом до Балабанова часа два. Сойдя с поезда, надо было вприпрыжку бежать на автобус, который, едва дождавшись электрички, тут же торопился уехать. Если повезло – можешь сесть, если нет – не барыня, и постоишь. Благо ехать недалеко – минут сорок. А там уже другая припрыжка: на автобусную станцию – взять билет на следующий автобус. И вот автобус взят с боем, все стиснуты, сумки на коленях, в проходе, все счастливы. Едем. Постепенно начинаются разговоры, и узнаешь все новости: кто родил, кто женился, кто умер, у кого дом сгорел; при скорбном сообщении все начинают вздыхать и поджимать губы, а через пять минут начинаются всякие байки. Любила я ездить в та-

ком автобусе. Приезжаю, сыночек на зыбких ножках пытается бежать ко мне навстречу. Только осваивал ходьбу. Делимся новостями, пьем чай, много. Мой покойный папа пил чай с полотенцем на шее, и обязательно из самовара, и конечно, с вареньем. На следующий день все рвем крыжовник – мою идею сварить "царское варенье" одобряют и охают, представляя, как изумится мой молодой муж, и как строгая свекровь улыбнется. Еду обратно. Все то же самое, но уже с полным ведром крыжовника, правда, удастся сесть. Долго ли, коротко, приезжаю домой. Если кто знаком с таким рецептом, тот знает, что у каждой ягоды надо обрезать хвостик и остатки цветка, то есть обрезать с обеих сторон, а потом эту же ягоду проткнуть. А этой ягоды – целое эмалированное ведро. Дня два я стригла, прокалывала, и варила. И наварила я этого варенья килограмм 40. Все емкости, какие были – заполнила и расставила и под кровать и под тумбочку, где только могла – жили в комнате, в коммуналке. Муж в то время писал кандидатскую и сидел дома, подрабатывая репетиторством. Надо сказать, что все его ученики поступали в институты, и слава о нем была небывалая. Народу приходило много. Так что варенье было как нельзя кстати. Квартира была всего из двух комнат, с соседями мы жили дружно. В довольно большой квадратной прихожей я положила широкий кусок дорожки. И вот в один прекрасный день я уехала на работу. В середине дня раздается звонок, звонит муж и говорит мне: "Ты знаешь, я сделал полку в прихожей, и повесил ее." – "Ну,

молодец" – "Я поставил на нее все варенье" – "Хорошо", и после секундной паузы я слышу: "Она упала". Сказать, что я побледнела – не сказать ничего. Я стала серо-синей. Мои сослуживицы только спросили: "Кто умер?" – "Варенье". Хорошо, меня не было на тот момент дома. Разбились все банки, осталось чуть-чуть в кофейнике. А дома муж, глядя на всю гору разбитого варенья, которая аккуратно улеглась на эту самую дорожку, не растерялся, а стал усиленно пить чай. Потом стал замечать следы. Когда я приехала домой, уже не было ни полки, ни варенья, а дорожка сохла во дворе на заборчике. И я поклялась: "Что бы я когда-нибудь еще!.." С тех пор варенье я не варю...

– А мне как раз вчера варенье принесли, кто хочет угоститься?..

– Что ты там читаешь, газету? Что пишут?

– Пойман маньяк, устроивший стрельбу в здании аэропорта в июне месяце... Это оказался психически больной...

– А как он ухитрился пронести туда оружие?

– Вот это загадка. Наверно, фокусник.

– Мне клубнику принесли, жуть, такое чувство, что ем огурец со вкусом киви. Угощайтесь, кто хочет? Говорят, по миру ходит какая-то жуткая кишечная инфекция...

– А я вот в газете читала, что кучерявая петрушка теперь считается наркотиком...

– Скоро из-за проклятой наркоты все запретят, святым духом питаться будем. Раньше коноплю сеяли под яблони и

другие фруктовые деревья, чтобы тля и гусеницы не поедали, и не было столько наркоманов. А грудных детей в селах купали в отваре из маковых корзинок, и дети спали крепко, но опять таки наркошами не были, потому что работали люди много физически, и дурь в голову не лезла, так уставали, что рады были доползти до подушки. А теперь от безделья маются, и все виноваты – скоро и в туалет запретят ходить, потому что додумаются из мочи готовить отраву...

Постепенно Катя стала «оттаивать». Она вдруг почувствовала, что не одна существует в пространстве, а окружена еще чьими-то судьбами. Жизнями тех, у кого тоже что-то случилось и надломило. Но они пытаются выкарабкаться, как могут. Да, она поняла... Но разговаривать ей не хотелось. Зато она иногда выходила из палаты и прогуливалась по больничному коридору. Так тянулись дни, недели, месяцы... Ее навещали друзья, особенно часто – Олег. Но ей так не хватало Вадима, Сашки... Однажды к ним в палату пришел священник, от его слов стало легче на душе, и Катя впервые в жизни исповедовалась и причастилась. После этого она пошла на поправку.

Из больницы ее забирал Олег. Он распахнул дверцу своей «мазды», и помог Кате сесть. Она удобно устроилась на сидении и откинулась на спинку. Машина мягко взяла с места. Заснеженная дорога, деревья в серебристом инее, дома, рекламные щиты, воздух словно стеклянный, длинные тела фонарей... И вот автомобиль припарковался возле родно-

го подъезда... Дверь, все те же вахтерша и охранник, фойе с цветочными горшками, лифт с зеркалами, квартира. Олег отпирает дверь... Наконец-то, дома! Ее встречают Валя и Настя... Но ужасно пусто без Вадима, без Сашки... Зияющая пустота.словно дыра посреди дороги... Зияющая дыра в душе... Нет, она не сможет здесь больше жить. Она вернется к себе...

А потом была унылая процедура вступления в наследство – все сделал риэлтор, она лишь подписала. Несколько раз Олег возил ее на кладбище – огромное, холодное, белое, с тесно стоявшими оградками с рядами крестов и надгробий. Могилы Вадима и Сашки – впритык. Большие мраморные памятники: у Вадима – плачущий Ангел, у Сашки – задумчивый, с распахнутыми крыльями. «Вот этими крыльями он меня и закрыл, Сашка... Он сам был как Ангел... А я его не ценила...» – подумала Катя. – «Они оба меня жутко любили, оба, Вадим и Сашка...» У нее сжалось сердце. В горле стало горько от слез...

Олег поставил на могилы корзинки с роскошными искусственными цветами, и скомандовал севшим голосом:

– Все, пошли.

Как долго двигались они по дорожке мимо могил, ледяной ветер обдирает кожу, задувал в душу, и она не слышала теплые, успокаивающие слова Олега, ее бил озноб. Но вот, наконец, они вышли с кладбища, сели в машину. В салоне она начала согреваться. И снова замелькали улицы, дома, зябкие

деревья... Телохранитель включил приемник, зазвучал медленный блюз... Олег украдкой поглядывал на Катю и быстро отводил глаза.

Дома ждала, как всегда, верная Валя. Она уже накрывала обед – Олег позвонил ей еще с дороги. На столе красовалось блюдо с горячими пирогами, бутерброды с икрой, тонкие розовато-прозрачные ломтики осетрины с дольками лимона по краям тарелки, черные влажные маслины в хрустальной вазочке, и так далее. Но Кате было не до еды. «Зачем все это? – думалось ей, – зачем, когда нет Вадима? И Сашки больше нет...» Ей было очень грустно. Олег как мог пытался развлечь ее, рассказывал анекдоты, всякие курьезы, забавные происшествия, но Катя слушала рассеянno и тут же все забывала.

На следующий день она отправилась в свой старый дом, родной, родительский, еще хрущевской застройки. Давно она там не была. Раньше за квартирой следил Сашка. Но теперь ее встретил запах пыли и умерших растений. Все – герань, алоэ, кактусы – засохло. Дух затхлости и смерти... Она распахнула окна, балкон. Холодный сквозняк и свежесть ворвались в комнаты, взметнув шторы. Катя схватилась за пылесос. Сколько времени они не занималась хозяйством? Кажется, целую вечность. Толстым слоем пыли покрылся ее компьютер... И книжные полки... И трюмо... Надо бы сперва все протереть... Включить холодильник, сбегать в магазин – купить хоть что-нибудь поесть, пельмени...

Возле продмага ей встретила Лиза, и Катя почему-то обрадовалась, разоткровенничалась. Рассказала обо всем. Излила душу.

– Пошли завтра со мной в храм? – пригласила та.

– Пойдем, – согласилась Катя.

После общения с Лизой ей стало полегче.

– Так я за тобой зайду, ладно? – предложила девушка.

– Ну, конечно, – отозвалась Катя. – Во сколько?

– В семнадцать тридцать.

– Хорошо, – Катя благодарно улыбнулась.

Вечером она с аппетитом поглощала пельмени и пила чай. Ночь провела в Интернете, как когда-то давно, в ту эпоху еще, до знакомства с Вадимом. Спать совсем не хотелось. Она словно вернулась в прошлое. Разнообразные сайты гасили воспоминания. Почему-то в доме Вадима она совсем потеряла интерес к компьютеру, видимо, оттого, что утонула в любви.

А утром раздался звонок в дверь, и на пороге возник улыбающийся Олег.

– Я же телохранитель, – объявил он удивленной Кате. – Я должен быть всегда при тебе. А ты почти на сутки выпала из моего поля зрения. Непорядок.

– Ну, ничего себе, заявочка! – воскликнула она. – А если я тебя уволю?

– Все равно буду тебя охранять. Я твой рыцарь, и ты никуда от этого не денешься, – сказал он упрямо, и отвел отча-

янно влюбленный взгляд.

Вот так же, бывало, смотрел на нее Вадим. И Сашка.

– Ладно, давай доедать пельмени. Я их много вчера наварила. Иди на кухню, доставай из холодильника, и грей, а я пока душ приму, – ответила она, и скрылась в ванной.

Вышла она освеженная, закутанная в розовый махровый халат. По квартире разливался чудесный аромат пельменей со специями. Стол был накрыт, в керамических тарелках дымилась еда, на хозяйском месте восседал Олег. Катя не стала сгонять его со своего стула, а села рядом, словно гость в своей квартире.

– А знаешь, – заговорил он с набитым ртом, – я начал писать роман.

– И много уже написал? – улыбнулась Катя.

– Много. Первую фразу. Она ко мне пришла спонтанно. Возможно, роман будет состоять только из нее.

– Интересный, должно быть, роман.

– Да. Ведь краткость – сестра таланта.

– Ну, так озвучь эту фразу.

– Ладно, слушай: «И тут они сели в лифт и умчались в неизвестном направлении».

– Ха-ха-ха! Ой, не могу! Кхе-кхе... Уф, чуть не подавилась.

– Значит, веселый роман получился. Так и назову: «Веселый роман». А то никак не мог озаглавить, идеи приходили в голову и упорно искали мозг...

– Хо-хо-хо! Молчи лучше, а то я и впрямь подавлюсь. И вообще, грех так ржать, когда собираешься в храм.

– И я с тобой, – сказал Олег.

– Я иду с соседкой.

– Я тоже с вами.

* * *

Она стояла среди прихожан и молилась за упокой Вадима. Глаза застилала слезы. Звуки литургии вливались в самое сердце, запах ладана нежно окутывал ее, тихо и торжественно горели свечи. Она подняла глаза и увидела лик Христа Спасителя, который смотрел с иконы с такой нежностью и любовью, что где-то внутри нее поднялась горячая волна счастья. Душа вдруг распахнулась навстречу непостижимому, неземному сиянию, которое исходило откуда-то из неведомых глубин этой маленькой церкви, показавшейся просторной... Ее так распирало от необычных, слишком сильных чувств, что она не смогла дотянуть до конца службы. И тихо вышла из храма.

Она возвращалась домой, а снег светло и ласково поскрипывал под сапогами. Ей было уютно и радостно. И вдруг Катя вспомнила это чувство – давно-давно, когда она была еще маленькая, они с бабушкой шли из церкви. И вот точно так же ладно, умиротворенно, осияно было внутри. И так же поскрипывал снег. А ведь она раньше часто вспоминала это

ощущение, но потом забыла. Но словно вчера это было. И вот началось ее долгое завтра, потерянное вчера...

Об авторе

Ольга Коренева

Светящиеся точки звезд прожгли черноту неба, и новорожденные души прорвались в эту жизнь. Вместе с ними в ту зимнюю полночь вошла в этот мир и я. Старенькая уборщица закрыла форточку замоскворецкого роддома и сказала:

– Морозища-то какой, с праздничком вас со святым-то, сегодня ж божий день «Нечаянная радость»...

Наступило 22 декабря, наша планета переместилась под созвездие Кассиопеи.

Говорят, что младенцы не понимают человеческую речь, и видят все вверх тормашками. Неправда. Я все видела нормально, а не кувырком. И даже что-то понимала. Одного лишь не могла понять – того, что в жизни мне придется круто и солоно, но орала во всю глотку, видимо предчувствуя что-то.

Верно, что писателями становятся люди со сложными судьбами. В моей третьей книге «Не грусти, гад ползучий» есть автобиографическое эссе, в котором я упомянула о некоторых своих злосчастиях, хотя писала, в основном, о светлых моментах своей жизни. Уже в зрелом возрасте поняла – чтобы быть счастливой, не надо желать себе легкой судьбы...

Я росла в годы застоя. После окончания школы работала секретарем-машинисткой в Мингазпроме, и как-то раз, «подшивая» газеты, увидела в одной из них объявление о конкурсе на лучший короткий рассказ. Я с детства пописывала коротенькие новеллы о забавных житейских случаях. И вот я их все перепечатала и послала прямо с работы через «отдел экспедиции», чтобы вернее дошли. И очень удивилась, получив вызов в Литературный институт – ведь новеллы-то я посылала вовсе не туда, а в газету. Как все это в Литинститут попало, до сих пор для меня загадка. Но с той поры я поверила в существование прекрасных бескорыстных людей, которые потом не раз встречались на моем пути, храни их Бог. С того дня судьба моя резко развернулась в сторону творчества. Моим окружением стали писатели, художники, артисты, музыканты. Я стала ходить в театр, который рядом с институтом. Мой первый рассказ был напечатан в журнале «Знамя» – он находился тоже рядом с институтом. Я училась на семинаре прозы, много писала. Моя первая книга вышла в самом крупном тогда в стране издательстве «Советский писатель», это было чудо, ведь молодых в те годы почти не печатали. Книга называлась «Белая ласточка», это был довольно большой сборник рассказов и повестей, и я взяла себе псевдоним Ольга Астахова, твердо веруя в магию слова. Решила, что такой псевдоним принесет удачу, за нее я получила премию Лучшая книга года. Но удача оказалась недолгой. В те времена у меня появились новые знакомые, и я узнала

много интересного об их жизни. О себе я ничего никогда не рассказывала, так как была чрезмерно застенчива.

Со второй книги я решила стать самой собой, Ольгой Кореневой. У меня вышли сборники «Предчувствие чудес», «Нашептанное счастье», «Не грусти, гад ползучий», «Интимный портрет дождя», роман «Капкан на тень луны» (за него меня наградили премией Золотое перо Московии 1-ой степени это было в 2004 году), и т.д. Но это уже позже, в нашу «демократическую» эпоху.

Окончив институт, я рецензировала, работала корреспондентом в журналах и газетах, но всегда предпочитала внештатную работу, так как люблю свободный стиль жизни. Новые времена позволили мне стать безработной, свободной и неприкаянной, чтобы написать новый большой роман обо всем теперешнем. За этот роман (детектив «В барханах песочных часов») я получила вторую премию на конкурсе "Русский детектив" (номинировал Георгий Вайнер), и подписала договор на издание книги с издательством «АК-пресс». Правда, роман сильно сократили, вырезали всю эротику и юмор, и редактировала малограмотная редакторша, которая вырывала целые куски текста. Я не согласилась с редактурой, и расторгла издательский договор. Второй роман тоже решила не издавать у них. В дальнейшем я написала ещё несколько экстремальных романов, и закончила работу над Экстремальными мемуарами «Интимный портрет дождя, или Личная жизнь писательницы» (ранее они были из-

даны в сокращённом варианте).

Очень надеюсь когда-нибудь найти своего издателя, если на то будет воля Божья. А может, издатель найдет меня. Я – член Союза Писателей России, имею также награды за поэзию – Золотую Есенинскую Медаль, Лермонтовскую медаль, Медаль Звездная Строфа, медаль за Верность отечественной литературе, и другие.

Контакты

<mailto:ok63@bk.ru>

Тел.: 8 926 239 94 95